

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ С.А. ЕСЕНИНА»

Рязанский историк

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с июля 2003 года

2008

7

СОДЕРЖАНИЕ

I. ТРИБУНА УЧЕНОГО

Репин Н.Н. Импортный товарооборот Архангелогородского и Петербургского портов в 1700—1762 годах: объем, структура, ассортимент	3
Страхов В.В. На алтарь Отечества: внутренние займы СССР периода Великой Отечественной войны	18
Костикова Л.П. Диалоговое видение образования в высшей школе: исторический аспект.	23
Эжарева И.Л. Из истории мировых империй и колониальных держав	33
Степанова Е.С. Восточные славяне от разрозненных племен до создания Древнерусского государства	41
Шмелёва О.И. Политика Великобритании в разрешении египетского кризиса (1881—1882 годы)	50
Эрлихсон И.М. В поисках утраченного Эдема: «Блистающий мир» монархического рационализма Маргарет Кавендиш и торжество разума в «Государствах Луны» Сирано де Бержерака	64

II. НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ДИССЕРТАНТЫ

Сизова И.В. Прошлое в настоящем: газета начала XX века как исторический источник	74
Муравьёва Л.М. Трудовая иммиграция в России в контексте социально-политической истории страны (1980-е — 2008 год)	78
Мохноногова Н.В. Значение региональных аспектов в изучении индустриального наследия в нэповский период (по материалам развития металлургии Нижегородско-Владимирского региона)	84

III. СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ НАШЕГО КРАЯ В ТВОРЧЕСТВЕ РЯЗАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Владимир Пронский Обозы ранней зимы (глава из романа «Провинция слез»)	88
Владимир Сёмин Памятный курган города Зарайска	96

IV. В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ

Неретина М.В., Сафронова Т.И. Отмена крепостного права в России и в Рязанской губернии (урок истории в 8 классе)	100
Моисеева Е. Ю., Ерёмкина Н.И., Солдатов А.А. Урок-исследования для учащихся 6—7 классов	106

V. РЕЦЕНЗИИ

Злотников Л.М., Злотникова Л.М. Рецензия на книгу: М.Л. Кордозо Фернандес. Традиционная метрологическая культура: сущность и значение. М. : Прометей, 2006. 308 с., 76 ил.	110
Сведения об авторах	111
Положение о журнале «Рязанский историк»	112

I. ТРИБУНА УЧЕНОГО

Н.Н. Репин

ИМПОРТНЫЙ ТОВАРООБОРОТ АРХАНГЕЛОГОРОДСКОГО И ПЕТЕРБУРГСКОГО ПОРТОВ В 1700—1762 ГОДАХ: ОБЪЕМ, СТРУКТУРА, АССОРТИМЕНТ

Проблема ввоза товаров из европейских стран в Россию в XVIII веке, являясь составной частью изучения истории внешней торговли, не стала еще предметом специального исследования, в том числе и по главному внешнеторговому направлению — через Архангельск и Петербург. Наиболее ценные сведения об импортном товарообороте столичного порта содержатся в статье Н.Н. Репина и М.Я. Гидиона «Санкт-Петербургский порт в 1725—1762 годах: внешнеторговый оборот в цифрах»¹. Однако остаются неизученными вопросы, связанные с историей ввоза иностранных товаров через Архангельск, являвшийся в течение двух десятков лет главным внешнеторговым центром России, а затем концентрировавший часть предметов импорта, доля которых возрастала в после-

дующее время, хотя и значительно уступала Петербургу.

Автор ставит своей целью изучить объем, структуру и ассортимент товаров, ввозимых в северный и столичный порты из стран Европы в течение первых шести десятилетий XVIII века, через которые на внутренний рынок поступало свыше 90 процентов предметов импорта, обеспечивавших потребности населения России.

Определение объема импорта представляет некоторые трудности, так как в таможенной документации не учитывалась стоимость товаров, освобождаемых от уплаты пошлин; не указывались предметы импорта, приобретаемые казной, сделки на которые заключались в столицах; не всегда отмечался принцип составления сводных ведомостей (по тарифной оценке или по коммерческим це-

нам в местах торговли, не совпадавших по величине) и т. п.

Тем не менее, единственным способом, позволяющим выявить тенденции в изменении импортного товарооборота, является сопоставление его по годам, сведения по которым сохранились, допуская, что вышеуказанные недостатки в таможенном учете распространялись на весь изучаемый период.

В первые десять лет, когда Архангельск монополизировал всю торговлю со странами Европы, стоимость импортных товаров колебалась от 586,5 до 1207,9 тысячи рублей. С начала второй четверти века их стоимость составляла почти 1,6 миллиона рублей, в конце 30-х годов достигла почти 2 миллионов, через 10 лет приблизилась к 4 миллионам рублей и в 1762 году превзошла четырехмиллионный рубеж (табл. 1). За полвека — с 1710 по 1762 год — ввоз товаров из европейских стран возрос с 1207,9 тысячи рублей до 4057,9, или в 3,4 раза, а с учетом изменения цен и курса рубля почти удвоился ².

Таблица 1

Объем импортного товарооборота портов Архангельска и Петербурга, тыс. руб.

Год	Архангельск	Петербург	Оба порта
1704	955,8	—	—
1710	1207,8	—	—
1717—1719	597,6	188,8 (за 1718 г.)	786,4
1720	991,5	?	?
1725	33,5	1395,7	1429,2
1726	35,8	1549,7	1585,5
1739	109,7	1819,1	1928,8
1743	231,8	2991,8	3223,6
1748	121,6	2941,2	3062,8
1749	149,0	3836,1	3985,1
1758—1760	165,4	3299,8 (в ср. за год)	3464,3
1762	260,6	3797,3	4057,9

Источники: Российский государственный архив древних актов. — Ф. 19. — Оп. 1. — Д. 248. — Л. 18—19; Ф. 248. — Кн. 78.—Л. 586—620; Кн. 2491. — Л. 213; Ф. 276. — Оп. 1. — Д. 1513. — Л. 14—22; Д. 1665. — Л. 2, 44—50; Ф. 397. — Оп. 1. — Д. 641. — Л. 1—95; Санкт-Петербургский филиал архива Института Российской истории Российской академии наук. — Ф. 10. — Оп. 3. — Д. 145. — Л. 1—1723 об.; Ф. 36. — Оп. 1. — Д. 565. — Л. 3; Д. 572. — Л. 73 об. — 74, 76 об. — 77; Семенов, А. Исторические сведения о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия до 1858 г. — СПб., 1853. — Ч. 3. — С. 21, 23. 27—28, 30; Архангельские губернские ведомости / сост. А. Журавлев. — 1847. — № 44; Репин, Н.Н. Санкт-Петербургский порт в 1725—1762 гг.: внешнеторговый оборот в цифрах / Н.Н. Репин, М.Я. Гидион // История дореволюционной России: мысль, события, люди : сб. науч. тр. — Вып. 3. — Рязань, 2005. — С. 13.

Размеры импортного товарооборота Петербурга превосходили стоимость иностранных товаров, ввозимых через Архангельск с начала

20-х годов, но соотношение их в последующие годы было неодинаковым. В период резкого спада архангелогородской торговли величина импорта столичного порта превосходила размеры ввоза через северный порт более чем в 40 раз (почти в 42 раза в 1725 году и более чем в 43 раза в 1726 г.). Затем это расхождение имело тенденцию к снижению при заметных колебаниях по годам, а в 1762 году ввоз иностранных товаров через Петербург превосходил импорт Архангельска в 14,6 раза (табл. 1). При этом темпы роста импорта столичного порта был выше, чем экспорта, а в некоторые годы (1743, 1751) стоимость ввозимых товаров превосходила размеры вывоза³, демонстрируя тем самым большое значение европейских товаров в торговле Петербурга.

На столичный и северный порты приходилась основная часть импорта из стран Европы в Россию, хотя ее доля снизилась с 75 процентов в 1726 году стоимости товаров, ввезенных морем, до 72,3 процента в 1762 году и с 73,5 процента стоимости общеевропейского импорта в 1743 году до 60,4 процента в 1762 году⁴. Важно отметить и то, что через Петербург и Архангельск на внутренний рынок России поступало около 92 процентов иностранных товаров, ввезенных из стран Европы морем, и 73,4 процента — из всех внешнеторговых центров, связанных с европейскими государствами. Основная же часть предметов импорта приходилась на Петербург: в середине 20-х годов — свыше 70 процентов стоимости товаров, ввезенных морем, а в 1743 году и 1762 году — соответственно 66,2 и 68,7 процента⁵.

Ассортимент импортных товаров, ввозимых через Архангельск и Петербург, был чрезвычайно разнообразен и насчитывал сотни наименований, отчего классификация предметов импорта представляла немалые трудности. Для группировки импортных товаров нами был использован производственный принцип: по видам продукции промышленного, сельскохозяйственного производства, промыслов, колониальных товаров (пряности, кофе, чай, какао и др.). Товары, трудно поддающиеся учету, вслед за таможенной администрацией мы объединили в отдельные группы — «мелочные товары», а с 1727 года и «галантерейные товары». Такой подход к классификации товаров позволил выделить 20 групп предметов иностранного ввоза в Россию за годы, сведения по которым сохранились, и представить их в таблице 2.

Таблица 2

Стоимость ввезенных в Россию товаров
через порты Архангельск и Петербург

Наименование товара	Архан- гельск 1710 г.	Оба порта		1762 г.		
		1725 г.	1748 г.	оба порта	морским путем	сухим путем
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>
Шерстяные ткани и изделия из шерсти	501635	571443	949636	1123244	1141890	302105
Металлы и изделия из них	223347	81057	123248	293315	314288	51280

Химические изделия	131694	283756	276347	585021	597165	33113
<i>Окончание таблицы</i>						
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>
Винно-водочные изделия и пиво	71124	185346	325184	446272	538728	80236
Шелковые ткани и изделия из шелка	65522	7975	264594	234331	256524	167664
Меха	29624	8119	24219	30012	752	
Сахар, конфеты, па-тока, шоколад	25058	5686	176285	558888	577463	400
Льняные и хлопчатобумажные ткани	21588	24373	82455	173206	192106	241013
Пряности	19541	29805	62807	38630	40436	2891
Бумага и игральные карты	19271	34766	10433	24559	26300	87286
Драгоценные металлы и изделия из них	18542	1989	167747	30234	30293	2417
Фрукты и ягоды	11922	29992	90155	66835	96896	19144
Стекло и изделия из стекла и хрусталя	9400	30398	43958	80399	82882	9862
Домовые деревянные и прочие уборы	2248	15646	36418	31680	32861	2285
Табак	1325	3257	7149	12626	12795	—
Рыба	1307	16444	18491	29193	32395	11
Хлебопродукты и продукты животноводства	287	54235	15320	26037	29029	2193
Напитки: кофе, какао, чай, соки, воды	16	20253	66314	77764	82331	426
«Мелочные» товары	54358	24662	181449	114932	217643	102986
Галантерейные товары	—	—	140566	80836	83826	397
Итого	1207809	1429202	3062775*	4057901**	4415863**	111346 1

Источники: РГАДА. — Ф. 248. — Кн. 2491. — Л. 213; Ф. 276. — Оп. 1. — Д. 1513. — Л. 2—12 об.; Ф. 397. — Оп. 1. — Д. 623. — Л. 2—23; Д. 641, 644; СПб. филиал архива ИРИ РАН. — Ф. 10. — Оп. 3. — Д. 145, разные листы; Государственный архив Архангельской области. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 117. — Л. 122 об. — 130.

* Не включена стоимость товаров, привезенных армянскими купцами для отправки в Персию.

** Не учтена стоимость ввезенной валюты.

Как видно из таблицы 2, основное значение в импорте Архангельска и Петербурга имели шерстяные ткани и изделия из шерсти, металлы и изделия из них, химические, винно-водочные и шелковые изделия (кроме 1725 г.), составлявшие вместе от 82,2 процента в 1710 году до 66,1 процента в 1762 году.

Заметное влияние на импорт отдельных лет оказывали и другие группы предметов иностранного ввоза: в 1710 году — «мелочные товары», льняные и хлопчатобумажные ткани, сахар; в 1725 году — хлебопродукты и продукты животноводства, стекло и изделия из стекла и хрусталя, пряности, фрукты и ягоды, «мелочные товары»; в 1748 году — сахар, «мелочные» и галантерейные товары, которые вместе с вышеуказанными предметами импорта пяти групп превышали 90 процентов импортного товарооборота Петербурга и Архангельска за указанные годы.

Для изучения истории ввоза через северный и столичный порты отдельных предметов импорта по группам товаров, выяснения динамики их ввоза за полстолетие, с 1710 по 1762 год, обратимся к стоимостным показателям других лет, когда происходили резкие перемены в вывозе товаров, а к количественным из-за чрезвычайной широты ассортимента ввозных товаров — лишь по отдельным предметам импорта.

Постоянным и значительным спросом на российском рынке пользовались *шерстяные ткани и другие изделия из шерсти*. Основная часть стоимости товаров этой группы приходилась на сукно: в 1710 году — 96 процентов (481,1 из 501,6 тысячи рублей), в 1762 году — 79,2 процента (886,8 из 1123 тысяч рублей). Сукна различались по месту их производства (английские, голландские, гамбургские, лятчины, шленские и др.), по видам (солдатские, каразеи, кострыжи, яренги, стамеды, полустамеды), по цвету (черные, кармазинные и полукармазинные, «диких» цветов и др.), по качеству (лучшие, средние, ординарные). Ввозился также суконный лоскут и «покромеи».

За эти годы возросла стоимость других шерстяных тканей и изделий из шерсти: с 20,5 тысячи рублей до 236,4, что и привело к снижению доли сукна. Из других шерстяных тканей известны саржа, трип, флюр, фланель, камлот, каламянка и другие, а также изделия из шерсти: чулки, перчатки, шляпы, колпаки, одеяла и прочее⁶.

В целом же ввоз товаров первой группы имел тенденцию к росту, составляя 501,6 тысячи рублей в 1710 году, 571,4 — в 1725 году, 949,6 — в 1748 году и 1123,2 тысячи рублей — в 1762 году. На Петербург и Архангельск в 1762 году приходилось почти 78 процентов стоимости шерстяных тканей и изделий из шерсти, ввезенных из европейских стран, — 1123,2 из 1444 тысяч рублей (табл. 2).

Импорт *шелка, шелковых тканей, изделий из шелка* из стран Европы не отличался стабильностью, составляя 65,5 тысячи рублей в 1710 году, около 8 тысяч рублей в 1725 году, 264,6 тысячи рублей в 1748 году, 234,3 тысячи рублей в 1762 году (табл. 2). Резкое снижение ввоза товаров этой группы в 1725 году было вызвано установлением высоких пошлин на них в первом русском тарифе, а спад импорта в начале 60-х годов — с повышением пошлин по тарифу 1757 года, с развитием шелкоткацкой промышленности в России⁷ и отвлечением на другие внешнеторговые направления, прежде всего на западные сухопутные пограничные центры. На Петербург и Архангельск в 1762

году приходилось чуть более 60 процентов стоимости шелковых тканей, других изделий из шелка и шелка (табл. 2).

За полвека заметное изменение претерпело процентное соотношение между составными частями этой группы товаров: тканями, другими изделиями из шелка и шелком. Если в 1710 году оно составляло соответственно 85 процентов, 14,8 и 0,2 процента (55,7 тысячи рублей, 9,7 и 0,1 тысячи рублей), то в 1762 году — 63,2 процента, 31,4 и 5,4 процента (148,1 тысячи рублей, 73,7 и 12,6 тысячи рублей). За эти годы не только возросла доля шелковых изделий и шелка, но и снизился импорт дорогой парчи с золотыми и серебряными нитями с 10 процентов в 1710 году до 2 процентов в 1762 году.

Заметные перемены произошли в ассортименте шелковых изделий. К десятку видов шелковых тканей, продаваемых в 1710 году (тафта, полутафта, стофы, бархат, трип, атлас, камка, флюр, объяр, парча), прибавилось более десяти новых наименований: драгеты, люстрины, белокосты, брокаты, градитуры, шир и др. В число других весьма разнообразных изделий из шелка, ввозимых из европейских стран, входили ленты, перчатки, чулки, кафтаны, галуны, манжеты, шапки, пуговицы, тесьма, бахрома, занавески, кошельки, кушаки и т.д. без учета тех, которые включались в группы «мелочных» и галантерейных товаров. Преобладающее значение среди этих товаров в 1710 году имели ленты (80 процентов их стоимости), а в начале 1760-х годов — чулки (27,5 тысячи рублей), платки (21,4 тысячи рублей) и ленты (20,4 тысячи рублей), на которые приходилось 85 процентов других шелковых изделий, исключая ткани.

Из стран Европы ввозился пряденый, сканый и сученый шелк, то есть прошедший предварительную подготовку к производству, а средняя цена его — 159 рублей за пуд — более чем вдвое превосходила оценку самого лучшего по качеству персидского шелка — лези (75 рублей).

В импорте *льняных и хлопчатобумажных тканей* перемены, произошедшие за полвека, выразились прежде всего в изменении соотношения между ними. Если в 1710 году преобладали льняные ткани (12,0 процента и 9,6 тысячи рублей), то в 1762 году — хлопчатобумажные, составившие 82,1 процента стоимости товаров этой группы (142 из 173,2 тысячи рублей), при существенном изменении их ассортимента. В начале века ввозились байка, выбойка, бумажная кисея, чулки, «маховки», в 60-е годы к ним прибавились ситец, полуситец, баракан, камортки, батист, миткаль, кумач, платки, перчатки, занавески и другие товары, обеспечившие возрастание в этом году доли изделий из бумаги и хлопка.

Наряду со старыми видами полотен — скатертное, салфеточное, печатное и т.д., импорт которых снизился, в 1762 году ввозились «вощаное» полотно, а также материал «под клеймение», используемый в качестве полуфабрикатов на отечественных мануфактурах.

Изменения, произошедшие в структуре товаров этой группы, обеспечили рост их импорта через Петербург и Архангельск, а их стои-

мость составила: 21,6 тысячи рублей в 1710 году, 24,4 тысячи рублей в 1725 году, 82,5 тысячи рублей в 1748 году, 173,2 тысячи рублей в 1762 году. В начале 60-х годов на столичный и северный порты приходилось 40 процентов стоимости льняных и хлопчатобумажных тканей и изделий, а основная часть их — 55,6 процента на 241 тысячу рублей — провозилась через западные сухопутные границы России (табл. 2).

В группе *химических изделий*, ввоз которых из стран Европы за полвека вырос более чем в 4 раза (с 131,7 до 585 тысяч рублей), преобладали различные виды красок и красящих веществ. При удвоении ассортимента красок за эти годы — с 22 до 40 видов — основная часть их стоимости в 43,8 тысячи рублей (данные в источнике без подразделения) приходилась в 1710 году на брусковую (индиго), курасовскую и сандоминго, на лавру (219,2 тысячи рублей) и сандал (16,2 тысячи рублей), а в 1762 году — на брусковую краску (300,7 тысячи рублей), сандал (80,1 тысячи рублей), консенель (29 тысяч рублей), крап (13,1 тысячи рублей) и киноварь (8,4 тысячи рублей).

Из других химических изделий, ввоз которых был наиболее значителен в течение всего изучаемого периода, являлись деревянное масло, ладан, купорос, квасны, горячая сера. Их стоимость возросла с 1710 по 1762 год с 28,6 тысячи рублей до 114,2⁸.

Основная часть химических изделий ввозилась через северный и столичный порты, на которые в 1762 году приходилось 98 процентов стоимости товаров этой группы, поступивших в Россию из стран Европы (табл. 2).

Ввоз *металлов и изделий из них* через Архангельск и Петербург возрастал, испытывая колебания в отдельные годы. В 1710 году было ввезено товаров этой группы на 223,3 тысячи рублей, в 1725 году — на 81,1 тысячи рублей, в 1746 году — на 123,2 тысячи рублей, в 1762 году — на 293,3 тысячи рублей. Соотношение металлов и металлоизделий в изучаемый период складывалось в пользу первых, доля которых превышала 75,7 процента (169 из 223,3 тысячи рублей) в 1710 году и 70,5 процента (206,7 из 293,3 тысячи рублей) в 1762 год.

Перемены в импорте товаров этой группы за полвека выразились в прекращении ввоза меди и железа «не в деле»⁹, что было компенсировано увеличением импорта других металлов, особенно олова, ввоз которого с 1710 по 1762 год увеличился в 5,4 раза — с 3,6 до 19,5 тысячи пудов, составив в 1762 году более половины стоимости товаров этой группы — 157,1 из 293,3 тысячи рублей. За эти годы возрос также импорт ртути с 33 до 335 пудов и белого железа с 211 до 313 бочек, а ввоз свинца оставался примерно на одинаковом уровне — около 20 тысяч пудов.

Из разнообразных по ассортименту изделий из металла в 1710 году преобладала посуда и другие изделия: из меди (20,8 тысячи рублей), из олова (15,7 тысячи рублей) и железа (иглы на 8,4 тысячи рублей, мишура на 2,6 тысячи рублей, наперстки на 1,9 тысячи рублей), составившие вместе 94,3 процента стоимости товаров этой подгруппы (51,3 из 54,4 тысячи рублей), а в 1762 году также пуговицы (29,4 тыся-

чи рублей), косы (15,6 тысячи рублей), ножи и вилки (11 тысяч рублей), на которые приходилось 64 процента стоимости металлоизделий, ввезенных через оба порта. В начале 1760-х годов по-прежнему ввозилось технологическое оборудование: «станки для шерстяной фабрики», ворсильные шишки, «карты, которыми шерсть чешут», инструменты и т.п. В продаже появились «музыкальные инструменты»: валторны, скрипичы, клевенкорды и другие, а также «трубы пожарные заливные»¹⁰.

Через столичный и северный порты в 1762 году ввозилось свыше 80 процентов металлов и металлоизделий, поступающих в Россию из стран Европы.

Рост спроса на европейские *винно-водочные изделия* проявлялся в поступательном увеличении их ввоза через Архангельск и Петербург, составив 71,1 тысячи рублей в 1710 году, 185,3 тысячи рублей в 1725, 325,2 тысячи рублей в 1748 и 446,3 тысячи рублей в 1762 году.

В начале XVIII века особым спросом пользовались рейнское, церковное, французское вино и сек, на которые приходилось 94,6 процента стоимости вина, проданного в северном порту (66,6 из 70,4 тысячи рублей). Кроме того, на Архангелогородской ярмарке торговали романеей, трессером, пантаком, рейшвейном, алканом. Через полвека ассортимент вин превысил четыре десятка наименований, а основная часть их стоимости — 83,6 процента (240 из 266,9 тысячи рублей) — приходилась на «ординарные вина» (155,8 тысячи рублей), шампанское (30,3 тысячи рублей), бургонское (26,6 тысячи рублей), португальское (14,5 тысячи рублей) и «пикадон» (12,8 тысячи рублей).

Импорт «крепких вин» (водки) подвергался правительственной регламентации, так как их ввоз ущемлял интересы казны, монополизировавшей торговлю спиртными напитками¹¹. Однако эти меры не оказали серьезного влияния на ограничение ввоза водки, стоимость которой с 1710 по 1762 год возросла с 624 рублей до 83,9 тысячи рублей¹². В начале 60-х годов Комиссия о коммерции предложила снять преграды с импорта «крепких вин» под предлогом, что они потреблялись верхами российского общества («французского вина подлой народ употребляет мало»), что, по мнению комиссии, не могло отразиться на «кабацкой продаже», а свободная торговля ими в Москве и Петербурге могла обеспечить прирост таможенных сборов¹³.

За полвека резко возрос импорт пива. В 1710 году в Архангельске было продано 4 анкерка и 30 дюжин сулеек пива на сумму 68 рублей, а в 1762 году в столичный порт было привезено 1085 бочек оке, 12 анкерков¹⁴ и 7 бутылок пива трех сортов на сумму 75,5 тысячи рублей. Наибольшим спросом пользовался элбирь, составлявший 99,7 процента стоимости пива, проданного в Петербурге.

В начале 60-х годов XVIII века на долю столичного и северного портов приходилась основная часть винно-водочных изделий, ввезенных из европейских стран, — 72,1 процента (446,3 из 619 тысячи рублей). Остальные товары этой группы импортировались преимущественно через западные сухопутные границы России и Темерниковский порт¹⁵.

В изучаемый период возрос импорт и других «напитков»: кофе, чая, соков, вод. Если в 1710 году было ввезено всего 8 фунтов чая на 16 рублей, то в 1725 году их стоимость составила 20,2 тысячи рублей, в 1748 — 66,3 тысячи рублей, а в 1762 году — 77,6 тысячи рублей. Основная часть стоимости товаров этой группы приходилась на кофе — 72 тысячи рублей (92,6 процента) и чай — 3,8 тысячи рублей. Кроме того, в 1762 году было импортировано преимущественно через Петербург 20 пудов какао на 211 рублей, соков (грушевого и солодкового), сиропа, минеральных вод (шлаватер, букватер, лавендовая) на сумму 1794 рубля¹⁶. На долю Петербурга и Архангельска приходилось около 94 процентов стоимости товаров этой группы (табл. 2).

Ввоз «сладостей» — сахара, конфет, шоколада — возростал, составив 25,1 тысячи рублей в 1710 году, 176,3 тысячи рублей в 1748 году, 558,9 тысячи рублей в 1762 году (табл. 2). Основная часть стоимости товаров этой группы приходилась на сахар: в 1710 году она составила 94 процента, а в 1762 году — 99 процентов¹⁷. Лишь в 1725 году в связи с повышением на него таможенной пошлины его было ввезено всего на сумму 5,7 тысячи рублей. Ввоз сахара возрос за эти годы с 5,6 до 54,2 тысячи пудов. Основная часть «сладостей» ввозилась в Россию из европейских стран через Петербург и Архангельск, достигнув в 1762 году 96,9 процента.

Ввоз стекла и изделий из стекла и хрусталя возрос с 1710 по 1762 год с 9,4 до 80,4 тысячи рублей. В начале XVIII века основная часть товаров этой группы приходилась на оконные и зеркальные стекла и составляла в 1710 году 63 процента (5,9 тысячи рублей), в 1762 году снизилась она до 34,6 процента (27,8 тысячи рублей). В составе изделий из стекла и хрусталя особым спросом пользовалась посуда, стоимость которой возросла с 30 процентов в 1710 году до 45,3 в 1762 году, а также бисер и корольки¹⁸. В начале 60-х годов через Петербург и Архангельск ввозилось около 87 процентов стоимости товаров этой группы.

Импорт *пряностей* возрос с 19,5 тысячи рублей в 1710 году до 38,6 тысячи рублей в 1762 году, а наивысший уровень их ввоза — 62,8 тысячи рублей — относился к 1748 году. Из товаров этой группы большим спросом пользовались перец, миндаль, мускатные орехи и цвет, корица, гвоздика, имбирь, уксус, стоимость которых в 1710 году составляла 93,8 процента, а в 1762 году — 95,3 процента ввозимых пряностей¹⁹. На Петербург и Архангельск в начале 1760-х годов приходилось свыше 89 процентов стоимости пряностей, ввезенных из стран Европы (табл. 2).

Из садовых культур постоянным и значительным спросом пользовались изюм, соленые лимоны, смоквеи, винные ягоды, коринка; они составили около 31 процента стоимости *ягод и фруктов*, проданных в Архангельске в 1710 году. В 1762 году стоимость лимонов (36,4 тысячи рублей), изюма (9 тысяч рублей), яблок и груш (8,1 тысячи рублей), чернослива (3,4 тысячи рублей), привезенных в столичный и северный порты, составила 66,8 тысячи рублей, превысив 85 процентов

товаров этой группы. На Петербург и Архангельск приходилось 57,6 процента стоимости ягод и фруктов, ввезенных в Россию из стран Европы в 1762 году, остальная их часть привозилась через другие морские порты и сухопутные границы страны²⁰.

В Россию — край пушных богатств — из европейских стран ввозились меха (в 1710 году на сумму 29,6 тысячи рублей, в 1762 году — на 29,9 тысячи рублей), большую часть которых составляли бобры и ярыцыг²¹. Импорт других мехов — выдр и лисиц — был нерегулярен и невелик.

Ввоз товаров, включенных в группу *бумага и игральные карты*, испытывал заметные колебания. В 1710 году их было продано на сумму 19,3 тысячи рублей, в 1725 году — на 34,8 тысячи рублей, в 1748 году — на 10,4 тысячи рублей, в 1762 году — на 24,6 тысячи рублей, причиной чего являлось разное соотношение в импорте различных видов бумаги и игровых карт. В 1710 году на писчую бумагу приходилось 90,6 процента стоимости товаров этой группы товаров (17,5 тысячи рублей), на хлопчатую — 1,3 процента, на карты — 0,4 процента; в 1725 году соответственно 74,9 процента, 0,2 процента и 22,8 процента (26 тысяч рублей, 0,9 и 7,9 тысячи рублей); в 1762 году — 5,6 процента, 7,5 процента и 57,4 процента (1,4 тысячи рублей, 1,8 и 14,1 тысячи рублей)²². В 1710 году заметным был ввоз картузной бумаги (1,5 тысячи рублей), а в начале 1760-х годов — новых видов бумаги: книжной, почтовой, «пропускной», крашеной, на которые приходилось 29,2 процента (7,2 тысячи рублей) стоимости товаров этой группы. В Петербург и Архангельск привозилось в 1762 году немногим более пятой части бумаги и карт, а основная их доля, преимущественно хлопчатой бумаги, проходила через сухопутную границу страны.

Тенденцию к росту имел импорт *рыбы*. В 1710 году ее было ввезено на 1,3 тысячи рублей, в 1725 году — на 16,4 тысячи рублей, в 1748 году — на 18,5 тысячи рублей, в 1762 году — на 29,2 тысячи рублей, причем основная часть приходилась на сельдь: 97,7 процента в 1710 году (1277 рублей) и 92,5 процента (27 тысяч рублей) в 1762 году²³. К ввозимым в начале века анчоусам и ратушке в 1762 году прибавились ларш, камбала, минога, карп, треска, семга, устерсы, стоимость которых, однако, составляла всего 2,2 тысячи рублей.

Главным центром торговли привозной из-за границы рыбы был Петербург, через который поступало свыше 30 процентов этого товара.

Данные таблицы 2 показывают, что ввоз *табака* через Архангельск и Петербург имел тенденцию к росту, несмотря на резкие колебания. Его стоимость с 1710 по 1762 год увеличилась в 10 раз — с 1,3 до 12,6 тысячи рублей. Наибольшее количество табака ввозилось в конце XVII века после заключения контракта на поставку этого товара из Англии в 1698 году. По данным британского историка Я.М. Прайса, с 1698 по 1722 год в Россию было ввезено 3665 тысяч фунтов табака (около 102 тысяч пудов); в среднем по 24,7 тысячи пудов в год, а в последующие 22 года — по 1,3 тысячи пудов²⁴. Однако англичане не учли потребность в табаке на русском рынке, торговля

им шла трудно, а в 1706 году оставшийся товар был сдан в казну²⁵. После этого табак поставлялся в Архангельск иностранными купцами по подряду, а торговля им внутри страны была монополизирована казной. Во второй четверти XVIII века импорт табака не превышал 280 пудов в год, а в некоторые годы (1731, 1741, 1746) не ввозился вовсе. В 1762 году в Петербург было доставлено 172 пуда табака двух сортов — «бризели кастер» и виргинского, из которых первый, оцениваемый в 80 рублей за пуд, был рассчитан на столичного покупателя, обладавшего значительными денежными средствами²⁶. Одной из главных причин сокращения импорта табака в Россию являлось поощрение его производства в России. Еще в 1713 году правительство разрешило заводить «мануфактуры и плантации» всем желающим²⁷, что создало материальную основу для замены иностранного табака отечественным. Почти весь табак, поступающий из европейских стран в начале 60-х годов XVIII века (около 98 процентов), проходил через Петербург (табл. 2).

Хлебопродукты и продукты животноводства лишь в отдельные годы приобретали некоторое значение в импорте столичного и северного портов, главным образом Петербурга. Так, например, в 1725 году в Санкт-Петербург было ввезено значительное количество хлебопродуктов на сумму 39,2 тысячи рублей, составившей 72,2 процента стоимости товаров этой группы²⁸, что было связано с неурожаем в России и освобождением иностранных купцов от уплаты пошлин²⁹. Продукты животноводства (сыр, сливочное масло, колбаса, соленое и копченое мясо), а также сухари, крахмал и т. д. ввозились через оба порта, но в небольшом количестве и в отдельные годы.

В 1762 году в число товаров этой группы, продаваемых в Петербурге и Архангельске, входили также рис (11,8 тысячи рублей), сыр (6,9 тысячи рублей), бобы, крупы, лапша, соя, горох, крендели, крахмал, проданные на 5,3 тысячи рублей, а также сливочное масло (974 рубля), мясо и колбаса (471 рубль), овцы (98 рублей)³⁰, составившие в целом 83,3 процента стоимости продуктов животноводства и хлебопродуктов, привезенных из европейских стран.

Ввоз *золотых и серебряных денег* (валюты) в Россию, использовавшихся для перечекировки, поощрялся правительством. Рейхсталеры (ефимки), учитываемые в таможенных документах, значились в перечне товаров практически на каждом корабле, приходившем в русские порты. В целях поощрения импорта драгоценных металлов иностранные купцы освобождались от уплаты с них пошлин, что, однако, сочеталось с систематическим напоминанием иностранным и русским купцам о запрещении вывоза их за границу. Валюта на монетные дворы поставлялась подрядным способом и посредством скупки у купцов³¹. Пополнению серебра и золота в России должен был служить и переход от обмена товара на товар (бартер) к их продаже на деньги³².

Одним из главных и постоянных источников поступления серебра в казну являлись таможенные сборы, размер которых возрастал. Если в Архангельске до 1720 года они редко превышали 300 пудов³³, то в таможенных документах обоих портов, преимущественно Петербурга, в 1724—

1727 годах собиралось в среднем по 410 пудов, в 1730-е годы — по 416 пудов, в 1740-е — по 646 пудов, в 1750-е годы — по 828 пудов серебра³⁴. Размеры серебра, поступавшего через таможенные каналы, намного превосходили добычу его в России. Так, в 1710 году в Архангельске было собрано около 249 пудов серебра, что почти в 70 раз больше среднегодовых размеров его добычи в Нерчинске. Через 15 лет пошлинные сборы во всех российских портах, связанных с европейскими странами (1000 пудов), вчетверо превосходили уровень таможенных поступлений в Архангельске в 1710 году, в 6,75 раза — добычу серебра в нерчинских рудниках за 21 год и в 143 раза — среднегодовые размеры добычи этого драгоценного металла в Нерчинске в 1704—1724 годах³⁵. В 1725—1757 годах в Петербург в среднем за год поступало 457 пудов серебра³⁶, что в 25 раз превосходило величину добычи его в Нерчинске (21 пуд), которая в 1762 году возросла до 150 пудов³⁷.

Импорт *изделий из золота и серебра и драгоценностей* чутко реагировал на нормы таможенного обложения в тарифах. В 1725 году их стоимость снизилась по сравнению с 1710 года почти в 10 раз (с 13,5 до 2 тысяч рублей) и резко возросла после введения умеренного тарифа 1731 года, составив 167,7 тысячи рублей в 1748 году, 102,6 тысячи рублей в 1750 году, 186 тысяч рублей в 1751 году, вновь снизившись до 30,2 тысячи рублей в 1762 году³⁸. Осуждение Петром I любителей драгоценностей («Ежели бы нашелся алмаз с ручной жернов, то, кажется мне, что, невзирая на его тяжесть, повесили бы и оной на шею»³⁹) расходитя с реальной политикой правительства в отношении ввоза драгоценных камней, которые либо вовсе освобождались от пошлин (алмазы), либо облагались невысоким таможенным сбором — жемчуг (20 процентов)⁴⁰. На Петербург и Архангельск в 1762 году приходилось 92,4 процента стоимости товаров этой группы.

Ввоз *домовых деревянных и прочих уборов* возрос с 2,2 тысячи рублей в 1710 году до 31,7 тысячи рублей в 1762 году. Основную часть изделий из дерева, ввозимых в столичный порт в начале 1760-х годов (59,1 процента) составляли мебельные гарнитуры (10,7 тысячи рублей), кареты и коляски (10,8 тысячи рублей)⁴¹. Некоторое представление о стоимости этих товаров дают счетные выписки иностранных купцов за 1710 год: если столы оценивались от 2 до 4 рублей, а шкафы — от 7 до 40 рублей, то кровать «за занавесками», купленная для М.Б. Шереметева, стоила 100 рублей, а с золотыми позументами, приобретенная для него же, — 350 рублей. Коляска «с принадлежавшими к ней потребностями», купленная для Г.И. Волконского, стоила 40 рублей⁴².

Другое практическое значение имели разные виды дерева: пакгоутовое, эвенгоут, пальмовое, буковое, красное, использовавшиеся в кораблестроении и для изготовления мебели. Эти виды дерева составляли в начале 60-х годов XVIII века незначительную часть стоимости товаров этой группы, ввозимых через Петербург, — 16,5 процента (5,2 из 31,7 тысячи рублей).

Ввоз «мелочных» и галантерейных товаров в изучаемое время испытывал значительные колебания (см. табл. 2). На долю Петербургского и Архангелогородского портов в 1762 году приходилось 35,8 процента стоимости «мелочных» и 96 процентов галантерейных товаров. Значительная часть «мелочных» товаров в этом году составляла соль как в балтийских портах, присоединенных к России (29 процентов, или 62,6 из 217,6 тысячи рублей), так и в торговых центрах по западной границе (88 процентов, или 39,4 из 103 тысяч рублей)⁴³, отправка которой на внутренний российский рынок была запрещена. Через Петербург и Архангельск иностранная соль ввозилась время от времени для повышения качества засолки рыбных и мясных продуктов, предназначенных для вывоза за границу⁴⁴. Соблюдение интересов казны, монополизировавшей торговлю солью внутри страны, являлось главной причиной ограничения импорта ее «без излишеств»⁴⁵ по главному внешнеторговому направлению.

Статистическое обозрение импортного товарооборота Архангельска и Петербурга в изучаемый период позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, в течение первых шестидесятилетий XVIII века прослеживался перманентный рост объема импорта из европейских стран как в целом, так и большинства выделенных групп товаров, основная часть которых привозилась в Россию через столичный и северный порты. Во-вторых, перемены в импорте отдельных товаров проявлялись в уменьшении ввоза одних (грубое сукно, изделия из шелка, писчая бумага и др.) и количественном росте и расширении ассортимента других. В-третьих, причинами этих перемен являлись прежде всего развитие крупной промышленности в России, продукция которой заменяла часть товаров, ввозимых из европейских стран, и тарифная политика русского правительства, в результате чего сокращение ввоза части товаров компенсировалось значительным ростом импорта других, не облагавшихся повышенными пошлинами, что и обеспечивало рост импортного товарооборота Петербурга и Архангельска.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Репин, Н.Н. Санкт-Петербургский порт в 1725—1762 гг.: внешнеторговый оборот в цифрах / Н.Н. Репин, М.Я. Гидион // История дореволюционной России: мысль, события, люди : сб. науч. тр. — Вып. 3. — Рязань, 2005. — С. 20—27.

² Здесь и далее импортный товарооборот учитывается по реальным ценам за 1710 г. и по тарифной оценке за остальные три года. Они расходятся с номинальными ценами на импортные товары, которые в 1725 г. в сравнении с 1710 г. составили 103 %, в 1748 и 1762 гг. — 160 %, а с учетом изменения курса рубля соответственно 120, 183 и 187 %. (См.: Репин, Н.Н. Внешняя торговля России через Архангельск и Петербург в 1700—1762 гг. : дис. ... д-ра. ист. наук. — Омск, 1985. — Приложения. Табл. 23).

³ См.: Репин, Н.Н. Санкт-Петербургский порт в 1725—1762 гг. Табл. 1. В статье содержатся сведения по разным аспектам изучаемой темы, позволяющие выявить значение Петербурга в торговле импортными товарами в двух портах.

⁴ Семенов, А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 г. — СПб., 1859. — Ч. 3. —

- С. 23—24; Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). — Ф. 19. — Оп. 1. — Д. 248. — Л. 15, 18—19; Ф. 397. — Оп. 1. — Д. 639, 640, 646, 647, 651, 652, 655. (Подсчеты мои.)
- ⁵ См.: Репин, Н.Н. Санкт-Петербургский порт в 1725—1762 гг. — С. 20.
- ⁶ См.: Санкт-Петербургский филиал архива Института Российской истории Российской академии наук (далее — СПб. филиал архива ИРИ РАН). — Ф. 10. — Оп. 3. — Д. 145; РГАДА. — Ф. 397. — Оп. 1. — Д. 641. (Разные листы. Подсчеты мои.) В дальнейшем сноски на эти дела даются лишь по отдельным группам импортных товаров и предметам европейского ввоза.
- ⁷ См.: Репин, И.И. Мануфактурная промышленность в России XVIII века (по материалам шелкоткацкого производства) // Вестник Рязанского государственного педагогического университета имени С.А. Есенина. — 1997. — № 1/5. — С. 30.
- ⁸ В 1710 г. в Архангельске было продано 1267 пудов красок брусковой, сандоминго и курасовской, 407 пудов лавры, 12 361 пудов сандала, 2000 пудов ладана, 2150 пудов деревянного масла, 2003 пуда купороса, 1811 пудов горячей серы, а в 1762 г. — 4000 пудов брусковой краски, 45 000 пудов сандала, 180 пудов консенели, 2619 пудов крапа, 225 пудов киноvari, 888 пудов ладана, 15 100 пудов деревянного масла, 16 600 пудов квасцов, 5054 пуда горячей серы, 292 пуда купороса. (См.: СПб. филиал архива ИРИ РАН. — Ф. 10. — Оп. 3. — Д. 145 (разные листы); РГАДА. — Ф. 397. — Оп. 1. — Д. 641, Л. 33 об — 38.)
- ⁹ В 1710 г. было продано меди на 140,4 тыс. руб. и 2,6 тыс. пудов железа «не в деле» на сумму 4,2 тыс. руб. (См.: СПб. филиал архива ИРИ РАН. — Ф. 10. — Оп. 3. — Д. 145.)
- ¹⁰ РГАДА. — Ф. 397. — Оп. 1. — Д. 641. — Л. 26 об., 31 и сл.
- ¹¹ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е (далее ПСЗ РИ-1). — Т. 7. — № 4468, 4854, 4940, 5000; Т. 12. — № 19738; Т. 45. — Ст. 31.
- ¹² СПб. филиал архива ИРИ РАН. — Ф. 10. — Оп. 3. — Д. 145 (разные листы); РГАДА. — Ф. 397. — Оп. 1. — Д. 641. — Л. 13 (подсчеты мои). О величине продажи водки в промежуточные годы дают представление следующие цифры: в 1750 г. продано на сумму 48,6 тыс. руб., в 1751 — на 24,3 тыс. руб., в 1752 г. — на 56,5 тыс. руб. (См.: РГАДА. — Ф. 397. — Оп. 1. — Д. 619. — Л. 30, 42, 59.)
- ¹³ Сборник Русского исторического общества (далее — Сб. РИО). — Т. 63. — С. 553.
- ¹⁴ Одна бочка окс равна 6 анкеркам.
- ¹⁵ Большая часть стоимости вина, ввезенного через Темерниковский порт, приходилась на «ординарные вина» — 77 из 79,3 тыс. руб., а по сухопутным границам — на «волоские» (39,8 тыс. руб.), крымские (25,6 тыс. руб.) и столовые (12,7 тыс. руб.). (См.: РГАДА. — Ф. 397. — Оп. 1. — Д. 641. — Л. 9 — 10.)
- ¹⁶ См. там же. — Л. 13—13 об., 33—33 об., 69, 82 и др.
- ¹⁷ В 1710 г. ввозился головной, мятный и ряженный сахар, а также леденцы и «конфекты», а в 1762 г. — кенарский, полукенарский, простой сахар, леденцы и «пудер». (См. прим. 16.)
- ¹⁸ См.: СПб. филиал архива ИРИ РАН. — Ф. 10. — Оп. 3. — Д. 145; РГАДА. — Ф. 397. — Оп. 1. — Д. 641. (Разные листы.)
- ¹⁹ См. там же.
- ²⁰ Через Темерниковский порт было ввезено 24,4 % всех фруктов и ягод из европейских стран (28,3 из 116 тыс. руб.), а через сухопутные границы — 16,5 % (на 19,1 тыс. руб.).
- ²¹ В 1710 г. ввезено 29,6 тыс. штук, в 1762 г. — 7,8 тыс. штук. В другие годы привозилось: в 1725 г. — 3361 штука, в 1748 г. — 11 тыс. штук, в 1751 г. — 27,8 тыс. штук.
- ²² См.: СПб. филиал архива ИРИ РАН. — Ф. 10. — Оп. 3. — Д. 145 (разные листы); РГАДА. — Ф. 397. — Оп. 1. — Д. 623. — Л. 2 об., 5—9 об.; Д. 641. — Л. 5—7 об.
- ²³ См.: СПб. филиал архива ИРИ РАН. — Ф. 10. — Оп. 3. — Д. 145 (разные листы); РГАДА. — Ф. 397. — Оп. 1. — Д. 641. — Л. 64 об. — 66.

- ²⁴ См.: Price, J.M. The tobacco adventure to Russia. Enterprise. Politics and diplomacy in the quest for a northern market for English colonial tobacco. 1676—1722. — Philadelphia, 1961. — P. 100, 103. (Английские фунты переведены в русскую меру веса — пуд из расчета 36 фунтов в пуде.)
- ²⁵ См.: Сб. РИО. — Т. 39. — С. 300.
- ²⁶ См.: Репин, Н.Н. Санкт-Петербургский порт в 1725—1762 гг. — С. 25.
- ²⁷ См.: Голиков, И.И. Дополнения к деяниям Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. — М., 1796. — Ч. 10. — С. 138.
- ²⁸ См.: РГАДА. — Ф. 397. — Оп. 1. — Д. 623. — Л. 19 об.—21. (Ввозился в основном хлеб, а также горох, рис, крупы и т.п.)
- ²⁹ См.: ПСЗ РИ-1. — Т. 7. — № 4548, 4725. («За нынешним конечным недородом».)
- ³⁰ См.: РГАДА. — Ф. 397. — Оп. 1. — Д. 641. (Разные листы.)
- ³¹ Большая закупка валюты практиковалась не так часто. Нам известны лишь указы 1723—1724 и 1729 гг. о скупке иностранных монет у купцов (см.: ПСЗ РИ-1. — Т. 7. — № 4273, 4478; Т. 8. — № 5456). Чаще предписывалось заготавливать серебряную монету у иностранных (реже у русских) коммерсантов подрядным способом, по заранее заключенным контрактам. (См.: ПСЗ РИ-1. — Т. 7. — № 4478, 5040; Т. 10. — № 7366, 7376; Сб. РИО. — Т. 58. — С. 469; Т. 56. — С. 276—262, 351; Т. 63. — С. 633; Т. 111. — С. 517.)
- ³² См.: Чулков, М.Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древнейших времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великия, сочиненное Михаилом Чулковым. — СПб. — Т. 4. — Кн. 1. — С. 34, 576—577; ПСЗ РИ-1. — Т. 12. — № 8940; Т. 13. — № 9833; Государственный архив Архангельской области. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 8. — Л. 522.
- ³³ См.: Репин Н.Н. Внешняя торговля России через Архангельск и Петербург... — Приложения. Табл. 2.
- ³⁴ См. там же. — Табл. 17.
- ³⁵ См.: Винклер, П. фон. Монетное дело в России в царствование Петра Великого (1696—1725) // Из истории монетного дела в России. — СПб., 1892. — С. 4. С 1704 по 1724 г. в Нерчинске было добыто 148 пудов серебра, в среднем по 7 пудов в год, в том числе на первые 7 лет приходилось всего 20 пудов.
- ³⁶ См.: Репин, Н.Н. Внешняя торговля России через Архангельск и Петербург... Табл. 17.
- ³⁷ См.: Чулков, М.Д. Указ. соч. — Т. 6. — Кн. 2. — С. 618—619.
- ³⁸ См.: Репин, Н.Н. Внешняя торговля России через Архангельск и Петербург... Табл. 64, 65
- ³⁹ Петр Великий в его изречениях. — СПб., 1910. — С. 98—99.
- ⁴⁰ В 1762 г., например, в Петербург было ввезено 14 алмазов и 6 фунтов 31 золотник жемчуга, стоимость которых не указана. Проданные в Архангельске в этом же году 2 фунта и 11 золотников жемчуга оценены по тарифу на 1125 руб.
- ⁴¹ РГАДА. — Ф. 397. — Оп. 1. — Д. 641. — Л. 23—24, 31.
- ⁴² См.: СПб. филиал архива ИРИ РАН. — Ф. Ю. — Оп. 3. — Д. 145. (Разные листы.)
- ⁴³ См.: Репин, Н.Н. Внешняя торговля России через Архангельск и Петербург... Приложение. Табл. 64 и прим. 6.
- ⁴⁴ См.: Чулков, М.Д. Указ. соч.—Т. 1. — Кн. 2. — С. 102 (1721 г.), 184 (1750 г.); Сб. РИО. — Т. 108. — С. 405; ПСЗ РИ-1. — Т. 13. — № 9796 (1750 г.)
- ⁴⁵ Чулков, М.Д. Указ. соч. — Т. 1. — Кн. 2. — С. 102.

В.В. Страхов

**НА АЛТАРЬ ОТЕЧЕСТВА: ВНУТРЕННИЕ ЗАЙМЫ СССР
ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Опираясь на опыт размещения среди широких слоев населения внутренних займов в 1915—1917 годах¹, с начала нэпа советское правительство неоднократно прибегало к государственному кредиту. С 1927 года, остро нуждаясь в финансовых ресурсах для проведения форсированной индустриализации, оно стало использовать методы внеэкономического принуждения граждан к приобретению облигаций своих займов². Именно тогда были заложены основы «добровольно-принудительной» системы подписки на государственные займы, просуществовавшей в СССР вплоть до апреля 1957 года, когда появилось специальное Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР о прекращении выпуска новых займов и отсрочке погашения уже выпущенных на 20 лет.

По официальным данным, уже третий заем индустриализации, эмитированный в июле 1929 года, имел 10 миллионов подписчиков, а первый выпуск займа второй пятилетки, появившийся в мае 1933 года, был распространен среди 40 миллионов граждан Советского Союза³. Важным элементом превращения подписки на займы из «права в обязан-

ность» являлись комиссии содействия трудовым сберкассам и государственному кредиту, действовавшие в тесном взаимодействии с партийными, комсомольскими и профсоюзными организациями. С конца 1920-х годов подобные комиссии создаются на всех предприятиях, во многих учреждениях, организациях, воинских частях, колхозах и совхозах.

В годы Великой Отечественной войны в СССР было выпущено четыре долгосрочных государственных займа. Эмиссия первого состоялась 13 апреля 1942 года, а последнего — 4 мая 1945 года. Отсутствие военного займа в 1941 году объяснялось тем, что в самый канун войны, 2 июня, появился Государственный заем третьей пятилетки (выпуск четвертого года) на сумму в 9,5 миллиарда рублей⁴. Естественно, что основная масса средств от его реализации поступала уже после начала боевых действий. В этой связи его также с полным основанием можно считать военным.

Выпускная сумма займов военного периода почти неизменно возрастала, что было обусловлено не только ростом расходов государственного бюдже-

та, но и стремлением руководства страны изъять из обращения избыточную денежную массу в годы войны выросли в среднем в 10—15 раз. Если объем военного займа 1942 года составлял 10 миллиардов рублей, второго (1943 г.) — 12 миллиардов, то третьего (1944 г.) и четвертого (1945 г.) — уже по 25 миллиардов рублей. Таким образом, общая сумма выпущенных за время войны займов составила 72 миллиарда рублей. Однако каждое их проведение сопровождалось превышением объемов подписки над суммами эмиссий. По четырем займам 1942—1945 годов это соответственно выражалось в 3,2 миллиарда, 8,8 миллиарда, около 4 и 1,7 миллиарда рублей ⁵.

Внутренние займы военной поры ярко отражали стремление государства к максимально возможной мобилизации финансовых ресурсов страны. Об этом, в частности, свидетельствовало то, что займы фактически заключали в себе несколько видов кредитных операций. Первый предназначался для населения и имел выигрышную форму. Второй был направлен на мобилизацию финансовых ресурсов колхозов и промысловых артелей. Третий ориентирован на использование временно свободных средств сберегательных касс и учреждений системы государственного страхования ⁶.

Внутренние займы стали одним из главных источников покрытия военных расходов СССР. Доходы от их реализации составили свыше 89 миллиардов рублей, или на 35 миллиардов больше, чем поступления от всех государственных займов первых пятилеток. Займы позволили профинансировать около 15 процентов всех прямых военных затрат ⁷.

В годы войны неизменно возрастал удельный вес поступлений от размещения государственных займов в общем объеме доходов бюджета. Так, если в 1940 году они составляли 5 процентов, то в 1944 году — 10 процентов. Постоянно повышались и объемы денежных средств, которые государство получало от реализации займов: с 8,3 миллиарда рублей по упомянутому выше займу третьей пятилетки в 1941 году до 26,7 миллиарда в 1945 году по «Четвертому Военному Займу».

В целях дополнительной мобилизации средств населения для нужд войны активно использовалось и специфическое изобретение советской эпохи — «денежно-вещевые лотереи». В 1941—1944 годах были проведены четыре подобные операции, доходы от которых составили 1,2 миллиарда рублей ⁸.

Размещаемые среди физических лиц военные займы выпускались на 20 лет при доходе в 4 процента годовых. Для повышения заинтересованности населения они имели, как указывалось выше, выигрышную форму. Несмотря на военные условия, тиражи выигрышей своевременно проводились в соответствии с эмиссионными условиями займов, а суммы выигрышей без задержек выплачивались держателям выпавших в тираж облигаций.

Обращают на себя внимание и те существенные изменения в годы войны, которые касались социального состава подписчиков. Если объемы подписки рабочих и служащих увеличились почти в 2 раза, то крестьянства — в 4 раза⁹. В общих же объемах подписки сельское население с 1943 года давало более одной трети, хотя до войны — менее четверти. Широко практиковалось требование от крестьян крупной подписки наличными в обмен на разрешение заготовки сена на брошенных землях, кратковременное использование колхозного инвентаря, выдачу необходимых для торговли на «колхозных» рынках справок.

Относительный и абсолютный рост участия сельского населения в подписке сопровождался размещением военных займов среди колхозов и промысловых артелей. Соответствующая сумма подписки, которая часто не соответствовала финансовому положению колхоза или артели, «спускалась» из районного комитета ВКП(б) и после формального утверждения общим собранием членов соответствующего коллектива подлежала обязательному выполнению. Подобным образом в годы войны было размещено облигаций на 5 миллиардов рублей.

Необходимо подчеркнуть, что для колхозов и артелей предназначались только процентные выпуски займов, облигации которых не могли участвовать в тиражах выигрышей. Впрочем, и на использование по своему усмотрению сумм, начисленных в виде годовых процентов по облигациям, колхозы и артели фактически не имели права.

Один из важнейших аспектов проблемы государственных займов в годы Великой Отечественной войны связан с выяснением вопроса о соотношении принудительности и добровольности при проведении подписных кампаний. Очевидно, что при ответе на данный вопрос не следует подвергать сомнению высокое чувство патриотизма подавляющей массы населения СССР в годы войны, стремление большинства советских людей внести свой личный вклад в разгром ненавистного врага. Тем не менее, надо прямо признать, что реализация займов в этот период имела и значительный элемент принуждения.

Особенно жесткими требования по подписке населения имели место в апреле 1942 года в ходе размещения «Первого Военного Займа». Подпиской было охвачено подавляющее большинство труженников тыла, многие тысячи военнослужащих действующей армии и тыловых частей. По сведениям «Дневника Займа», который ежедневно публиковался в период проведения подписной кампании в главной газете страны «Правде», во многих колхозах, совхозах и артелях самых различных регионов СССР обеспечивалось стопроцентное участие работников в займе. Аналогичная картина наблюдалась и в городских центрах. Например, в Хабаровске за два дня на заем подписались «97,5 % общего количества рабочих, инженеров, техников, служащих и учащихся» города¹⁰. Типичным был и следующий факт: в школе № 1 города Рязани в середине апреля 1942 года на заем подписались не только учителя и технические служащие, но и все учащиеся¹¹. Реализация военных займов проводилась даже в блокадном Ленинграде. При-

мечательно, что среди подписчиков здесь порой фигурировали православные храмы¹².

В связи с вышесказанным следует отметить, что сама подписка на военные займы носила, как и в довоенный период, централизованный и в определенной степени забюрократизированный характер. В день проведения займа от работника требовалось лишь поставить подпись в ведомости, а затем на протяжении нескольких месяцев соответствующая сумма удерживалась из его заработной платы. Формально рассрочка могла составлять до 10 месяцев, однако на практике она часто не превышала 3—4.

Минимальная сумма подписки составляла не менее месячного заработка работника. Именно исходя из объема месячного фонда заработной платы устанавливались и плановые задания по подписке для предприятий, учреждений и организаций. В то же время стахановцы, высокооплачиваемые категории рабочих и служащих побуждались к подписке на 150—200 процентов заработка. Не менее чем на 170 процентов от суммы месячного довольствия должны были подписываться офицеры Красной армии. Повышенные требования предъявлялись и к членам ВКП(б). Естественно, что открытое проявление недовольства подобной практикой имело своим следствием репрессивные меры со стороны карательных органов. Приветствовалось единовременное внесение подписной суммы наличными деньгами.

Активное участие в займах часто являлось в тылу необходимым условием для поощрения или награждения работника, его перевода на высшую должность. Нередко вопрос о сохранении за работником брони от мобилизации также зависел от степени его участия в военных займах.

На немалый элемент принуждения населения к участию в военных займах ярко указывают и сроки проведения подписных кампаний. Если в период Первой мировой войны они длились по несколько месяцев, то в годы Великой Отечественной — не более 3—6 дней. А на военный заем 1942 года население страны подписалось, как подчеркивал в своих воспоминаниях «патриарх советских финансов» А.Г. Зверев, в течение 2 дней¹³. В этой связи уместно говорить о том, что выпуск в период войны очередного займа во многом представлял собой формальный акт. Его смысл состоял в том, чтобы официально закрепить досрочную принудительную разверстку и покрытие военного займа.

Проведение займов сопровождалось массивными пропагандистскими кампаниями, которые были призваны способствовать укреплению чувства «советского патриотизма», веры в победу над врагом, осознанию населением связи между результатами займов и успехами на фронте. Большую роль при этом играла периодическая печать, митинги и собрания, встречи с агитаторами и фронтовиками. Важным средством агитации являлись выпускаемые массовыми тиражами плакаты и открытые письма.

Таким образом, став одним из главных факторов сдерживания инфляции и ограничения эмиссии, военные займы периода Великой Отечественной войны сыграли важную роль в финансировании воен-

ных расходов. Кроме того, они являлись эффективным средством мобилизации внутренних финансовых ресурсов, действенным инструментом сокращения общественного потребления и перераспределения национального дохода. Все рассмотренные займы фактически стали безвозвратными ссудами. Наконец, показательно и то, что, как и в 30-е годы, в годы войны государство стремилось переложить значительную часть бремени своих займов на плечи многострадального русского крестьянства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Страхов, В.В. Внутренние займы в России в Первую мировую войну // Вопросы истории. — 2003. — № 9. — С. 28—43.
- ² См.: Чуднов, И.А. Теория и практика денежных реформ в СССР : дис. ... д-ра. экон. наук. — СПб., 2005. — С. 97.
- ³ См.: Займы нашей страны // Правда. — 1942. — 15 апр.
- ⁴ См.: Правда. — 1941. — 2 июня; Финансово-кредитный словарь / гл. ред. В.П. Дьяченко. — Т. 1. — М., 1961. — С. 303.
- ⁵ См.: Государственные займы в СССР. — М., 1956. — С. 35—36.
- ⁶ См.: Муравьева, Л.А. Финансы СССР в годы Великой Отечественной войны // Финансы и кредит. — 2004. — № 14. — С. 88—89.
- ⁷ См.: Займы нашей страны...; Тамарченко, М.Л. Советские финансы в период Великой Отечественной войны. — М., 1967. — С. 81.
- ⁸ См.: Зверев, А.Г. Записки министра. — М., 1973. — С. 202.
- ⁹ См.: Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — М., 1970. — С. 435.
- ¹⁰ Ни одного трудящегося без облигации Военного Займа // Правда. — 1942. — 16 апр.
- ¹¹ См.: Кузьмин, К. Как никогда организованно // Сталинское знамя. — Рязань, 1942. — 15 апр.
- ¹² См.: Веселов, А.П. Патриотическая деятельность Ленинградской епархии в блокадном городе (1941—1944 гг.) // Отечественная история. — 2005. — № 2. — С. 100.
- ¹³ См.: Зверев, А.Г. Указ. соч. — С. 208.

Л.П. Костикова

ДИАЛОГОВОЕ ВИДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Одним из подходов к рассмотрению понятий «межкультурное образование» и «лингвосоциокультурная грамотность» в современной науке является диалоговый подход. Этот подход основывается на идеях открытости, диалога культур, культурного плюрализма. Эволюция рассматриваемых понятий обусловлена не только современными историческими и социокультурными предпосылками, но и опирается на ряд традиций отечественной и зарубежной культурологии, философии, психологии и педагогики. Они сформировались в результате продолжительного процесса, явившегося отражением изменений во взглядах на цели и методы обучения. Не претендуя на полное, детальное отражение истории становления понятия «лингвосоциокультурная грамотность» в диахронии, все же считаем необходимым отметить его глубокую историю и многообразие подходов по его внедрению в обучение.

Пониманию сущности, целей и функций межкультурно-

го образования помогают идеи Н.К. Рериха о «благодетельном синтезе», под которым он понимает «единение культур», создающее благотворное сотрудничество людей, а также идеи выдающихся культурологов, философов и историков современности (Э. Мейлер, А. Тойнби, Ю. Яковец и др.) о целостности культурно-исторического развития человечества и наличии некоторых сходных принципов функционирования культур разных народов. Схожие идеи высказываются в работах Н.А. Данилевского, писавшего о культурно-исторических типах¹, или цивилизациях, которые обладают характерными узнаваемыми и отличимыми от других чертами, замкнуты и отделены друг от друга, но пребывают в синкретическом единстве, составляя совокупную мировую культуру.

В рамках культурологии и философии сосуществуют несколько школ, постулирующих плюралистическое, мультипликативное видение культурного пространства и соответственно возможность его постижения

только путем сравнительного анализа, проводимого «на стыке» культур и цивилизаций. Это и антропо-логическая школа (основоположники в Великобритании — Э. Тэйлор, А. Ланг, Дж. Фрей-

зер; в России — Н.Ф. Сумцов, мультикультурализм — интеллектуальное движение и стратегия в культурной и образовательной политике развитых индустриальных стран, предполагающая уважение к культуре национальных меньшинств, предоставление равных условий для развития доминирующей и недоминирующих культур. Мультикультурализм призывает к сохранению и развитию культурной самобытности национальных меньшинств и малых этносов, исследованию малых культур, публикации книг на родных языках и диалектах. В рамках этой культурно-образовательной политики поощряются межнациональные контакты, воспитывается уважение к ценностям чужой культуры. Цель построения образования в рамках мультикультурной философской модели — «сохранение и рост культурного разнообразия и культурного плюрализма»³. Оценка мультикультурализма философами и культурологами как интеллектуального движения неоднозначна: его рассматривают и как раздел философии, занимающийся эпистемологией (Дж. Серл), и как отрасль либеральной политической теории (Ч. Тайлор, Р. Рорти). Более перспективной представляется позиция, выводящая мультикультурализм за границы эпистемологии и политической теории и включающая его в более широкий культурный контекст. Рассмотренный таким образом мультикультурализм расширяет традиционные цели культуры и наряду с прочим включается, как уже было отмечено ранее, в контекст образовательной политики. Подобное видение мультикультурализма разделяют, в частности, М. Маруяма, Э. Санковски, Л.А. Коробейникова⁴.

Современная культурология выдвигает тезис о приоритете культуры как ценностного императива современной гуманитарной науки: «культура стала основой научного мышления и вседневного бытия в их взаимоопределении... В фундаментальной ориентации современного разума и мир, и наука, и человек понимаются... в сфере уникальных произведений культуры»⁵. Культурология оспаривает статус глобальной, всеобъемлющей «общенаучной дисциплины в системе гуманитарного знания, имеющей самое широкое, можно сказать, безграничное исследовательское поле. Обладая междисциплинарным статусом, она все более претендует на роль «метазнания», так как стремится к изучению универсальных смысловых структур и преодолевает возникающие междисциплинарные барьеры и методологические ограничения»⁶. Даже рассматривая данный тезис как недостаточно подкрепленный или спорный, невозможно не принять взаимопроникновение культурологии и других гуманитарных дисциплин, в частности педаго-

А.И. Кирпичников, А.Н. Веселовский), и символическая школа (создатели — Ф. де Соссюр, Э. Кассирер и К. Леви-Строс), постмодернизм и некоторые другие течения².

Хронологически наиболее современным из них является

гики, как данность. Современные дидакты постулируют необходимость насыщения «всего образовательного процесса разнообразными элементами культуры» — так называемую «культуроемкость» образования⁷. Культура признается как «реальный методологический регулятив педагогического знания и ценностный императив педагогического действия»⁸. В современной педагогической науке высказывается мысль о необходимости «изменения содержания и смысла самой идеи образования в контексте идеи культуры»⁹.

Есть основания для утверждения, что существующие образовательные системы могут рассматриваться с позиций любой из современных философских теорий культуры. На наш взгляд, одной из теорий с наибольшим потенциалом практического применения, на базе которой возможен анализ и совершенствование современных тенденций развития педагогики высшей школы, направленных на формирование средств, условий и механизмов самодетерминации личности, является концепция диалога культур. Данная концепция, разрабатываемая в рамках мультикультурализма, прежде всего характерна для российской педагогической традиции. Суть данного подхода заключается в рассмотрении, точнее в пересмотрении, образования как межкультурного, как способа приобщения обучающихся к различным культурам с целью формирования общепланетарного сознания, позволяющего тесно взаимодействовать с представителями различных стран и народов и интегрироваться в мировое и общеевропейское культурно-образовательное пространство.

Философско-методологической основой данного подхода, высказанной В.С. Библером, является такое понимание диалога, когда все философские системы не отвергаются, а сосуществуют и взаимодействуют. «И в теоретическом, и в художественном мышлении формируется новая всеобщая ориентация разума на идею взаимопонимания, общения через эпохи, общения с эпохами», — отмечает ученый¹⁰. В таких условиях единственно разумной и вместе с тем нравственной дорогой подлинного объединения различных культур может быть признан только диалог между ними. Действительно, представители различных культурных общностей, каждая обособленная социально-культурная группа — все они живут в мире своих правил и норм, обычаев и традиций, которые выражаются в особой манере поведения, религии, системе эстетических взглядов, социальных институтах, языке и т.д. На основе различий в системе нравственных и этических норм, обычаев и традиций как на культурно-этническом, так и на личностном уровне уже в первобытную эпоху появились антитезы: «мы — они», «свои — чужие», «Я — другой», сущность которых и составляет во многом диалоговый подход к культуре, личности и образованию. Человек как субъект и как личность не существует без Другого, той единицы, той точки отсчета, которая дает представление о соразмерности личности в ее сравнении с себе подобной. Тема диалога по отношению к культуре впервые возникла в начале XX века в работах К. Ясперса, О. Шпенглера, М. Бубера, М. Бахтина. Так, М. Бахтин перевел понятие «диалог»

из литературного жанра в философскую категорию. М. Бахтин понимает культуру в контексте диалогического подхода как «форму общения людей разных культур, форму диалога; для него «культура есть там, где есть две (как минимум) культуры, и что самосознание культуры есть форма ее бытия на грани с иной культурой»¹¹.

Позднее проблема «диалога культур» поднималась в трудах Л. Баткина, М. Кагана, на рубеже 80—90-х годов получила продолжение, была углублена и расширена в работах П. Гайдено, В. Библера и др. Феномен культуры «пронизывает... все решающие события жизни и сознания людей нашего века»¹². Диалог в культуре (по М.М. Бахтину и В.С. Библеру) выходит на уровень важнейшей характеристики культуры, универсального принципа, который организует мышление человека, обеспечивает саморазвитие культуры, воспроизводство личности, способность к коммуникации. Все исторические и культурные явления выступают продуктом общения, взаимодействий, следствием взаимоотношений с самим собой, социумом, с универсумом. «Культура способна жить и развиваться (как культура) только на грани культур, в одновременности, в диалоге с другими целостными, замкнутыми «на себя» — на выход за свои пределы — культурами. В таком конечном счете действующими лицами оказываются отдельные культуры, актуализованные в ответ на вопрос другой культуры, живущие только в вопрошаниях этой культуры»¹³.

Итак, диалог, согласно дидактам рассматриваемого нами диалогического подхода, есть глубинное понятие, форма существования и реализации культуры. «Культура есть форма диалога и взаимопорождения культур... форма одновременного бытия и общения людей различных — прошлых, настоящих и будущих — культур»¹⁴. Нельзя не отметить сходство высказанных идей с концептуальными основаниями комплексной программы Российской академии образования «Образование в контексте развития культуры на рубеже 21 века», предложенными В.Т. Кудрявцевым, В.И. Слободчиковым, Л.В. Школяр, в частности, идеей о недопустимости отождествления «в дидактике и методике исторического и историко-культурного рассмотрения предмета изучения с ознакомительными экскурсами в сферу прошлого, когда развитие культуры воссоздается лишь в его ретроспективной проекции»¹⁵. Дидакты высказывают убежденность, что подобная «ознакомительно-ретроспективная» интерпретация истории и культуры лишает культурный аспект в образовании своего актуального смысла и исторически-временной перспективы. Необходимо еще раз заострить внимание, что диалог культур, рассматриваемый в работах М.М. Бахтина, В.С. Библера и их последователей, разворачивается как единение культур прошлого, настоящего и вероятного будущего, то есть протекает не только в диахроническом плане — «сквозной диалогической целостности каждой из культур»¹⁶, но и в синхронии — «одновременности культур в контексте 21 века».

Согласно мнению И.Н. Ивановой, отношения между культурами могут быть различными: а) отношения одной культуры к другой как

к некоему объекту; в результате наблюдается чисто утилитарное отношение одной культуры к другой; б) отношения неприятия одной культуры другой; в) отношения взаимодействия и взаимообогащения, то есть отношения культур друг к другу как равноценным субъектам¹⁷.

Следствием культивирования первого типа отношений в обществе является укоренение в общественном сознании представителей культуры, которая выступает в функции объекта, комплекса неполноценности, вплоть до самоотречения от своей самобытности, к добровольному подчинению другой культуре. Таковы явления англomanии, франкомании, германофильства и др.

В результате культивирования в обществе отношений второго типа возникают эгоцентрические, самовлюбленные, даже шовинистические культуры, замкнутые на себе и не желающие иметь дело с другими культурами, якобы «неполноценными», «низшими», «некультурными».

Истинно межкультурное образование базируется на третьем типе отношений, который нашел отражение в международном документе ЮНЕСКО «Декларация Мехико по политике в области культуры»:

«1. Любая культура представляет собой совокупность неповторимых и незаменимых ценностей, поскольку именно через свои традиции и формы выражения каждый народ заявляет о себе всему миру.

2. Утверждение культурной самобытности способствует освобождению народов, и, наоборот, любая форма господства является отрицанием этой самобытности или угрозой ее существованию.

3. Культурная самобытность представляет собой неоценимое богатство, которое расширяет возможности для всестороннего развития человека, мобилизуя каждый народ и каждую группу, заставляя их черпать силы в своем прошлом, усваивать элементы других культур, совместимых со своим характером, и тем самым продолжать процесс самосозидания.

4. Ни одна культура не может абстрактно претендовать на право быть универсальной, универсальность складывается из опыта всех народов мира, каждый из которых утверждает свою самобытность. Культурная самобытность и культурное разнообразие неразрывно связаны друг с другом.

<...>

9. Все культуры составляют единое целое в общем наследии человека. Культурная самобытность народов обновляется и обогащается в результате контактов с традициями и ценностями других народов. Культура — это диалог, обмен мнениями и опытом, постижение ценностей и традиций других, в изоляции она увядает и погибает»¹⁸.

Таким образом, диалогичность — это особое качество культуры, стремящейся к цельности. Это качество обеспечивает механизм самосохранения и саморазвития культуры, помогает избежать ее стагнации, окаменения и ритуализации. Диалогичность позволяет принять чужие аргументы, чужой опыт, всегда ищет баланса, компромисса. Обязательными, основополагающими компонентами лингвосоциокультур-

ной компетенции, следовательно, являются понимание другой культуры и признание культурного разнообразия.

Важным философско-культурологическим основанием освоения лингвосоциокультурной компетенции в рамках диалога культур является тезис о культурном плюрализме, призванном отразить в специфически преломленном (аккультурированном) виде многоплановость и противоречивость социальной действительности. Мы должны признать, что мир — это различие, а поэтому необходимо единение культурного многообразия. Диалог, осознаваемый как фундаментальный принцип жизнедеятельности культур, указывает на существенную потребность одной культуры в другой. Для осмысления философии современного межкультурного образования и межкультурной грамотности как его компонента определенно интересен подход В.С. Библера к трактовке культуры как целостной человеческой деятельности, на основании которой вырастают сходящиеся грани основных форм духовной самодетерминации сознания и мышления. В понимании диалогической школы Библера, культура приобретает в межчеловеческих отношениях и включает в себя ценностные, знаковые, институциональные составляющие. Кстати, данный взгляд на культуру соответствует общей тенденции современной науки к рассмотрению структурного строения культуры. Как указано в работах А.П. Маркова¹⁹, Л.И. Орешкиной²⁰, культура имеет два слоя. Во-первых, это материальная культура человечества — орудия труда и техника, жилье, памятники архитектуры, литературы, живописи и т. д. Во-вторых, это духовная культура, включающая совокупные знания и методы познания, формы мышления. Сюда относятся также общественное сознание, система образования, правовые нормы, в том числе закрепленные институционально. Есть также формы культуры, находящиеся на стыке этих двух пластов и представляющие собой их органический синтез. К ним можно отнести политическую культуру как единство политического сознания и политической деятельности. Это и художественная культура, как мир произведений искусства, каждое из которых несет в себе один или несколько художественных образов, нашедших свое предметное воплощение в книгах, живописи, скульптуре. Такой подход дает понимание объективного базиса диалогичности, присущей глубинным смыслам культуры. Согласно В.С. Библеру, «культура есть всеобщая форма одновременного общения и бытия людей различных культур, каждая из которых есть всеобщая форма одновременного общения и бытия людей», причем «в этом общении культур происходит общение индивидов. Именно на грани различных культур индивид видит себя извне, формирует себя в регулятивной идее личности»²¹.

Краткое изложение концепции диалога культур, основных ее констант представляется нам продуктивным для рассмотрения ее значения в теории обучения лингвосоциокультурной компетенции. Одним из ключевых компонентов данного понятия теория «диалога культур» видит в отказе личности от монологичности в мышлении. С монологом закономерно связываются авторитарность, директивность, нетерпи-

мость к чужому слову — все то, что неприемлемо для лингвосоциокультурно компетентной личности.

Диалогическое понимание культуры предполагает наличие общения с самим собой как с другим. По утверждению Канта, «мыслить — значит говорить с самим собой... значит внутренне (через репродуктивное воображение) слышать себя самого». Внутренний микродиалог является составной частью идеи диалога культур. Общение с другим через произведение, текст предполагает микродиалог в Большом времени культуры. Исследователи выстраивают модели постижения лингвосоциокультурной грамотности по схожему принципу. В частности, А.В. Бездухов и В.Г. Рощупкин²² считают, что овладение мировоззрением чужой культуры проходит три уровня понимания:

1) понимание-узнавание (включает узнавание, идентификацию ценностей иной культуры, которые представляют значимость для человека);

2) понимание-соотнесение (выступает исходным моментом для приобщения к ценностям культуры другого народа (происходит понимание ценности как значения, при этом одной из составляющих приобщения к ценностям является их соотнесение в самом себе, условием которого выступает рефлексия, позволяющая осуществить выбор культурных ценностей, познавательно выяснить сущность культуры другого народа, принять ее);

3) понимание-вхождение (представляет собой интеграцию в чужую культуру посредством диалога равноправных культур, возникающего при условии общности ценностно-смысловых позиций субъектов различных культурных общностей, при этом общее не отрицает уникальности, неповторимости культуры другого народа, а, наоборот, лишь подчеркивает ее самобытность).

В русле диалогового подхода возможен анализ и переосмысление современных тенденций развития педагогики высшей школы, направленных на формирование средств, условий и механизмов самодетерминации личности. Технократические тенденции, определявшие деятельность высшей школы, являлись продуктом естественнонаучно ориентированной системы образования. Проблему же можно решить, перестроив работу высшей школы на другом методологическом основании, на концепции диалога культур. В контексте диалогового подхода А.В. Шафрикова рассматривает межкультурное образование как «современную тенденцию мирового процесса, утверждающую идею о том, что в основе мировой цивилизации лежит множество независимых самостоятельных сущностей»²³. Раскрывая сущность данного образования, А.В. Шафрикова подчеркивает, что оно направлено на сохранение и развитие всего многообразия культурных ценностей, норм, образцов и форм деятельности, существующих в данном обществе, и базируется на принципах диалога и взаимодействия различных культур. Межкультурное образование она рассматривает в международном контексте как взаимосвязь различных культурных сред в сферах образования. Г.Д. Дмитриев трактует такое образование как об-

разование с целью передачи умения понять свою культуру, роль обобщений и стереотипов в коммуникации между различными культурами, осознать свое «Я»²⁴. К диалоговому подходу относится деятельностная концепция овладения лингвосоциокультурной компетенцией, авторы которой (Е.Ф. Тарасов и Ю.А. Сорокин) считают, что чужая культура усваивается только в процессе какой-либо деятельности. По их мнению, «осуществлению собственно деятельности предшествует этап ориентировки в условиях деятельности: на этом этапе происходит осознание усваиваемых фрагментов чуждой культуры, «переформулирование» чуждой культуры в терминах своего культурного опыта. Таким же образом познается не только чужая культура, но и ранее неизвестные фрагменты своей: происходит перенос мыслительных действий, отработанных в одной сфере деятельности, в другую сферу»²⁵. В этом же духе высказывается и Г. Поммерин. Она определяет межкультурное образование как педагогический ответ на реальность мультикультурного общества, как открытую деятельностно-ориентированную концепцию, воспринимающую все общественные изменения и инициирующую инновационные процессы, как вклад в воспитание в духе мира путем разрешения межкультурных конфликтов. Автор исходит из идеи признания индивидуальных различий каждой личности и считает межкультурное образование деятельностно-ориентированным и открытым новым знаниям и новому опыту²⁶.

К диалоговому подходу к межкультурному образованию можно отнести также зарубежную концепцию мультиперспективного образования в рамках глобального подхода. Ее авторы Х. Гепферт и У. Шмидт требуют пересмотра образовательных программ школ и вузов с целью преодоления монокультурной ориентации. Новые образовательные программы должны предоставлять обучаемым возможность расширения границ их миропонимания, возможность осознания ими относительности мнений и суждений, учить критически подходить к господствующим в обществе представлениям. У. Шмидт призывает к «мультиперспективному анализу системы мира», «к интеграции и трансформации знаний, полученных о других культурах и из других культур»²⁷.

В рамках глобального подхода к образованию межкультурную / лингвосоциокультурную грамотность следует рассматривать в качестве цели. Философ глобального образования Роберт Хэнви назвал лингвосоциокультурную компетенцию в числе пяти междисциплинарных «измерений» данного образовательного подхода. Под ней он видит «общее понимание учащимися определяющих характеристик культур мира с упором на проникновение в сущность их сходств и различий»²⁸. Это измерение является пограничным с измерением «неоднородность в восприятии мира». О роли лингвосоциокультурной компетенции в образовании с той же позиции пишет и Н. Дима: «Если человеку удастся отдалиться от культуры, породившей его, он будет крайне удивлен, осознав, насколько иначе и богаче один и тот же мир видится с другой перспективы. <...> Стимулировать подобный взгляд на мир — цель обучения на современном этапе»²⁹. В трудах по гло-

бальному образованию межкультурно ориентированному образованию отводится заметная роль в интеграции мирового сообщества. С позиций глобального образования лингвосоциокультурная компетенция рассматривается как одна из основных целей. G. Pike и D. Selby³⁰, формулируя цели глобального образования, выделяют такие положения, как: «понимание ограниченности мировосприятия», то есть «перспективы» студентов; восприимчивость к другим моделям восприятия, «перспективам», то есть студенты должны понимать, что их собственная перспектива восприятия не является ни единственной, ни единственно правильной.

Итак, концепция холистского восприятия мира, постулированная американскими дидактами глобального образования (R. Hanvey, J.L. Tucker, К.А. Туе, W.M. Кnier), предполагает создание целостной картины мира личности путем открытия для нее в процессе обучения многообразия углов зрения на явления мировой культуры. Эти углы зрения, или «перспективы», «измерения», как отмечают G. Pike и D. Selby³¹, следует рассматривать как частные культурные среды, вступающие в контакт и в совокупности своей создающие глобальную мировую культуру. У. Шмидт, занимавшийся философией глобального образования на базе германской образовательной традиции, также рассматривает выработку лингвосоциокультурной компетенции в качестве основной цели межкультурного обучения и определяет ее как понимание личностью происходящих в мире разносторонних культурных обменных процессов, осознание огромной ценности, неповторимости каждой культуры и сложности ее многоуровневой структуры³².

Изучив вопрос об основных положениях диалогового подхода к культуре в целом и к межкультурному образованию, мы можем сформулировать следующие выводы: диалоговый подход является одним из ключевых современных подходов к рассмотрению культуры в ее многообразии. Этот подход основывается на идеях открытости культур, культурного плюрализма. Его цель заключается в сохранении и развитии всего многообразия культурных ценностей, норм, образцов и форм деятельности, существующих в мире. Диалоговый подход к культуре рассматривает ее как множество этнических культур, вступающих в равноправное взаимодействие, способствующее их взаимообогащению. В случае построения мирового культурного пространства по описанной модели возможно предложить термин «глобальная культура», или «мировая культура», под которым подразумевается равноправный синтез лучших достижений национальных культур различных народов. В русле диалогового подхода возможен анализ и переосмысление современных тенденций развития педагогики высшей школы, направленных на формирование средств, условий и механизмов самодетерминации личности. Перестроив работу высшей школы на методологическом основании концепции диалога культур, можно решить проблему технократизации образования. Суть диалогового подхода к образованию заключается в его пересмотре как межкультурного, как способа приобще-

ния обучающихся к различным культурам с целью формирования обще-планетарного сознания, позволяющего тесно взаимодействовать с представителями различных стран и народов и интегрироваться в мировое и общеевропейское культурно-образовательное пространство.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Данилевский, Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. — М., 1982. — 370 с.
- ² См.: Мамонтов, С.П. Основы культурологии. — М. : Олимп, 1999. — С. 44—50.
- ³ Кравченко, А.И. Культурология : словарь. — М. : Академический проект, 2000. — С. 381.
- ⁴ См.: Коробейникова, Л.А. Мультивидение современной культурологии // Формирование дисциплинарного пространства культурологии : материалы науч.-метод. конф., 16 января 2001 г., Санкт-Петербург / СПб. филос. о-во. Серия «Symposium». — СПб., 2001. — № 11. — С. 45—48.
- ⁵ Библер, В.С. От наукоучения — к логике культуры (два философских введения в 21 век). — М. : Изд-во политической литературы, 1991. — С. 272.
- ⁶ Никонова, А.А. «Ущербность» дисциплинарного пространства культуры // Формирование дисциплинарного пространства культурологии : материалы науч.-метод. конф., 16 января 2001 г., Санкт-Петербург / СПб. филос. о-во. Серия «Symposium». — СПб., 2001. — № 11. — С. 218—221.
- ⁷ Крылова, Н.Б. Культурология образования. — М., 2000. — С. 296.
- ⁸ Кудрявцев, В.Т. Культуросообразное образование: концептуальные основания / В.Т. Кудрявцев, В.И. Слободчиков, Л.В. Школяр // Известия РАО. — 2001. — № 4. — С. 5.
- ⁹ Библер, В.С. Диалог культур и школа 21 века // Школа диалога культур: Идеи. Опыт. Проблемы. — Кемерово : Алеф, 1993. — С. 20.
- ¹⁰ Библер В.С. От наукоучения — к логике культуры... — С. 271.
- ¹¹ Библер, В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика и культура. — М. : Прогресс, 1991. — С. 85.
- ¹² Библер, В.С. От наукоучения — к логике культуры... — С. 261.
- ¹³ Там же. — С. 286.
- ¹⁴ Там же. — С. 289.
- ¹⁵ Кудрявцев, В.Т. Указ. соч. — С. 5.
- ¹⁶ Библер, В.С. Диалог культур и школа 21 века. — С. 29.
- ¹⁷ См.: Иванова, И.Н. Социологический аспект понимания ценностей культуры // Диалог в культуре. — М., 1989. — Вып. 5. — С. 54.
- ¹⁸ Декларация Мехико по политике в области культуры. — М., 1984. — С. 78—79.
- ¹⁹ См.: Марков, А.П. Отечественная культура как предмет культурологии. — СПб., 1996. — 114 с.
- ²⁰ См.: Орешкина, Л.И. Диалог культур в профессиональном становлении личности учителя. — М., 1996. — 180 с.
- ²¹ Библер, В.С. Диалог культур и школа 21 века. — 414 с.
- ²² См.: Рошупкин, В.Г. Формирование кросскультурной грамотности студентов в процессе обучения в педуниверситете : автореф. дис. ... канд. пед. наук. — Самара, 2002.
- ²³ Шафрикова, А.В. Мультикультурный подход в обучении и воспитании школьников : автореф. дис. ... канд. пед. наук. — Казань, 1998.
- ²⁴ См.: Дмитриев, Г.Д. Многокультурное образование. — М. : Народное образование, 1999.
- ²⁵ Тарасов, Е.Ф. Национально-культурная специфика речевого и неречевого поведения / Е.Ф. Тарасов, Ю.А. Сорокин // Национально-культурная специфика речевого поведения. — М. : Наука, 1977.

- ²⁶ См.: Pommerin, G., Migrantenliteratur und ihre Bedeutung für die interkulturelle Erziehung // Zielsprache Deutsch. — 1984. — Н. 3. — S. 106.
- ²⁷ Schmidt, U. Interkulturelle Kommunikation und interkulturelles Lernen // Pädagogik: Dritte Welt : Jahrbuch / Kulturelle Identität und Universalität. — Frankfurt a/M, 1987. — S. 123.
- ²⁸ Hanvey, R. An attainable Global Perspective. — N.Y. : The American Forum for Global Education, 1977.
- ²⁹ Dima H. Cross-cultural communication. Institute for the Study of Man. — N.Y., 1996. — P. 8.
- ³⁰ Pike, G. Global Teacher, Global Learner, Hodder & Stoughton / G. Pike, D. Selby. — N.Y., 1993. — P. 34.
- ³¹ См. Ibid.
- ³² См.: Schmidt, U. Interkulturelle Kommunikation und interkulturelles Lernen // Pädagogik: Dritte Welt : Jahrbuch / Kulturelle Identität und Universalität. — Frankfurt a/M, 1987. — S. 135.

И.Л. Экарева

ИЗ ИСТОРИИ МИРОВЫХ ИМПЕРИЙ И КОЛОНИАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ

Хотя эпоха колониальных завоеваний была открыта в начале XVI века Испанией и Португалией, пальма первенства ими удерживалась недолго. Их коммерческие успехи в Америке, на Филиппинах вызывали зависть у других стран Европы. И уже к XVII веку колониальная инициатива, а точнее прибыльная восточная торговля, переходит к Англии и Голландии. В 1600 году королева Елизавета Английская даровала привилегии Ост-Индской компании, а двумя годами позже образовалась голландская Ост-Индская компания. «Флаг следует за торговлей» — этот принцип лежал в основе не только британской колонизации, когда государство приходило в страны, уже оккупированные торговым капиталом. Так создавались колониальные державы. Сами по себе они ассоциировались с идеями национального величия, конкурентности, выжива-

емости сильнейшего, символизировали национальную мощь, престиж и дальнейшую судьбу. Их колонии обогащали национальный характер и укрепляли национальную славу. По их мнению, «дикарей» надо было цивилизовывать, тогда как сырье и другие ресурсы должны были приносить пользу экономике метрополии. Каждая страна, имевшая большие или малые колониальные владения, свято верила в необходимость империи и, обладая чувством превосходства, как правящая раса, выполняла так называемую «божественную миссию», неся цивилизацию неевропейскому миру.

В последние десятилетия XIX века Европа расширялась быстрее, чем когда-либо. Между 1800 и 1880 годами колониальные империи добавили 6500 тысяч квадратных миль к своим доменам. В следующие три десятилетия — еще на 8655 тысяч квад-

ратных миль, увеличив европейское влияние в мире с 65 процентов земной поверхности до 85¹. Только Британская империя занимала четверть земной поверхности, и ей принадлежало более четверти населения Земли.

Достижения в науке и технике позволили исследователям проникнуть в глубь Африки, а христианским миссионерам создать в тропиках свои посты. Маленькой. Утрата ею в 1889 году Кубы, Пуэрто-Рико и Филиппин в пользу США, островов в Тихом океане в пользу Германии сократила ее империю до Канарских островов, Испанской Сахары, протектората над частью Марокко и Испанской Гвинеи в Экваториальной Африке (единственной колонии, представляющей экономический интерес в виде какао).

Испанская колониальная система традиционно была авторитарной, патерналистской и правовой. Самым заметным итогом стало обращение филиппинцев в католицизм и приобщение их к испанскому образу жизни. Таким образом, самыми успешными и эффективными колонизаторами были не испанские морские капитаны и конквистадоры, а монахи, которые строили церкви, создавали приходы и школы.

Самой краткосрочной была *Германская империя*. Возникнув в 1884 году к 1919 году она прекратила свое существование. Большая ее часть находилась в Африке. Немецкая Восточная Африка занимала площадь в 384 тысячи квадратных мили (почти вдвое больше, чем имперская Германия), Юго-Западная Африка — площадь в 322 тысячи квадратных мили, Камерун — 305 тысяч квадратных миль и Тоголенд — 34 тысячи квадратных мили. Германия владела также территориями в Тихом океане и в Азии. Однако очень незначительные территории в немецкой Юго-Западной и Восточной Африке привлекли немецких поселенцев.

Несмотря на жестокое подавление восстаний в Юго-Западной Африке в 1904—1907 годах и в Восточной Африке в 1905—1906 годах, немцы не были в большей степени варварами, чем французы в Алжире, британцы в Кении или бельгийцы в Конго до 1908 года. Существовало общее заблуждение, что колонии были жизненно необходимы Германии для ее процветания, но это было не так. Все германские колонии до 1914 года (за исключением Того, где производилось какао и резины, и Самоа, где производилась копра) требовали значительных субсидий. Немецкие же финансисты, равно как и эмигранты, отдавали определенное предпочтение Восточной Европе и Америкам, а не своим колониям. В 1919 году Германия потеряла свои неприбыльные колонии. В 1930-е годы можно было восстановить некоторые колонии за счет Бельгии и Португалии, однако этого не произошло. Так Германия избежала «травмы» деколонизации.

В Африке железные дороги достигли Бамако в 1905 году, Катанги в 1910 году, Кано в 1911 году и Табора в 1912 году. Аэропланы использовались в военных компаниях в Ливии в 1911 году и Ма-рокко в 1912 году.

Что же собой представляли мировые империи к началу XX века.

Испанская империя, прежде великая, в XIX веке стала самой

Во время Первой мировой войны Британия и Франция стали крупными ближневосточными державами, увеличившими свои владения в Африке. Британия (с помощью индийских войск), Франция, Бельгия, ЮАР, Австралия, Новая Зеландия и Япония прибрали к рукам германские колонии.

Оттоманская империя была демонтирована Британией и Францией, в меньшей степени Италией. Меньшие колониальные державы, такие, как Дания, Бельгия и Португалия остались без изменения.

После поражения Китая в 1894—1895 годах и России в 1904—1905 годах Япония в 1910 году аннексировала Корею, положив таким образом конец доминированию белого человека в имперской политике. В годы Первой мировой войны влияние Японии возросло и в Китае, и в Тихоокеанском регионе. Как в свое время в Германии, в Японии возобладала доктрина необходимости рынков и сырья для выживания. После 1931 года Япония оккупировала Манчжурию. В годы Второй мировой войны ³⁴ предполагала распространить свою гегемонию на всю Юго-Восточную Азию. Кстати, самой устойчивой чертой японского колониального опыта остается глубокое чувство горечи, например, у корейцев по поводу посягательства японцев на их «национальную душу». После 1945 года утрата Японией колоний, как и в случае с Германией, показала, что для ее экономического восстановления тропические колонии были не нужны.

Итальянская колониальная империя также пострадала после Второй мировой войны. На рубеже веков Эфиопия оставалась вне европейского контроля и даже нанесла позорное поражение Италии в 1896 году. Вторжение Муссолини в Эфиопию в 1935—1936 годах установило «Ново-Римскую Восточно-Африканскую империю».

Итальянские домены включали Эритрею площадью 15 754 квадратных мили с проживавшими, согласно переписи населения 1931 года, 4188 итальянцами и Итальянское Сомали площадью 194 тысячи квадратных мили с 1630 итальянцами. Число итальянцев, проживавших в колониях, было велико, но главным местом эмиграции была Ливия, которую Италия отвоевала у Турции в 1911 году. К 1938 году там проживало 89 098 итальянцев, что сравнимо с Кенией, где жило 18 269 белых, с Палестиной — 386 084 еврея и с Алжиром — 987 252 европейца ².

Итальянское фашистское правительство построило гавани и дороги, но при этом отселило местное кочевое мусульманское население ближе к пустыне, сократив, таким образом, их численность почти вдвое. В конечном итоге эта политика принесла большие расходы в итальянский бюджет и разорение местному населению.

Вторая мировая война разрушила еще одну колониальную империю, намного более давнюю, — *Голландскую*, которая существовала с XVII века. В Вест-Индии ее колониальные владения включали Суринам и Курасао. В Ист-Индии на огромном индонезийском островном архипелаге протяженностью 3600 миль с востока на запад голландцы развили колониальную экономику, занимаясь производством табака, чая, кофе, сахара, копры, добывая уголь, каучук, олово и нефть. Ни в конце XIX века, ни в годы Первой мировой войны голландцы не

расширили свои территории. Они оставались и в 1939 году такими же, как и в 1815.

К 1939 году 240 417 голландцев проживали в Ист-Индии. Выросло и местное население: с 6 до 30 миллионов человек в конце XIX века и до 70 к 1940 году³. Голландское колониальное руководство частично реагировало на проблемы роста населения этих обширных районов. С самого начала они сохраняли местную династию и правили с ее помощью, хотя расширение европейской активности в конце XIX — начале XX века все больше вело к аннексии. К 1930 году Голландия имела полный суверенитет над 93 процентами Явы и половиной внешних островов при значительной автономии административных районов. В отличие от французской колониальной системы голландский колониализм характеризовался децентрализацией и непрямым правлением. Это отличало и британскую колониальную систему.

В 1942 году японская оккупация положила конец голландскому господству. Индонезийская элита заняла административные позиции, которых раньше не имела. Оказывая поддержку и националистическим, и исламским лидерам, японцы поощряли национальное движение. После войны Голландия предполагала возобновить контроль над своими бывшими колониями, но США поддержали националистов. В 1949 году народ Индонезии добился независимости.

К колониальным державам, которые просуществовали до второй половины XX века, относились Бельгийская, Французская, Британская и Португальская империи. Каждая из колоний имела «стальную рамку» из военных, полицейских, административных чиновников, которые осуществляли контроль и охраняли границы. Иногда европейский персонал состоял из районного чиновника, нескольких переводчиков и небольшого военного отряда. В начале XX века португальцы уже не обладали ни военными, ни административными ресурсами для минимальной оккупации. Каждая колониальная держава экспортировала упрощенную форму своей собственной системы управления и закон, и каждая колония имела юридическую систему, хотя иногда и зависела от неограниченного произвола колонизаторов. Как административные единицы европейских держав колонии являлись зарождающимися государствами, каждое находилось в процессе обретения современных черт, присущих государствам Европы. К середине XX века каждое из них имело сеть правительственных учреждений с телефонами, пишущими машинками и документацией. Каждая колониальная система стала обладать отчетливыми чертами своих колонизаторов, что проявилось в постколониальный период в конце века.

Бельгийское Конго к середине века приобрело репутацию колониальной модели. Но оно таким стало не сразу. Под авторитарным правлением короля Леопольда за 50 лет до этого Конго пользовалось дурной славой. Леопольд правил в Конго по-своему, не как король бельгийцев. Его режим был эксплуататорским и алчным. Африканцев заставляли собирать сырой каучук под угрозой наказаний, что иногда граничило с жестокостью. Полицейские функции выполняли Force

publique, напоминавшие армию наемников и состоящую из 360 европейских офицеров и 16 тысяч африканцев. Размеры колонии Конго превышали 902 тысячи квадратных мили (в 80 раз больше Бельгии). Африканское население в начале бельгийского правления было небольшим — 9 миллионов человек, в 1958 году — более 13 миллионов человек. Бельгийцев в Конго насчитывалось в 1940 году — 17 536 человек и в 1958 году — 88 913 ⁴.

Регион обеспечивал колонизаторов разнообразными природными ресурсами: медью, алмазами, ураном, тропическими сельскохозяйственными продуктами, каучуком, пальмовым маслом и хлопком. Самой ценной частью экономики была разработка месторождений. Прибыли от бельгийских инвестиций, однако, были невысоки, с годовым оборотом только 4—5 процентов. До 1945 года Бельгия субсидировала колониальный бюджет. По стандартам того времени бельгийское правление было филантропическим и эффективным. Ни одна другая колония не имела лучших условий труда, медицинского обслуживания и начального образования. Католические миссии обеспечивали начальное образование на 56 процентов — высочайший уровень в Африке, меньшее количество посещало среднюю школу и единицы — университеты. Ко времени обретения независимости Бельгийское Конго обеспечивало 16 процентов конголезцев высшим образованием. В декабре 1959 года волнения в Леопольдвиле вынудили бельгийскую администрацию признать конголезский национализм. Боясь, что волнения могут перерасти в подобие алжирской революции, и в то же время понимая, что конголезцы не смогут управлять без них, бельгийцы решили в пользу предоставления независимости 30 июня 1960 года. Конго немедленно скатилось к анархии. Слова «Конго» и «постколониальный хаос» стали синонимами.

До Второй мировой войны *Французская* империя могла сравниться только с Британской. В 1939 году она занимала площадь 4 617 579 квадратных миль и имела население 64 946 975 человек. Алжир, управляемый непосредственно как часть Франции, был главной колонией и имел население в 1 миллион европейцев и свыше 6 миллионов мусульман с самым высоким в мире приростом населения ⁵. Другие части Североафриканской и ближневосточной империи включали протекторат над Тунисом и Марокко и мандатные территории Сирии и Ливана. В Юго-Восточной Азии французы имели власть над Индокитаем, в Тихом океане владели Таити, Новой Каледонией и совместно с Британией управляли кондоминиумом Новые Гибриды. В Карибском бассейне Франция удерживала колонии Гваделупы, Мартиники и Французской Гвианы. В тропической Африке французская собственность была больше, чем у кого бы то ни было, простираясь от Южного Алжира до Конго и на востоке до англо-египетского Судана. Существовали две основные административные единицы. Федерация Французской Западной Африки включала колонии Мавритании, Сенегала, Берега Слоновой Кости, Дагомеи, Французского Судана, Французской Гвинеи, Верхней Вольты и Нигера. Другая федеральная единица французской

экваториальной Африки состояла из Чада, Габона, Среднего Конго. Франция управляла мандатными территориями Камеруна и Того. И это еще не весь список. Она имела группы островов в Индийском океане, Французское Сомали и Мадагаскар. На всех этих территориях со времен Французской революции цель была одна: французское республиканское правление и цивилизация должны быть предложены всем субъектам, должны позволить им стать ассимилированными гражданами Франции, империя должна стать неотъемлемой частью Франции.

Уже в начале века французам стало ясно, что будет трудно, если не невозможно, ассимилировать целые общества в таких местах, как Алжир, Индокитай и черная Африка. Проект трансформации арабов и черных африканцев во французских граждан, очевидно, имел слабые стороны. Тем не менее, идея ассимиляции не исчезла. Французский министр по делам колоний после Первой мировой войны, выдающаяся личность Альберт Соро призвал к инвестициям на развитие колониальной экономики, взаимозависимой с экономикой метрополии. Это было важно, так как французы оказались более склонны, чем другие колонизаторы, предоставлять денежную и военную помощь своим бывшим колониям. И если всеобщее признание французской республиканской идеи и цивилизаторской миссии не получило дальнейшего развития, то экономический и военный вклад помог французам создать небольшую ассимилированную элиту, преданную французской цивилизации.

Вторая мировая война положила конец французскому господству на Ближнем Востоке и ослабила французские силы в Индокитае, а 1954 год отмечен решительным поражением Французской империи в Азии.

Одним из главных достижений генерала де Голля после его возвращения к власти было решение о будущем Алжира и судьбе колониальной империи. В 1958 году он предоставил африканцам выбор. Они могли решить в пользу независимости, либо занять определенное положение во французском сообществе и продолжать пользоваться экономической и военной помощью, либо резко оборвать все связи. Только Секу Туре выбрал для Гвинеи разрыв связей с Францией. Остальные остались во французском союзе. В апреле после военного мятежа во французской армии в Алжире де Голль пришел к твердому решению: 3 июля 1962 года он провозгласил независимость Алжира.

Португальская империя оставалась последним анахронизмом. Любопытно, что, когда европейские колониальные державы находились в агонии, португальцы не потеряли ничего. Их основными владениями являлись Ангола (481 226 квадратных миль) в Западной Африке и Мозамбик (297 654 квадратных миль) в Восточной Африке. Эти регионы были открыты еще Васко да Гамой и другими мореплавателями в XV веке и занимали важное место в национальной психологии. Другие колонии Португалии включали Португальскую Гвинею в Западной Африке, острова Зеленого Мыса, Сан Томе и Принсипи, Макао и Тимор в Малайском архипелаге. К 1910 году каждая десятая колония принадлежала Португалии. Эффективный колониальный инструмент развился в виде чартерных компаний или концессий при

доминировании британского капитала. Компании использовали на плантациях подневольный труд, что вызывало серьезный международный протест и в конечном счете привело к реформе трудового законодательства в 1926 году. Португальцы заслужили репутацию жестокой и деспотичной колониальной державы, как и режим короля Леопольда в Конго, но причины заключались в собственной бедности Португалии и перенесении практики трудовых отношений XIX века в XX век. Португалия была слаборазвитой страной, где не было промышленной революции и гуманистического движения. Критический период ее модернизации совпал с правлением Салазара в 1928 году. Особое место в возрождении Португальского государства занимала идея империи. Салазар возглавлял страну в период ее колониального развития, которое заключалось во введении телеграфа и телефона, в строительстве портов и железных дорог, больниц и школ. К середине века португальские колонии стояли в одном ряду с другими европейскими колониями, хотя экономически отставали от них на 20 лет. Португальцы рассматривали Анголу и Мозамбик как многорасовое общество по типу Бразилии и считали колонии неотъемлемой частью своего государства.

В Мозамбике и Гвинее в 1964 году произошли восстания. В течение следующего десятилетия португальцы подавляли мятежников уже в трех африканских колониях. Для поддержания португальской колониальной миссии требовалось военное присутствие не менее чем из 200 тысяч солдат при численности населения Португалии 8 миллионов человек. Половина национального бюджета Португалии шла на войну. В итоге в 1974 году Португальская колониальная империя в Африке в результате революции в метрополии, а не поражения в колониях пала.

Британская империя — самая большая в истории человечества. В 20-х годах XX века она занимала четверть земного шара, где проживала четверть человечества. Начало британской экспансии было положено в 1583 году с провозглашения английским владением острова Ньюфаундленд.

С самого начала основная роль в британской колонизации принадлежала торговому капиталу. Именно за счет частной колонизаторской инициативы были достигнуты столь большое могущество и устойчивость. Ее символом стала акционерная Ост-Индская компания, фактически захватившая Индию.

С середины XVII века, когда Англия вступила в капиталистическую фазу своего экономического развития, главная цель английских купцов и предпринимателей заключалась в монополизировании торговли, получении прибыли от торговых операций. Эти цели заложили основу британской колониальной политики в XVII—XVIII веках на Востоке.

В это же время монопольные торговые компании, представлявшие интересы торговой буржуазии, стали основными проводниками колониальной политики не только Англии, но и Голландии и Франции. Колониальная система способствовала интенсивному росту торговли и производства. Колонии служили рынками сбыта для растущих ману-

фактур метрополий, поставляли туда сырье и увеличивали накопление богатства.

Британская империя являла собой сложную мировую систему, включавшую земли, присоединяемые на каждой стадии колонизации с начала XVI века. К примеру, на рубеже XX века одна только Индия была империей, согласно переписи, с населением 294 361 096 человек. Индией управляли чуть меньше тысячи чиновников индийской гражданской службы, почти исключительно британцы. Индийская армия в 250 тысяч солдат делала Британию величайшей военной державой на Востоке в начале века⁶. Кстати, именно тогда лорд Керзон, самый красноречивый британский проконсул, писал о Британской империи как о величайшем инструменте добра, который когда-либо видел мир.

С 1931 до 1947 года британские доминионы — Австралия, Новая Зеландия, Канада и Южная Африка — были самоуправляющимися и фактически независимыми странами, представляя собой так называемый «клуб белого человека», а по сути являясь малой частью все еще обширной империи.

Демонтаж Британской империи начался в Азии с предоставления независимости Индии и Пакистану в 1947 году, Цейлону и Бирме в 1948 году. Затем наступила очередь Африки. Ветры африканского национализма смели империю за 4 года (с 1960 года). Утратив колонии, европейские страны вернулись к своим традиционным границам.

Интересно отметить, что Соединенные Штаты Америки также создали некую империю из бывших испанских владений. Колониальные владения США включали Гуам, Филиппины и Пуэрто-Рико, а также Вирджинские острова, приобретенные в 1917 году у Дании.

Итак, сегодня многие бывшие колонии все еще ощущают себя заложниками мировой экономики и степень ответственности государств за свои проблемы широко обсуждается. Дебатировается вопрос о том, насколько и в какой степени европейские колониальные державы подготовили колонии к независимости. Сложились и сохранились по сей день французские, английские, испанские и португальские лингвистические блоки в неевропейском мире. Можно заметить, что французское культурное влияние превышает английское, хотя в крикете и футболе англичане оставили устойчивое преимущество. В отличие от британцев французы охотнее оказывали экономическую и военную помощь своим бывшим колониям, раздираемым этническими и религиозными конфликтами.

В конечном счете политическое наследие может оказаться менее заметным, чем, скажем, языковые, культурные, эстетические или кулинарные традиции. На старых французских территориях красное вино по-прежнему является непременным составляющим обеда. А на бывших британских территориях в тропиках по-прежнему популярны острый суп, жареный ягненок и имбирный пудинг. По всему миру французских колоний от Сенегала до Таити самым наглядным впечатлением остаются французские провинциальные домики и улицы, обсаженные деревьями. В Канаде, Южной Африке или в Индии можно

встретить похожие по архитектурному стилю общественные здания, а в ресторанах обнаружить английское меню.

Все это позволяет надеяться, что в будущем именно эти ценности будут напоминать многим странам Азии и Африки об их колониальном прошлом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Louis, R. The European Colonial Empires. The Oxford History of the Twentieth Century. — Oxford University Press, U.K., 1998. — P. 92.

² См. *ibid.* — P. 95.

³ См. *ibid.* — P. 96.

⁴ См. *ibid.* — P. 97.

⁵ См. *ibid.*

⁶ См. *ibid.* — P. 99.

Е.С. Степанова

ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ ОТ РАЗРОЗНЕННЫХ ПЛЕМЕН ДО СОЗДАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Вопрос о восточных славянах не менее сложен, чем о славянах в целом. Под своим именем эти племена стали известны в письменных источниках довольно поздно — в VI веке н. э., а до этого времени в письменных источниках ни о каких «славянах» не упоминается. Поэтому сегодня мнение ученых о времени зарождения славян разнятся на несколько тысяч лет — от XVIII века до н. э. до VI века н. э.

Начиная с III тысячелетия до н. э. Европа представляла очень сложную этническую картину. Племена и народы постоянно перемещались, воевали, мирно сотрудничали, смешивались друг с другом. По языку они относились к индоевропейским народам, населявшим Европу и часть

Азии. До III тысячелетия индоевропейцы представляли собой как бы единое целое: говорили на одном языке, молились одним богам. На рубеже III—II тысячелетий до н. э. они начали обособляться друг от друга и говорить на индоевропейских диалектах.

Русский историк профессор А.Г. Кузьмин предположил, что предки славян — праславяне — формировались во II—I тысячелетии до н. э. на огромной территории Европы от южного побережья Балтики до лесостепи Приднепровья¹. Впервые в письменных источниках славяне упоминаются во II веке н. э. в сочинении историка Иордана «О происхождении и деяниях гетов». По сведениям автора, славяне в тот период были известны под тремя

разными именами: «венеды, склавины, анты»².

В ранних письменных источниках славяне выступали как венеды. О них знали еще в Древней Греции в VII веке до н. э. Так, Геродот, писавший в V веке, сообщает, что «янтарь привозили с реки Эридана от венедов». Аналогичные сведения имеются и у Софокла (V в. до н. э.)³. Историк Б.Г. Пашков считает, что венеды обитали от Вислы, к северу от Карпат, до Балтийского моря. Южная граница проходила от северных склонов Карпат на восток, вдоль лесомерных, бесчисленных племенах антов на просторах Северного Причерноморья»⁴.

По описанию современников, анты, как и другие славяне, пользовались одним языком, у них были одинаковые обычаи и верования. Ранее склавины и анты назывались одним именем. Но анты, очевидно, сильно выделялись, так как византийцы сразу отличали анта от склавины.

Основным занятием антов было пашенное земледелие, оседлое скотоводство, ремесло и торговля. Они воевали с Византией, готами и аварами, но иногда помогали византийцам в их войнах с готами. Нападали на Фракию и Иллирию, разоряли области между Адриатическим и Черным морями. О многочисленности и могуществе антов пишет российский археолог В.В. Седов. Он считает, что существовало пять племенных союзов антов, из которых впоследствии произошли славянские племена хорватов, сербов, уличей, тиверцев и полян.

В отдельных византийских сочинениях сохранились подробные описания антов и склавинов. В «Стратегиконе» византийского императора Маврикия (582—602) отмечается, что эти племена «одинаковы и по образу жизни, и по нравам». Это свободные, не склонные стать рабами люди. Они многочисленны и выносливы, легко переносят зной, стужу, дождь, нехватку пищи. «К прибывающим к ним иноземцам добры и дружелюбны». Пленным через какое-то время предлагают либо вернуться домой за выкуп, либо остаться у них как свободным людям. Автор особо отмечает целомудрие их жен. Так, многие из них кончину мужа считают собственной смертью и добровольно удушают себя⁵.

Описание этих славянских народов находим у византийского историка VI века Прокопия Кесарийского: «Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправии (демократии), и потому у них счастье и несчастье в жизни считается общим делом. И во всем остальном у обоих этих племен вся жизнь

степной полосы. В юго-западной части они были соседями даков, в юго-восточной — сарматов. Земли, лежащие за Вислой и по побережью Балтийского моря, славяне заняли позже. Вслед за Иорданом византийские и германские средневекковые авторы склавенами называли южную ветвь славян, которые занимали территорию к юго-западу от Днестра. Анты — это восточная славянская ветвь. Они жили между Днестром и Днестром и к востоку от Днестра. Византиец Прокопий Кесарийский говорит «о без-

и законы одинаковы». Они почитают реки, нимф, всякие другие боже-ства, приносят им жертвы. Живут в жалких хижинах на большом рас-стоянии друг от друга. Часто меняют мест о жительства. «Вступая в битву, большинство из них идет на врага со щитом и дротиком в ру-ках, панцирей не надевают. Часто на сражение с врагом идут в одних только штанах, подпоясанных широким поясом на бедрах; рубашек (хитонов) или плащей часто не надевают. Они высокого роста, большой силы. Цвет кожи и волос — белый или золотистый⁶.

Историки установили, что VI—VII века — время активного рас-селения славян на обширной территории Южной и Средней Европы. На это же время приходится продвижение их и в Восточной Европе, причем здесь они не встречали таких препятствий, как на юге, где при-ходилось преодолевать сопротивление могущественной Византии. Восточные славяне, продвигаясь на восток и север, использовали не только и не столько силу. Они жили бок о бок с балтами и финно-угра-ми, смешивались с ними и ассимилировали их.

Восточные славяне расселялись на территории от Карпатских гор⁴² на западе до средней Оки и верховьев Дона на востоке, от Невы до Ла-жого озера на севере и Среднего Приднестровья на юге⁷.

В VI—VII веках в языке славян Восточной Европы появились особенности, характерные для древнерусского языка IX—XII веков. Но пока существовал общеславянский язык с диалектными зонами — се-верной (лесная) и южной (степная).

Что же представляли собой восточные славяне накануне образо-вания Древнерусского государства? В «Повести временных лет» лето-писец повествует о том, что восточные славяне «сели» по Днепру и прозвались полянами, другие — древлянами, получив свое название оттого, что жили в лесах. Жившие между Припятью и Днестром про-звались дреговичами, обитавшие по берегам реки Полота — полочана-ми. Славяне, «севшие» около озера Ильмень, стали называться «слове-нами» (ильменские славяне), а жители земель на Десне, Сейму и Суле назвались северянами. Кривичи жили в верховьях Волги, Западной Двины и Днепра⁸.

Можно указать на особенности отдельных восточнославянских племен того времени. Поляне, как свидетельствует «Повесть времен-ных лет», жили «особо по горам своим». Летописец говорит о них как о богатырях. Они «мужи мудры и смыслены, обычай их кроток и тих». Их земля простиралась до реки Рось на юге, до устья Припяти на севе-ре. Главный город — Киев. На западе от них жили древляне. Древней-шими городами здесь летопись называет Овруч, Искоростень, Малин. Еще западнее — волыняне. Историки отмечают, что самой крупной группой восточных славян были кривичи. Они занимали большую тер-риторию: от Верхнего Понеманья до Костромского Поволжья, от Псковского озера до верховьев Сожа и Десны, от Нарвы до Березины. Среди этой этнической группы выделяются смоленские, псковские и полоцкие кривичи.

Юго-восточную группу славян составляли родимичи, вятичи, северяне. Название «вятичи» предположительно произошло от имени Вятко⁹. Они обосновались на Оке.

Летописец Нестор говорит о неславянских народах Восточной Европы, живших рядом с восточными славянами: меря — вокруг Ростова и на озере Клещине или Переяславском; мурома — на Оке, где она впадает в Волгу; черемиса, мещера, мордва — на юго-востоке от мери; ливь — в Ливонии, чудь — в Эстонии и на востоке к Ладожскому озеру; нарва — там, где Нарва; ямь или емь — в Финляндии; весь — на Белоозере; пермь — в губернии сего имени; югра — на Оби, печора — на реке Печора¹⁰.

Нестор утверждает, что такие народы, как чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь и другие, платили дань Руси еще до времени образования Древнерусского государства. Однако большая часть историков опровергает это утверждение летописца. Племена меря, мурома, весь были ассимилированы восточными славянами. Литва позже создала свою государственность. Обрусение неславянских племен было не следствием завоевания, а мирного и постепенного расселения славян на востоке, многовекового соседства, взаимного обогащения культур и языка¹¹.

Внутри восточнославянских племен существовала особая форма объединения людей — община, или «вервь». Это был самоуправляющаяся хозяйственная и социально-бытовая территориальная (а не кровнородственная) община. Все владения общины делились на общественные и личные. Дом, приусадебная земля, скот, инвентарь составляли личную собственность каждого общинника. Земля, луга, леса, водоемы, промысловые угодья находились в общем пользовании. Пахотная земля и покосы подлежали разделу между семьями. Община должна была следить за правильным распределением земли, за ее использованием, за организацией трудоемкой работы и соблюдением ее в строго определенные сроки¹².

Занимаясь пашенным земледелием, восточные славяне использовали плуги, сошники, рала, плужные ножи и другие орудия. Именно славяне принесли искусство пашенного земледелия в Восточную Европу. В общине велось натуральное хозяйство, каждая община должна была обеспечивать себя всем необходимым: посудой, орудиями труда, оружием. Ремесленные изделия изготавливались для внутренних нужд общины, а не на продажу. Отличительным признаком славянской культуры была грубая лепная керамика.

Природные условия обусловили и занятия восточных славян скотоводством и промыслами, что способствовало развитию торговли. Славянские земли были расположены на пересечении торговых путей со странами Востока (Великий Волжский путь, через Хвалынское (Каспийское) море), и с Византией («Путь из варяг в греки» — Днепровский путь)¹³. Русские города, по мнению В.О. Ключевского, тоже обязаны своим появлением торговле, так как они возникали как сборные торговые пункты, куда прибывали охотники, бортники для обме-

на. Из таких крупных рынков выросли Киев, Новгород, Чернигов, Смоленск, Псков, Ладога, Ростов. В городах развивалось и ремесленное производство.

Важнейшие вопросы общественной жизни у восточных славян решались на вечевых сходах — народных собраниях, то есть закреплялись традиции относительной свободы, военной демократии, которые были заложены еще в древности. Славяне «не управлялись одним человеком, но издревле живут в народоправии», как писал Прокопий Кесарийский. Но этот вывод относился к более раннему периоду жизни восточных славян. Н.М. Карамзин отмечает, что народное правление затем превратилось в «аристократическое». Первыми правителями были военные вожди. С образованием восточнославянских племенных союзов во главе их стали князья, опиравшиеся на дружину и бывшую родовую верхушку. Князь за службу передавал своим приближенным права на владение землей. Так появились бояре, подчинившие себе общинников. Старая родоплеменная знать во главе с князем стала «вершитель» все дела племени. Это указывает на то, что в VI—IX веках восточные славяне переживали стадию разложения общинно-родового строя, формирования феодальных отношений и становления классового общества, завершившуюся образованием Древнерусского государства.

Восточные славяне до принятия христианства были язычниками. Основным богом у них был Перун — бог молнии. Славяне еще в VI веке поклонялись ему как верховному мироправителю. Его пантеон стоял в Киеве на холме. В Великом Новгороде также был его пантеон, но он был деревянным и располагался над рекой Волхов. Поклонялись славяне и богу Волосу (Велесу) — покровителю скота, главного их богатства. Богиней влаги и плодородия была Мокошь, богом солнца — Дажьбог.

Важное место в верованиях славян занимал культ предков и обожествление явлений природы. Языческие славяне устраивали народные торжества, главным из них был праздник после уборки хлеба. Доныне потомки славян празднуют весну, любовь и бога Лада, ночью зажигают огни в честь Купалы, а зимой воспевают Коляду.

Священным действием для языческих славян было погребение умерших. Своих усопших они сжигали на большом костре, пепел помещали в урну, которую ставили возле дороги, что означало праздник жизни над смертью¹⁴. Часто славянские племена возводили над погребальными кострами земляные насыпи — курганы. Вера в загробное существование проявлялась в том, что в погребальный костер вместе с усопшими клали вещи, оружие, пищу. При погребении князя вместе с ним сжигали коня и одну из его жен или рабыню.

Языческая Русь к моменту создания единого централизованного государства имела достаточно высокий уровень материальной и духовной культуры, которая была не ниже, чем культура других европейских стран. Она уступала лишь культуре тех стран, которые были непосредственно связаны с античностью — Византией и Италией.

Восточнославянские племена находились в постоянном контакте с культурами народов таких стран, как Византия, Болгария, Чехия, Польша, Германия. Славяне, видевшие творения греков и римлян, и сами с давних времен имели некоторое представление об искусстве, «соединенном, как пишет Н.М. Карамзин, с первыми успехами разума гражданского»¹⁵. Они вырезали на дереве образы людей, птиц, зверей и красили их разными цветами, которые не изменялись от солнечной жары и не смывались дождем.

Известна любовь наших предков к музыке. В VI веке они говорили греческому императору, что «главное услаждение жизни их есть музыка и что они берут обыкновенно в путь с собой не оружие, а кифары и гусли». Знали они также волынку, гудок и дудку. Музыка располагала славян к пляскам. Знали они и народные игры и потехи: борьбу, кулачный бой, бег взапуски.

Еще не зная грамоты, языческие славяне имели некоторые сведения из арифметики, хронологии. Н.М. Карамзин отмечает, что «домоводство, войны, торговля приучили их к многосложному счислению». Слово «тьма», означавшее 10 тысяч, древнеславянского происхождения. Наблюдая течение года, они, подобно римлянам, делили его на 12 месяцев и каждому дали название, согласное с временными явлениями природы: просинец — январь (от синевы неба); сечень — февраль; сухой — март; березозол (от золы березы); травний — май; изок — июнь; червен — июль; зарев — август (от зари или зарницы); рюек — сентябрь (от рева зверей); листопад — октябрь; груден — ноябрь (от груд снега или мерзлой грязи); студень — декабрь. Столетие называлось веком, то есть человеческой жизнью¹⁶.

Задолго до крещения Руси восточные славяне пользовались начатками письменности. Археологические раскопки открыли древние предметы, покрытые изображениями, напоминавшими письменность. Надписи встречаются на пряслицах для веретен, на глиняных сосудах, деревянных бочках и даже на сапожных колодках. В первой половине X века около Смоленска в кургане была найдена глиняная корчага с надписью «Горухша». О наличии у славян навыков письма сообщают древние греческие и арабские авторы.

Потребность в письменности появилась с укреплением частной собственности, с развитием торговли, когда возникла необходимость записывать количество товаров, долги, обязательства и т.д. В письменности нуждалось и государство, особенно при заключении договоров. Возникла необходимость и в частной переписке. Но только единая система алфавита могла по-настоящему служить делу общения людей. До 863 года, как сообщает Н.М. Карамзин, у славян азбуки не было. Все дошедшие до нас памятники древнерусской письменности использовали греческий и латинский алфавиты, но в них не хватало многих звуков. Этот пробел устранили византийские монахи Кирилл и Мефодий. Оба брата, знавшие славянские языки, изобрели славянский алфавит по греческому образцу с добавлением новых букв: б, ж, ц, ш, щ, ъ, ю, я, ь. Эта азбука, состоявшая из 38 букв, называлась кириллицей. Па-

раллельно появилась и глаголица, но она была очень близка к греческому алфавиту, поэтому основным алфавитом на Руси стала кириллица¹⁷.

Выше мы уже говорили о распространении начатков грамотности в простом народе. Но неисчерпаемой сокровищницей живых, подчас шуточных и задорных надписей являются стены древнерусских церквей, исписанные со всех сторон прихожанами. Так, на стенах новгородского Софийского собора глаголицей отмечены записки путешественника — «странного грешного Яна Воина», насмешки над певчими; в Киевской Софии — проклятие, посылаемое кем-то Прокопию и Ульяне, эпиграмма на соседа, уснувшего во время службы: «Якиме стоя усне, а рта и о камень не ростепе». Такие надписи назывались «граффити».

В 1951 году профессор А.В. Арциховский обнаружил в Новгороде берестяные грамоты XI—XV веков. Это были торговые сделки, частные письма, торопливые записки, отчеты о работе, о походах, приглашения на поминки и т.д., что еще раз подтверждает широкое развитие грамотности среди русского народа в далекий домонгольский период¹⁸.

Вскоре после крещения Руси, которое сыграло положительную роль в сближении с византийской культурой, в Киеве и в других городах началась интенсивная работа по переводу и переписке книг. В короткий срок русская церковь получила богослужебные книги, а княжеско-боярская среда — перевод хроники Георгия Амартола. Характерно, что русский литературный язык применялся везде: в делопроизводстве, дипломатической переписке, частных письмах, в художественной литературе¹⁹.

Но Днепровская Русь не сохранила в силу сложности развития большинство памятников письменности. Они гибли во время многочисленных пожаров, уничтожались при нашествии половцев, монголов. В 1240 году, захватив Киев, татаро-монголы уничтожили книжное богатство, собиравшееся в течение более чем двухсот лет. До нас дошло около 80 рукописных книг, относившихся к XI—XII векам. Из них

7 книг точно датированы второй половиной XI века. Одним из наиболее ранних памятников собственной литературы стало «Слово о законе и благодати», произнесенное первым русским митрополитом Илларионом в 1049 году. В нем вскрываются важные политические проблемы, показывается необоснованность претензий Византии на руководство русской церковью.

Самая древняя русская рукописная книга — Остромирово Евангелие — была написана в 1056 году. Эта книга — образец книжного искусства Древней Руси, не имевшая себе равных среди памятников старославянской письменности XI века. Крупнейшими произведениями русской литературы того периода являлись также «Поучение Владимира Мономаха», «Слово о полку Игореве», «Моление» Даниила Заточника, «Киево-Печерский патерик» и, конечно, летописи, среди ко-

торых видное место занимает «Повесть временных лет» Нестора (начало XII века).

Для большинства из них характерен широкий, общерусский взгляд на события и явления, сознание необходимости постоянной совместной борьбы с кочевниками, стремление прекратить разорительные для народа войны русских князей между собой. Жемчужиной литературы домонгольского периода является «Слово о полку Игореве» (1187), стоящее в первом ряду шедевров мировой поэзии рядом с французской «Песней о Роланде» и грузинской поэмой «Витязь в тигровой шкуре».

В славянских книгах прослеживаются традиции устного народного творчества. Русская земля издревле была богата сказаниями, песнями, былинами. Особенно совершенствуется народное творчество к X веку, когда появились былины. Былина — это эпическая форма фольклора, это история, рассказанная самим народом. Симпатии народа, выраженные в былинах, относятся прежде всего к моменту расцвета Киевского государства.

В былинах того времени говорится о русских богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче. Все они были современниками князя Владимира и успешно вместе с ним защищали родную землю от внешнего врага. В.О. Ключевский в своем курсе русской истории совершенно верно отметил, что народ помнит и знает старый Киев с его князьями и богатырями, любит и чтит его, как не любил и не чтит он ни одной из столиц, сменивших Киев²⁰.

По мере установления государственности былинное творчество получило дальнейшее развитие. К XI веку относятся былины «Владимир Красное Солнышко» (о борьбе с печенегами), «Вольга и Микула», «Михайло Поток» и др. Северные (новгородские) былины большое внимание уделяют новгородскому искателю приключений — Садко.

Народ точно наметил вехи освящения истории. Не «бестолковую толкотню и бессмысленные драки, — как отмечал Н.М. Карамзин, — воспевал он в своих былинах»²¹. Время непрерывных феодальных войн, время «всеобщей путаницы» наступило позже, и в былинах этот период не отражен: героев-богатырей тогда уже не стало. Этот период нашей истории нашел свою оценку не в былинах²². Б.Г. Греков убедительно доказал, что удельные распри и причины многих княжеских переездов и войн освещаются уже в летописях²³. Летопись свободно включала в свой состав многие произведения древнерусской литературы: жития, повести, послания, плачи, легенды и т.д.

Имея перед собой определенную задачу, летописец делал подбор фактов, имевших для него определенный смысл, и часто пропускал то, что имело бы сейчас для нас первостепенное значение. Все летописцы были связаны волей заказчиков, которыми обычно являлись князья. Но летопись, как правило, отвергала вымысел, имела дело с былью, с реальной действительностью. Огромную роль для летописца играли события, факты, исторические лица, позволявшие раскрывать главную тему. В течение семи столетий шел сложный, противоречивый процесс

единения русских земель, преодоления феодальной, удельной раздробленности, бушевала, не затихая, борьба за создание единого русского государства. И летописцы запечатлели эту особенность жизни складывающейся нации.

Шли века, менялись поколения летописцев, создавались общерусские летописные своды и писались областные летописи, но весь заключенный в них материал, рассказы о сотнях исторических деятелей, описания сражений, битв, испытаний, обрушившихся на княжества, на народ, — все это оказалось подчиненным единому «сюжету». Это было выражение закономерности развития русской истории — преодоления раздробленности, единения русских земель, завершившихся созданием централизованного государства.

Таким образом, история развития восточных славян от далекого прошлого до создания Древнерусского государства была сложной и в то же время яркой и многоплановой.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Перевезенцев, С.В. Россия. Великая судьба. — М., 2007. — С. 16.
- ² Там же. — С. 18.
- ³ Платонов, С.Ф. Лекции по русской истории. — М., 1993. — С. 63.
- ⁴ Перевезенцев, С.В. Указ. соч. — С. 20.
- ⁵ См. там же. — С. 22—23.
- ⁶ См.: Карамзин, Н.М. Предания веков. — М., 1989. — С. 46.
- ⁷ См.: Пашков, Б.Г. Русь. Россия. Российская империя. — М., 1994. — С. 14.
- ⁸ См.: Карамзин, Н.М. Указ. соч. — С. 40.
- ⁹ См.: Пашков, Б.Г. Указ. соч. — С. 15.
- ¹⁰ См.: Карамзин, Н.М. Указ. соч. — С. 42.
- ¹¹ См.: Гумилев, Л.Н. От Руси и до России. — СПб., 1992. — С. 76—77.
- ¹² См.: Кесарийский, Прокопий. Война с готами. — М., 1950. — С. 297.
- ¹³ См.: Карамзин, Н.М. История государства Российского. — Калуга, 1993.
- ¹⁴ См.: Спицын, А.А. Поля погребальных урн // Советская археология. — 1948. — Т. 10. — С. 42.
- ¹⁵ Карамзин, Н.М. Предания веков. — С. 53.
- ¹⁶ См. там же. — С. 54.
- ¹⁷ См. там же. — С. 63.
- ¹⁸ См.: Арциховский, А.В. Новгородские грамоты на бересте. — М., 1963. — С. 4—9.
- ¹⁹ См.: Гумилев, Л.Н. Указ. соч. — С. 78.
- ²⁰ См.: Ключевский, В.О. Курс русской истории. — Ч. 1. — М., 1988. — С. 76—77.
- ²¹ Карамзин, Н.М. Предания веков. — С. 69.
- ²² См.: Рыбаков, Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. — М., 1963. — С. 18.
- ²³ См.: Греков, Б.Г. Киевская Русь. — М., 1959. — С. 13.

О.И. Шмелёва

**ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ
В РАЗРЕШЕНИИ ЕГИПЕТСКОГО КРИЗИСА
(1881—1882 годы)**

Важнейшим звеном внешней политики лондонских кабинетов на Ближнем Востоке была колониальная экспансия Египта, номинально входившего в состав Османской империи. В первой половине 80-х годов XIX века под знаком египетского вопроса развивались англо-турецкие отношения. Великобритании был необходим Египет, так как он являлся перекрестком торговых путей из Европы в Азию и внутреннюю Африку. В период Гражданской войны в США именно Египет был основным поставщиком хлопка в Великобританию,

60 процентов всей его внешней торговли контролировалось английским капиталом. Наконец, в 60-х годах стремительно росла задолженность Египта английским и французским банкирам, составившая почти 90 миллионов фунтов стерлингов. Около 2 тысяч английских рантье получали проценты с египетских займов, концессионеры и подрядчики наживались на строительстве железных дорог, каналов, портов¹. Египет входил в состав Османской империи и подчинялся султану, но практически с начала 70-х годов был самостоя-

телен в решении своих финансовых вопросов. Это давало европейцам свободу действий. При этом Великобритания стремилась не допустить чрезмерного усиления влияния Франции на египетское правительство.

Однако с началом постройки Суэцкого канала, которую осуществляло французское акционерное общество Ф. Лесепса, английское правительство столкнулось с серьезным конкурентом и англо-французские противоречия в Египте резко возросли.

Тем временем экономика, финансовое состояние Египта были расстроены. Находясь в безвыходном положении, и, чтобы хоть как-то упорядочить финансовое положение в стране, Египта. Об этом писала «Таймс»: «Если восстания, посягательства извне или разложение внутри способны привести Турецкую империю к политическому и финансовому краху, то может явиться необходимость принять меры к охране той части владений султана, с которой мы теснее всего связаны...»³.

В 1877 году на страницах журнала «Девятнадцатое столетие» Гладстон вел полемику с Е. Дайси относительно перспектив оккупации Египта. Дайси развивал тезис о том, что с распадом Османской империи путь в Индию через Суэц оказывается под угрозой и в связи с этим надо оккупировать Египет в целях самообороны. Дайси прямо писал, что если вы — бизнесмен, то не сможете руководствоваться примитивными догмами христианства. Оккупацию Египта будут приветствовать держатели акций и феллахи. С ответом выступил Гладстон. Он возражал, приводя моральные соображения, и говорил о том, что без особой необходимости не надо расширять империю, что Дайси переоценивает роль Индии в политике Англии и что захват Египта возложит на Англию финансовое бремя, поссорит ее с другими державами⁴.

Вскоре было объявлено о направлении в Египет миссии Кейва с целью изучения финансового положения страны. Франция пыталась помешать английским планам, выдвинув свои проекты стабилизации положения в Египте. Тогда Великобритания пригрозила опубликовать результаты расследования. Этого оказалось достаточно, чтобы подорвать доверие к режиму хедива: 8 апреля 1876 года было объявлено о банкротстве Египта, его неспособности платить по долгам. Европейские державы-кредиторы, чтобы обеспечить себе выплату долга заставили, Египет принять иностранный контроль над его финансами.

хедив решил продать часть акций канала. Таким образом, Египет лишился значительной части доходов. В 1875 году 44 процента акций за 4 миллиона фунтов стерлингов купил премьер-министр Дизраэли, взяв эту сумму займа у Ротшильда². Это был беспрецедентный акт: правительство становилось участником частного предприятия, причем без санкции парламента. Сделка носила явно политический характер, кроме того, Англия, не участвуя в строительстве и не понеся никаких расходов, получила право почти на половину доходов. Эти акции, а также долг Египта окончательно привязали страну к Англии, вперые реальной стала оккупация

Франция вступила в переговоры с хедивом и навязала ему соглашение о консолидации долга: все долги были сведены в один с выплатой 7 процентов годовых, платежи обеспечивались земельным налогом с четырех провинций, доходами с таможен Каира и Александрии, табачным акцизом и личными владениями хедива. Английские же держатели акций посчитали такое соглашение невыгодным для себя и даже потребовали установления английского протектората над Египтом. Закончилось все компромиссом: была создана касса египетского долга, учреждены посты контролеров за доходами и расходами страны. Один контролер назначался Францией, другой — Великобританией. Английским контролером стал крупный банкир Э. Баринг (впоследствии лорд Кромер, протектор Египта), получавший от хедива оклад 3 тысячи фунтов стерлингов. Министр финансов Египта, выступивший против европейского контроля и за снижение процентов по долгу, был убит при невыясненных обстоятельствах. Начался период «двойственного» контроля.

Чиновники, действовавшие в интересах займодержателей, были заняты обеспечением регулярной выплаты долгов. В книге Ф.А. Ротштейна убедительно показаны все способы, к которым они прибегали, чтобы «выколотить» из крестьянства средства для оплаты купонов рантье. Результат был самый плачевный, так как уже к концу 1877 года казна была опустошена, задерживалась выплата жалования турецким служащим и военным, но английские кредиторы были неумолимы. В марте 1878 года «Таймс» поместила их требование не снижать процентов по долгам и призывы искать новые пути ограбления⁵. Когда в связи с начавшимся голодом в 1878 году халиф Исмаил объявил отсрочку платежей по долгам, Англия и Франция настояли на создании комиссии по расследованию положения финансов. В апреле того же года такая комиссия была создана, ее возглавил английский чиновник Р. Вильсон. Комиссия предложила создать в Египте «ответственное министерство».

28 августа 1878 года, после завершения работ Берлинского конгресса, под давлением Англии и Франции, использовавших банкротство правительства египетского хедива, в Каире был создан «европейский кабинет министров», означавший не только новый период установления финансового англо-французского контроля над Египтом, но и, по существу, потерю страной политической самостоятельности. Великобритания получила ключевой пост в кабинете — пост министра финансов. Им, разумеется, стал Вильсон. Европейцы контролировали все расходы Египта, решали вопросы о предоставлении ему новых займов. Египет фактически потерял независимость, а хедив стал марионеткой в руках колонизаторов.

Положение феллахов ухудшилось во много раз. В годы строительства канала налоги вдвое превышали сумму, которую собирали при Мухаммеде Али, а затем они еще увеличились более чем на половину. Феллахи разорялись. Для того чтобы выплатить налоги, они прибегали к займам у ростовщиков, которые, даже по оценке члена ан-

глийского парламента, которому было поручено обследование деятельности ростовщиков, получали ежегодно доход в сумме 5200 тысяч фунтов стерлингов. Эта цифра превышала общую сумму государственных налогов. Очень часто и в больших масштабах ростовщицеством занимались европейцы.

Вскоре выяснилось, что такая бесцеремонная политика привела к сужению социальной базы режима. Главной опорой хедива были помещики и армия, но увеличение налогов, сокращение расходов на содержание армии, расстройство финансового положения привели к росту оппозиционных настроений в этих кругах. Либеральные реформаторы требовали ввести конституцию по образцу западных стран. Общим стало требование освободиться от засилья иностранцев, покончить с ограблением страны.

Долго копившаяся ненависть народа к иностранцам прорвалась в конце 70-х — начале 80-х годов XIX века. Поводом для этого послужили события февраля 1879 года, когда правительство решило уволить 2,5 тысячи офицеров, которые полтора года не получали жалование. В ответ на это военные подняли мятеж. Премьер Нубар-паша и министр Вильсон были арестованы, правда, хедив быстро освободил их, но при этом выразил недовольство действиями кредиторов. 10 марта «Таймс» прямо писала о том, что попытка отеснить хедива от управления страной была ошибкой и вызвала сопротивление. Либералы предлагали восстановить власть хедива, снизить проценты и ослабить эксплуатацию крестьян⁶.

Неожиданно хедив Исмаил созвал парламент и 7 апреля объявил о создании «туземного правительства». Франция потребовала оккупации Египта, но Великобритания не хотела совместной акции и предпочитала сохранить здесь прежний порядок.

«Самостоятельность» дорого обошлась хедиву. Англия и Франция добились у османского султана его низложения. В июне он отрекся от власти. Его сменил более послушный Тауфик, который отказался утвердить проект весьма умеренной конституции и разогнал палату нотблей. Вновь был создан проевропейский кабинет, упрочился статут контролеров. Отныне хедив не мог их сместить, ему также запрещалось самому решать вопрос о займах и отдавать кому-либо территорию Египта.

16 октября 1879 года Солсбери в секретной инструкции консулу Малетту писал, что главная задача — не допустить преобладания какой-либо державы в Египте. И далее: Великобритания могла бы аннексировать Египет и сделает это, если там возобладаст анархия⁷.

В 1880 году Египту был предоставлен новый займ под обеспечение доходов от железных дорог и четырех провинций. Европейцы брали подряды на ирригационные работы, добились монополии на ввоз соли из Индии, европейские чиновники, которых в 1882 году насчитывалось 1325 человек, получили 379 тысяч фунтов стерлингов жалованья. По мере усиления позиций колонизаторов нарастала и оппозиция. Большим авторитетом пользовался известный деятель Араби-паша,

группировавший недовольную засильем европейского капитала оппозицию и выступавший под лозунгом защиты ислама, удаления иностранцев и аннулирования долгов⁸.

На установление полуколониального режима Египет ответил мощным национально-освободительным движением. Результатом движения явилось сентябрьское восстание 1881 года столичных полков во главе с Ахмедом Ораби, которое иногда называют «революцией 9 сентября». Последовавшие затем события в Египте привели к прямому вмешательству западноевропейских держав, вызвавшему международный кризис 1881—1882 годов. Хедив вынужден был уступить восставшим: уволить министров в отставку, созвать палату нотаблей, ввести Конституцию и увеличить армию до 18 тысяч человек.

Увидев массовый характер восстания, англичане поняли, что движение ведет к ослаблению их позиций в Египте. Это явилось причиной резко отрицательного отношения англичан к Араби-паше. Великобритания выдвинула идею оккупации Египта турецкими войсками, но это был заведомо неприемлемый для Франции шаг, да и сами англичане в конце концов воспротивились вмешательству Порты, когда последняя послала своих комиссаров в Египет, два английских военных корабля проследовали туда же и ушли только после отъезда турецких представителей. Великобритания возражала против принятия Конституции и весьма скромных требований вроде контроля бюджета со стороны палаты нотаблей, поскольку это угрожало интересам кредиторов.

В мае 1882 года Тауфик получил ультиматум с требованием роспуска национального правительства и высылки Араби-паши. Ультиматум был расценен как объявление войны египетскому национально-освободительному движению⁹.

Пока Великобритания и Франция спорили, какого рода вмешательство требуется и кто наведет порядок в Египте, освободительное движение одерживало все новые победы: 2 февраля 1882 года армия свергла правительство, Араби-паша стал военным министром и в его руках сосредоточилась реальная власть. Организованный в апреле против него заговор был раскрыт и заговорщиков арестовали. Положение колонизаторов ухудшалось. Было ясно, что хедив не имеет реальной власти в стране. Впервые в Лондоне стал выдвигаться тезис о возможности возникновения угрозы жизни европейцев.

20 мая английский флот прибыл в Александрию, чтобы укрепить «законность и порядок», то есть власть хедива. Демонстрация флота не только не испугала восставших, но и, наоборот, толкнула их к более решительным действиям. Хедив пытался восстановить порядок, он отдал приказ о разоружении армии и отставки правительства. Это вызвало взрыв возмущения по всей стране, на митингах и собраниях египтяне требовали устранения «продажного» хедива и изгнания иностранцев с государственной службы. Испуганный хедив восстановил Араби-пашу на посту военного министра.

Государственным деятелям Великобритании стало ясно, что необходимо срочное вмешательство, но для этого необходим повод. 11

—12 июня в Александрии произошли столкновения, в результате которых были убиты 57 европейцев и 140 мусульман, что послужило предлогом для вторжения. Стали появляться слухи, что Араби заурядный авантюрист, который приведет страну к анархии и банкротству, а не к свободе. Лорд Нортбрук высказался за военную операцию с целью защиты Суэцкого канала, хотя каналу ничто не угрожало.

15 июня кабинет министров Великобритании высказался за подготовку экспедиционных сил, было принято решение об увеличении контингента войск в Средиземном море до 35 тысяч. Франция решительно заявила, что никакой угрозы судоходству по каналу нет, но она как раз и возникнет в случае интервенции.

С 23 июня по 14 августа проходила Международная конференция в Стамбуле, на которой представители великих держав говорили о том, что никому не следует искать территориальных приобретений и коммерческих преимуществ в Египте. В то же время Великобритания приступила к военным действиям и поставила другие державы перед свершившимся фактом.

Командовал флотом адмирал Сеймур. Он давно предлагал принять решительные меры против строительства укреплений, фортов и батарей. Наконец, 9 июля было решено предъявить Египту ультиматум. Европейцам предложили покинуть Александрию. 11 июля в течение десяти часов военные корабли вели огонь по фортам Александрии¹⁰. Египетские войска были вынуждены эвакуировать жителей города и его заняли англичане. Александрия горела. Бомбардировка была нарушением международного права, она вызвала возмущение египетского народа. Араби объявил священную войну против англичан. Английская армия стремилась продвинуться в глубь страны, но встретила сильное сопротивление и была остановлена отрядами египтян. Несмотря на эти победы, Араби-паша ничего существенного не предпринимал для того, чтобы разгромить малочисленную английскую армию сразу после ее высадки в Александрии. Он поверил на слово Лесепсу, который обещал, что англичане не нарушат нейтралитет его канала и не будут вести военные действия в его зоне. Поэтому на оборону канала не обратили почти никакого внимания, а англичане умело воспользовались ошибками руководства.

Гладстон 20 июля дал согласие на военную экспедицию под командованием Уолсли. Для этих целей 28 июля парламент выделил 2 миллиона фунтов стерлингов. Франция заявила, что не примет участия в этой операции.

Официальная версия гласила, что экспедиция — единственное средство защитить Суэцкий канал, путь в Индию, хотя ни в какой защите он не нуждался. Идею оккупации поддержали финансисты Сити, торговцы, судовладельцы, держатели акций, концессионеры. Египет уже настолько прочно попал в сети экономической зависимости, что лишение его политической независимости было предрешено. Конечно, учитывалось и стратегическое положение Египта, который мог стать

важным плацдармом для новых захватов в Африке и на Ближнем Востоке. Это было очень ценное приобретение для колонизаторов.

События развивались стремительно. 2 августа английские войска заняли Суэц и Порт-Саид. Если сразу после высадки их армия насчитывала 7,5 тысячи человек, то потом она возросла до 25 тысяч¹¹.

13 сентября англичане нанесли восставшим решительное поражение при Тель-эль-Кебуре.

У Араби-паши совершенно отсутствовала разведка, и английские войска, не обнаружив ни застав, ни сторожевых постов, подошли вплотную к египетскому лагерю, окружили и разгромили его. Араби-паша бежал в Каир, но утром 15 сентября Каир уже был в руках англичан. В тот же день Уолсли послал в Лондон телеграмму, в которой извещил, что задание выполнено.

Советский арабист А. Шами назвал восстание Араби-паши «наиболее яркой главой в истории египетского освободительного движения в XIX в.»¹².

Однако достигнутые в этот период завоевания египетского народа были ликвидированы в результате британской военной интервенции.

Тем не менее, события 1881—1882 годов вошли в историю международных отношений и знаменовали собой наивысший подъем борьбы за национальную независимость Египта на первой стадии ее развития — до перехода страны под «необъявленный протекторат» Великобритании.

После победы британские гарнизоны в количестве 10 тысяч солдат были размещены в Каире и Александрии. Все расходы по их содержанию нес Египет. По всей стране были введены военные суды. Первоначально они действовали достаточно гуманно, в частности, глава движения Араби-паша, приговоренный к смертной казни, был помилован и отправлен в пожизненную ссылку на Цейлон, но через 6—7 месяцев начались настоящие репрессии. Несколько десятков участников восстания были казнены, арестовано около 30 тысяч египтян, которые подозревались в симпатиях восставшим. На Египет наложили огромную контрибуцию — 69 миллионов фунтов стерлингов. Страна была наводнена английскими советниками. Порты пытались протестовать, но на нее не обращали внимания.

Так завершилась одна из первых попыток национально-освободительной борьбы Египта. Она потерпела поражение и закончилась английской оккупацией, которая длилась 70 лет.

Естественно, что акция Великобритании вызвала недовольство других колониальных держав, и в первую очередь Франции. Ее успокаивали тем, что оккупация носит временный характер и что, как только стабилизируется положение и Египет сможет возобновить выплату долгов, Великобритания выведет свои войска. Вскоре контингент английских войск сократился до 3 тысяч, что косвенно говорило о стабилизации положения, но оккупационный режим сохранялся.

Лорд Дафферин аннулировал Конституцию и восстановил власть хедива, но практически власть находилась в его руках. По сути дела, Египет стал протекторатом. 11 сентября в Каир прибыл Кромер, который правил Египтом 26 лет и получил титул почетного гражданина Сити.

В апреле 1884 года была созвана Международная конференция для решения вопроса о долгах. Англичане много говорили о бедности феллахов, но дальше слов дело не пошло. Конференция ни к чему не привела, лишь 18 марта 1885 года в Лондоне была подписана конвенция о новом займе в 9 миллионов фунтов стерлингов, несколько уменьшились платежи по долгу, снизился земельный налог. В итоге в 1889 году бюджет был сбалансирован. Некоторое сокращение феодальных повинностей, налогов и принудительного труда имело целью повысить платежеспособность, а отнюдь не рост благосостояния феллахов.

Быстро росло производство хлопка. Так, с 1884 по 1908 год оно выросло в три раза. Английские промышленники могли быть довольны. В проигрыше остался только египетский народ.

Когда Гладстона укоряли, что захват Египта противоречит либеральным принципам свободы наций, он отвечал, что в Египте не было нации, поэтому и сокращаться не следует.

Действия Великобритании не могли не повлиять на англо-французские отношения. Одним из важнейших международных последствий кризиса 1881—1882 годов стало усиление англо-французского соперничества в Египте, которое на долгие годы определило напряженность отношений двух стран.

Султанское правительство во время кризиса 1881—1882 годов пыталось восстановить свои права в Египте; Абдул Хамид даже вынашивал планы об их расширении, поощрял руководителей египетского национального движения, пытаясь привлечь их на свою сторону. Порта обращалась за помощью к Германии, Австро-Венгрии и России, причем особые надежды возлагались на Бисмарка, так как в это время шли германо-турецкие переговоры об установлении тесных контактов между двумя странами. В июле 1882 года делегаты Международной конференции в Стамбуле официально рекомендовали султану отправить войска в Египет. Однако султан не утвердил это решение, так как направить войска в мусульманскую страну, тесно связанную с другими центрами исламизма, означало подорвать авторитет султана как халифа, к тому же для военной экспедиции нужны были немалые средства, а ими турецкая казна не располагала. Наконец, у султана были соображения личной безопасности: он боялся сосредоточить в руках одного военачальника крупные военные силы, которые могли быть обращены против него самого.

Германская дипломатия стремилась использовать события в Египте, чтобы как можно сильнее столкнуть Англию с Францией, вызвать англо-французский конфликт. Помочь Франции увязнуть в Африке и тем самым отвлечь ее от рейнской границы всецело соответствовало задачам европейской политики Бисмарка. Формально он вы-

ступал за мирное урегулирование вопроса и одновременно сообщал в Лондон, что не будет возражать против захвата Египта. Проанглийскую позицию заняли Австро-Венгрия и Италия, что касается России, то она не имела особых интересов в Египте, но Суэцкий канал как морской путь на Дальний Восток имел для нее немаловажное значение, поэтому притязания Англии на господство в Египте и в зоне канала не могли не вызвать противодействия со стороны петербургского кабинета. Царское правительство провозгласило необходимость сохранения статус-кво Египта при сюзеренитете султана и решения вопроса всеми великими державами при участии Турции. Осуществить свою программу русская дипломатия рассчитывала путем предварительной договоренности с Германией и Австро-Венгрией, к которой могла бы присоединиться и Италия. Однако ставка на согласованные действия при решении египетского вопроса себя не оправдала. Позиция Бисмарка способствовала в конечном итоге английской оккупации Египта.

Так называемая политика блестящей изоляции не мешала британской дипломатии заниматься поисками союзников против России и Франции, они увенчались в 1887 году согласием с Австро-Венгрией и Италией о сотрудничестве в бассейне Средиземного моря, с ними была связана и Германия.

В данном случае новую расстановку сил в значительной мере предопределили результаты египетского кризиса, в ходе которого четко обозначилась линия соприкосновения Великобритании и стран Тройственного союза, да и непосредственно при создании Средиземноморской антанты имелась в виду поддержка ее участниками и Германией британской политики в Египте.

Конечно, такая расстановка сил стала возможной лишь постольку, поскольку «Германия еще не дошла до той степени своего развития, которое было бы опасно для Англии»¹³, но рано или поздно это должно было произойти. Несомненно, прав английский историк Медликотт, указавший, что, хотя помощь Бисмарка Англии в египетском вопросе маскировала зреющий англо-германский антагонизм, черты его явно обозначились уже во время колониального кризиса 1884—1885 годов, когда Германия заявила о своих претензиях на роль мировой державы¹⁴. Но правы также и те авторы, которые отмечают, что в этот период Англия должна была избегать ссоры с Германией, в поддержке которой она нуждалась, чтобы укрепиться в Египте¹⁵.

После окончания египетского кризиса Абдул Хамид продолжал усматривать в английской политике большую опасность, он не мог примириться с утратой своих суверенных прав в Египте и теперь считал своей главной задачей добиться возможно скорого вывода оттуда английских войск или, по крайней мере, установления сент-джемским кабинетом срока оккупации. На все запросы Порты ответ Лондона сводился к одному: «Правительство ее величества королевы не захватило Египет, и английские войска будут возвращены на родину, когда там будет установлен порядок»¹⁶.

Осуществляя агрессию в Египте, британские правящие круги играли на страхе Абдул Хамида потерять Западную Армению. Английская дипломатия во взаимоотношениях с Портой использовала национально-освободительное движение армян, обеспечивая выполнение своих задач на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке. Невыполнение султанским правительством возложенных на него обязательств и крайне тяжелое положение в Западной Армении и Киликии после 1878 года, проявившееся в ряде вооруженных выступлений армянского населения и в его многочисленных обращениях к великим державам, дали возможность Форин Оффис выступить организатором вмешательства великих держав в виде их коллективных нот Порте (11 июля и 11 сентября 1880 г.) с требованием выполнения ею статьи 61 Берлинского договора. Порта отклонила предложенный Европой проект реформ, разработанный на основе материалов, собранных англичанами, и уведомила державы, что собирается проводить намеченные ею мероприятия по реализации решения конгресса¹⁷.

Прошло полгода, и, отчаявшись получить поддержку великих держав против английской оккупации Египта, Абдул Хамид стал предпринимать меры для прямого соглашения с Лондоном. «После долгих колебаний, — писал Нелидов Гирсу 25 февраля 1884 года, — Порта предприняла демарш в Лондон, предлагая вступить в переговоры о восстановлении прав султана в Египте»¹⁸. Однако переговоры, которые провел в Лондоне посол Мусурус-паша, не принесли благоприятного оборота. Гренвилл отказался фиксировать срок отзыва английских войск, пока не закончатся операции на побережье Красного моря, тем не менее, английское правительство не отказалось в дальнейшем вести переговоры с султаном об урегулировании египетских дел. Несмотря на уклончивый ответ, представители проанглийской ориентации в Стамбуле рассматривали его как большой дипломатический успех и настаивали на продолжении переговоров¹⁹.

Переговоры возобновились только в начале следующего года, когда в Лондон с чрезвычайной миссией прибыл министр юстиции Фехми-паша. Порта рассчитывала, что в ходе переговоров Лондон выдвинет конкретное предложение о сроке окончания оккупации. Но сент-джемский кабинет был далек от этого, в беседах с Фехми-пашой Гренвилл продолжал твердить, что Англия не хочет ни аннексировать Египет, ни устанавливать над ним протекторат, что она уважает суверенитет султана в Египте и защищает его от лиц, «подобных Араби и Махди», и английские войска останутся в Египте, пока они там будут нужны²⁰.

В июне 1885 года в Англии произошла смена кабинета. Место ушедшего в отставку Гладстона заняло консервативное правительство Солсбери. После смерти Биконсфилда в 1881 году Солсбери стал лидером консервативной партии. К моменту прихода к власти он уже обладал немалым дипломатическим опытом: в 1860—1870-е годы занимал пост министра по делам Индии, с 1878 по 1880 год возглавлял Форин Оффис и был вторым английским делегатом на Берлинском конгрессе.

В своем первом кабинете (1885—1886 гг.) возглавил и Министерство иностранных дел. Этот беспрецедентный случай в политической жизни Англии вызвал большой резонанс в обществе и недо-вольство в парламенте, особенно у либералов. Новый лидер консерваторов, выделяясь эрудицией и талантами дипломата, считал, что в Форин Оффис он может действовать совершенно самостоятельно и независимо. Внутренние дела его мало интересовали. Враждебно относясь к восточной политике России, Солсбери в отличие от большинства британских государственных деятелей редко обнаруживал предвзятость к русским, но весьма осторожно и настороженно относился к политике Германии. Популярность Солсбери среди правящей элиты объяснялась не только его принадлежностью к древнему аристократическому роду, но и тем, что он был ревностным сторонником укрепления имперского могущества Великобритании и ее главенствующего положения в Европе.

Смена внешнеполитического руководства не внесла изменений в египетский курс Англии, консерваторы с тем же усердием, что и либералы, отстаивали в Египте интересы богатых и влиятельных кругов. Солсбери решительно отверг жалобы Абдул Хамида на правительство своего предшественника. Султан продолжал искать соглашения с сент-джемским кабинетом и выразил готовность признать преимущественное влияние Англии в Египте, но желал получить возможность при-слать войска для демонстрации своей власти сюзерена.

Еще в апреле 1885 года в Стамбул в качестве полномочного и чрезвычайного посланника был направлен один из способнейших дипломатов — У. Уайт. В связи с длительным отсутствием постоянного посла Э. Торнтонна, сменившего в конце 1883 года Дафферина, Уайт фактически возглавил посольство, ему было поручено передать султану, что такая мера, как введение в Египет турецких войск, не может быть осуществлена, пока не разрешатся финансовые вопросы удовлетворительно для англичан²¹. Так финансовые трудности Египта явились новым предлогом для отказа от вывода английских войск.

Действительно, Египет находился в состоянии тяжелого финансового кризиса, который английское правительство не могло разрешить без сотрудничества с другими державами. Летом 1884 года, договорившись с Францией, оно созвало в Лондоне конференцию держав, заинтересованных в финансовых делах Египта. Проект, предложенный Гренвиллем, об упорядочении египетских финансов за счет интересов иностранных кредиторов и предоставление хедиву нового английского займа был отвергнут. Несмотря на предварительное соглашение, против английского проекта выступила Франция, поддержанная Германией и ее союзниками.

Изменение политики Германии в египетском вопросе по сравнению с периодом кризиса 1881—1882 годов объяснялось участвовавшими с 1883 года англо-германскими колониальными инцидентами вокруг Ангар-Пекена (на юго-восточном берегу Африки), в Конго, Камеруне, на островах Фиджи, в центре архипелага Самоа и других местах. В январе — феврале 1885 года противоречия между Англией и Германией

были наиболее острыми. Канцлер чинил Англии препятствия в Египте, чтобы заставить ее пойти навстречу германским колониальным устремлениям. Обоснование этой тактики нашло отражение в инструкции Бисмарка своему послу в Лондоне Г. Мюнстеру от 25 января 1885 года: «...все египетские дела имеют для нас лишь косвенный интерес, но колониальный вопрос является для нас уже из соображений внутренней политики вопросом жизни и смерти»²².

Британская дипломатия встала перед необходимостью проявить внимание к нуждам Германии, к чему ее вынуждали собственные серьезные трудности, в частности, гибель Гордона в Хартуме, русско-английский кризис из-за Афганистана. Весной 1885 года между английским и германским правительствами была достигнута договоренность по колониальным вопросам. На второй конференции по египетским финансам, открывшейся в марте 1885 года также в Лондоне, Г. Мюнстер выступил уже с проанглийской позиции. На уступки державам пошел в свою очередь кабинет Гладстона, чтобы не рисковать их сплоченностью в вопросе вывода из Египта английских войск. В основу подписанной в июне 1885 года конвенции легло французское предложение. К участию в «ликвидационном займе» Египту привлекались все заинтересованные державы, займ в 225 миллионов франков из расчета 3,5 процента годовых хедив должен был просить у всех держав. Это решение конференции возобновляло международный финансовый контроль над Египтом.

После того как была решена «загадка финансового сфинкса», Солсбери направил в Турцию чрезвычайную миссию Г. Драммонд Вольфа. Русский посол в Лондоне считал, что премьер-министр искал пути сближения с Турцией, так как Англии необходимо было выйти из состояния изоляции, в которое она попала вследствие политики либерального кабинета Гладстона²³. Драммонд Вольф писал в своих воспоминаниях, что его основной задачей после провала миссии Фехми-паши было «установить взаимопонимание с турецким правительством»²⁴. В начале августа 1885 года Драммонд Вульф прибыл в Стамбул для ведения переговоров. Главная цель Абдул Хамида состояла в том, чтобы сохранить престиж султана-халифа, для чего надо было прежде всего добиться отзыва английских войск из Египта. Последнее и составляло основную трудность в переговорах, так как фиксировать срок вывода войск из Египта Драммонд Вульф уполномочен не был. В Стамбуле он был поддержан германским, австрийским, итальянским и французским послами. «Особенно Радовиц был полезен своей информацией и советами, которые он мне давал», — свидетельствовал английский эмиссар²⁵. Но все же к реальным результатам его миссия не привела, была лишь принята идея провести анкетирование египетского населения, с тем чтобы найти средства для решения вопроса.

К моменту создания первого кабинета Солсбери внешнеполитическое положение Англии нельзя было признать хорошим, незадолго до падения либерального кабинета (28 апреля 1885 года) королева Вик-

тория, не питавшая симпатий к Гладстону, писала Гренвиллю: «Своей весьма изменчивой и ненадежной политикой господин Гладстон оттолкнул от нас все остальные страны — без сомнения не намеренно»²⁶. Солсбери также считал, что политический курс Гладстона «объединил против Англии весь континент». «В течение определенного времени, — сказал он одному английскому дипломату, — Англия останется изолированной и ее голос будет весить меньше, чем 20 лет назад»²⁷.

В Европе существовало два политических блока — Тройственный союз и Союз трех императоров, по существу изолировавшие Англию. Прочные позиции, которые она традиционно занимала в Стамбуле, были подорваны. Египет являлся непреодолимым препятствием к восстановлению дружеских отношений с Турцией, наряду с господством английского флота в Восточном Средиземноморье, не мог не оказать негативное влияние на англо-турецкие отношения и новый виток соперничества этих стран в южной, восточной и юго-восточной частях Аравийского полуострова²⁸. Большое влияние на берегах Босфора приобрели Германия и Россия, проявившие солидарность во время афганского кризиса 1885 года. Наряду со старыми противоречиями Англии с Россией и Францией начало развиваться англо-германское соперничество, в Англии все чаще стали ощущать конкуренцию немцев.

Особую опасность для интересов британских господствующих кругов на Ближнем Востоке представлял Союз трех императоров (Английская дипломатия со времен Биконсфилда называла его «северным заговором»), грозивший серьезными осложнениями английской дипломатии. Разрушить соглашение России с центральными державами стало одной из главных задач правительства Солсбери.

Таким образом, политика Англии в Османской империи в 1876—1878 годах носила явно агрессивный характер. Английское правительство тщательно подготовило программу захватов за счет Турции, в том числе и захват Кипра, намереваясь использовать его как плацдарм для дальнейшего военно-политического и экономического проникновения в Малую Азию, Сирию, Месопотамию и Египет.

Необходимо отметить, что события 1881—1882 годов имели особое значение как для Египта, так и для других африканских стран, на судьбу которых египетская экспедиция Великобритании оказала прямое или косвенное влияние.

Английская оккупация Египта была первым экспериментом новейшей политики под эгидой финансового капитала. Кроме того, захват Египта, сделавший Англию полновластным хозяином Суэцкого канала, был включен в британскую систему военных баз, обеспечивавших Англии командные позиции на Средиземном море, которая протянулась теперь от Гибралтара — через Мальту и Кипр — к дельте Нила.

Египетский кризис сыграл роль катализатора целого комплекса международных противоречий и способствовал обострению борьбы за территориальный раздел мира. Многие его последствия приобрели ха-

раक्टर долговременных факторов, которые привели к мировой войне 1914—1918 годов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Парфенов, И.Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX века. — М., 1991. — С. 71.
- ² См.: Platt, D. *Finance, Trade and Politics in British Foreign Policy. 1815—1914.* — Oxford, 1968. — P. 265.
- ³ Политика капиталистических держав и национально-освободительное движение в Юго-Восточной Азии. 1871—1917 : документы и материалы. — Ч. 2. — М., 1965—1967. — С. 85.
- ⁴ См.: Журавлева, Л.Н. Внешняя политика Бирмы и экспансия капиталистических держав в 60-х — первой половине 80-х годов XIX века. — Саратов, 1981. — С. 113.
- ⁵ См.: Ротштейн, Ф.А. Захват и закабаление Египта. — М., 1958. — С. 55.
- ⁶ См. там же. — С. 71.
- ⁷ См.: Platt, D. *Op. cit.* — P. 171.
- ⁸ См.: История Африки в XIX — начале XX века. — М., 1984. — С. 229.
- ⁹ См.: Нересов, Г.А. Дипломатическая история египетского кризиса 1881—1882 гг. — М., 1979. — С. 67.
- ¹⁰ См.: Парфенов, И.Д. Указ. соч. С. 75.
- ¹¹ См.: Петровский, Н. Египет — сын тысячелетий / Н. Петровский, В. Матвеев. — Л., 1959. — С. 227.
- ¹² Шами, А. Коммунистическая партия Египта. — М. ; Л., 1929. — С. 30.
- ¹³ Зайончковский, А.М. Подготовка России к мировой войне в международном отношении. — Л., 1926. — С. 53.
- ¹⁴ См.: Medlicott, W.N. *Bismarck, Gladstone and the Concert of Europe.* — L., 1956. — P. 5.
- ¹⁵ См.: Farnie, D.A. *East and West of Suez.* — Oxford, 1969. — P. 902.
- ¹⁶ Золотухин, М.Ю. Россия, западно-европейские державы и Османская империя в период международных кризисов на Балканах (1885—1888 гг.) — М., 1993. — С. 49.
- ¹⁷ См.: Sarkissian, A.O. *History of the Armenian Question to 1885.* — Urbana, 1938. — P. 87—110.
- ¹⁸ Письмо Нелидова Гирсу, 25 (13) февраля 1884 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. — Оп. 6. 1884 г. — Д. 26. — Л. 112.
- ¹⁹ См. там же. — Оп. 6. — Д. 26. — Л. 117—118, 165.
- ²⁰ См.: Jelaich, V.A. *The Ottoman Empire, the Great Powers and the Straits Question 1870—1887.* — Bloomington ; L., 1971. — P. 135.
- ²¹ См.: *Foundation of British Foreign Policy from Pitt (1792) to Salisbury (1902) or Documents Old and New / Ed. by H. Temperley.* — Cambridge, 1938. — P. 427.
- ²² Золотухин, М.Ю. Указ. соч. — С. 54.
- ²³ См.: *Rambling Recollection by the Right Honourable Sir Henry Drummond Wolf.* — L., 1908. — Vol. 2. — P. 286.
- ²⁴ *Ibid.* — P. 300.
- ²⁵ *Ibid.* — P. 345.
- ²⁶ *Letters of Queen Victoria 1886—1901.* — L., 1930. — Ser. 2. — Vol. 3. — P. 643.
- ²⁷ Cecil, G. *The Life of Robert Marquis of Salisbury.* — L., 1921. — Vol. 2. — P. 136, 226.
- ²⁸ См.: Бондаревский, Г.Л. Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива (конец XIX — начало XX в.). — М., 1968; Бондаревский, Г.Л. Освободительная борьба народов Йемена в конце XIX в. и позиция Великобритании // *Вопросы истории.* — 1971. — № 6. — С. 30.

И.М. Эрлихсон

**В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ЭДЕМА: «БЛИСТАЮЩИЙ МИР»
МОНАРХИЧЕСКОГО РАЦИОНАЛИЗМА МАРГАРЕТ КАВЕНДИШ
И ТОРЖЕСТВО РАЗУМА В «ГОСУДАРСТВАХ ЛУНЫ»
СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАКА**

Начало историческому мышлению и утопизму Нового времени положила культура Возрождения, которая породила активное отношение человека к своему будущему и раздвинула рамки средневековых провиденциалистских представлений о внутреннем механизме и конечной цели исторического процесса. Секуляризация общественного сознания, ломка патриархальных традиций, перестройка общественно-политического и экономического укладов, социальные потрясения, географические открытия — все это

способствовало созданию благоприятной почвы для появления и расцвета произведений утопического жанра. Труды Т. Мора, Т. Кампанеллы, Ф. Бэкона стали классическими образцами социальной утопии, которая со временем приобрела огромное многообразие форм и сюжетов. Во время Английской буржуазной революции утопия выступала под маской конституционных схем, памфлетов, философских трактатов, петиций, религиозных сочинений, проповедей, проектов¹.

Период Реставрации (1660—1689) историографическая традиция характеризует как кризисную эпоху для произведений утопического жанра. Утопии этого периода и по широте поставленных задач, и по глубине и новизне изложенных в них идей уступали трудам Т. Мора, Ф. Бэкона, Дж. Уинстенли, Дж. Гаррингтона, С. Гартлиба, но при этом удивительно точно отражали изменения в общественной жизни и атмосфере нового политического режима. Если утопии революции носили ярко выраженную радикальную направленность, то после 1660 года этот жанр стал своего рода идеологическим плацдармом для ультраправых роялистов или в крайнем случае сторонников конституционной монархии.

С началом Гражданской войны семья Лукасов встала на сторону роялистов, Маргарет вошла в свиту королевы Генриетты-Марии, а в 1644 году последовала за ней в Париж, где познакомилась с Уильямом Кавендишем, герцогом Ньюкаслем, блестяще образованным человеком, знатоком литературы и искусства и любителем лошадей. Они поженились, несмотря на разделявшие их тридцать лет и разницу в социальном статусе, и счастливо прожили почти тридцать лет. «Герцог гордился не только красотой своей избранницы, но и ее литературной деятельностью... В свою очередь она также полюбила мужа, хотя он и годился ей в отцы»².

После казни Карла I земельная собственность герцога была конфискована, а он сам вместе с молодой женой поселился в Антверпене, пока не началась Реставрация 1660 года и они смогли вернуться на родину. Во время ссылки в ноябре 1651 года Маргарет со своим деверем Чарльзом Кавендишем совершила кратковременный визит в Англию с целью получить материальную конфискацию за реквизированную собственность, но, как и следовало ожидать, ее петиция была отклонена. К периоду эмиграции относится и начало литературной деятельности Кавендиш: в 1653 году она опубликовала два сборника «Стихи и фантазии» и «Философские фантазии», в 1655 году — «Разнообразие мира», «Философские и физические мнения» и «Зарисовки природы пером воображения». Вернувшись в 1660 году в Англию, герцогиня продолжила активную писательскую и научную деятельность: из-под ее пера выходят «Молитвы» и «Пьесы» (1662), «Дружеские письма» и «Философские письма» (1662), «Замечания об экспериментальной

К числу самых интересных и неоднозначных консервативно-абсолютистских утопий относился роман Маргарет Кавендиш «Описание Нового мира, называемого Сияющим миром» (1666).

Маргарет Кавендиш, урожденная Лукас (1623—1673), была младшей из восьми детей в богатой дворянской семье из Эссекса. В 1625 году, когда Маргарет было два года, ее отец умер, и заботу о многочисленном семействе взяла на себя мать Элизабет Лукас, проявившая свойственные далеко не каждому мужчине административные способности, она всегда была для Маргарет примером максимальной независимости и самодостаточности, которые могла обрести женщина в XVII веке.

философии» и «Описание Нового мира, называемого Сияющим миром» (1666), «Жизнь Уильяма Кавендиша» (1667) и «Пьесы, ранее не печатавшиеся» (1668). Герцогиня талантливо сочетала в своем творчестве стихи и прозу, не боялась облекать свои мысли в различные литературные формы: пьесы, романы, научные трактаты, биографические описания. И, наконец, удивительная вещь в глазах современников, она печатала свои труды, не скрываясь под псевдонимом, во многом благодаря поддержке и пониманию супруга, поощрявшего ее интеллектуальные начинания и, что немаловажно, оказывавшего финансовую поддержку. «Между тем великосветское общество не разделяло восторгов герцога, и очень скоро писательницу окрестили сумасшедшей Мэгги»³. Жена У. Темпля Дороти Осборн отреагировала на публикацию первой книги Кавендиш следующим образом: «...у каждого второго обитателя Бедлама здравого смысла больше, чем у этой женщины. Не понимаю, как друзья и близкие отпустили ее за границу»⁴.

Неоднозначную реакцию публики вызывал и внешний вид герцогини, чей наряд сочетал детали женского и мужского гардероба; и свойственные ей апломб и полное равнодушие к чужому мнению, и театральность, с которой был обставлен каждый ее выход в свет. В своих произведениях она с одинаковой уверенностью рассуждала о любви, философии, физике, химии, религии, политике, всячески пытаясь подчеркнуть свою уникальность и непохожесть на других представительниц слабого пола. Действительно, Кавендиш была незаурядной и нетипичной для своей эпохи фигурой: красивая, умная, обр⁶⁵ванная, энергичная, сумевшая полностью реализовать свой творческий потенциал. Ее романы спустя триста с лишним лет вызовут у читателей только скуку, реплики ее пьес, поставленных на театральных подмостках, будут звучать напыщенно и нелепо, ее изыскания в области философии и естественных наук предстанут творчески переработанным симбиозом идей ее знаменитых современников, и вряд ли имеющим научную ценность. С позиций современной действительности герцогиня Кавендиш предстает не лишенным зачатков таланта графоманом, но для XVII столетия она была уникальна хотя бы тем, что осмелилась вторгнуться в сугубо мужские сферы деятельности и состязаться на равных с мужчинами, которые, по ее убеждению, превратили женщин в рабынь своих настроений, прихотей, слабостей и пороков. Стремление Кавендиш вырваться из плена устоявшихся стереотипов и показать, каких высот может достигнуть ничем не стесненная женская индивидуальность, в полной мере продемонстрировано в утопическом романе «Описание Нового мира, называемого Сияющим миром» (1666). Маргарет, будучи человеком до определенной степени экзальтированным, все же трезво оценивала вероятность реализации своих амбициозных устремлений в современных ей условиях, и потому обратилась к жанру утопии. Нельзя забывать, что в то время один из контекстов понятия «утопия», введенного в оборот Томасом Мором и чрезвычайно емкого по содержанию, обозначал «нечто фантастическое и заведомо нереальное»⁵.

В предисловии к «Сияющему миру» Кавендиш не без иронии восклицает: «...если я не могу быть Генрихом V или Карлом II, то почему бы мне не объявить себя Маргарет I? И, хотя у меня нет ни времени, ни возможности завоевать мир, подобно Александру Великому и Цезарю, я могу создать свой собственный мир, за что, надеюсь, меня не осудят, так как во власти каждого сделать то же самое»⁶. «Сияющий мир» — это история юной девушки, похищенной влюбленным купцом, «ниже ее по положению, и потому не смеющим рассчитывать на благосклонность», и унесенной в иной мир сильнейшим морским штормом. Ее внешний вид так резко контрастировал с обликом обитателей этого мира, представлявших собой разного рода антропоморфических существ, что ее приняли за богиню, с почетом препроводили к императору, который сделал ее своей женой и даровал ей абсолютную власть. «Ее голову украшала жемчужно-бриллиантовая диадема, в центре которой, подобно солнцу, сиял алый карбункул; мантия была расшита жемчугом, сапфирами и рубинами; в одной руке она держала сверкающий как радуга щит, в другой — меч, символизирующий ее готовность защищать своих подданных от врагов»⁷. Кавендиш снабдила свою героиню атрибутами сильной власти и создала образ королевы-воина, идейными корнями уходящий в культ Елизаветы I⁸.

Несмотря на достаточно традиционное начало (главный персонаж попадает в идеальный мир против своей воли посредством разбушевавшейся морской стихии), «Сияющий мир» не являлся утопией в классическом понимании. Разительно отличаясь от социальных утопий Т. Мора, С. Гартлиба, Дж. Уинстэнли, от утилитарно-сциентистской «Новой Атлантиды» Ф. Бэкона, роман Кавендиш скорее тяготеет к «Государствам и империям Луны» Сирано де Бержерака (1619—1655), который в эксцентричности и неординарности едва ли уступал герцогине Кавендиш.

Вопреки распространенному мнению о происхождении Сирано из гасконского дворянского рода Бержераков, его дед Савиньен де Сирано был состоятельным парижским буржуа, занимавшимся рыботорговлей. В 1571 году стал королевским секретарем, а в 1582 году приобрел поместья Мовьер и Бержерак, расположенные в предместьях Парижа. Будущий поэт был старшим из шести выживших детей Абея де Сирано. В возрасте двенадцати лет тот определил сына в Коллеж-де-Бове при Парижском университете, дисциплинарный устав которого предусматривал телесные наказания за малейшую провинность. Во многом благодаря этому Сирано вынес из стен учебного заведения не только солидный багаж знаний, но и ненависть к схоластической науке и религиозным догматам.

В восемнадцать лет Сирано завершил образование, а через два года поступил солдатом в королевскую гвардию. Получив тяжелое ранение и выйдя в отставку, он оказался предоставлен самому себе. Несмотря на постоянную нужду (отец крайне неохотно выделял сыну денежные средства), Сирано, вращаясь в кругу Франсуа Бернье⁹, Тристана Лермита¹⁰, Франсуа Пайо, таких же отчаянных и бесшабашных

вольнодумцев и волокит, как и он сам, вел достаточно бурную жизнь — карты, дуэли, вино, застольные беседы, женщины ¹¹. Познакомившись с Пьером Гассенди ¹², который читал курс лекций для молодежи, Сирано попал под влияние его идей, став его учеником и верным последователем. К 40-м годам относятся его собственные литературные опыты — комедия «Высмеянный педант» (1645) и трагедия «Смерть Агриппины» (1646), сравниваемая критиками с трагедиями Ж. Расина, но поставленная только в 1872 году; несколько сборников стихов и эпиграмм и утопические памфлеты «Государства Луны» (1648) и «Государства Солнца» (1650), которые впоследствии принесли ему настоящую славу. В 1655 году он скончался в возрасте тридцати шести лет: на смертном одре он покаялся в грехах и, как записал парижский священник Кошон, «отошел в мир иной, как и подобало доброму христианину».

Главный герой «Государств Луны» в «итоге бредней, которые сочтут признаками горячки», решил преодолеть силу земного притяжения и подняться на Луну. Для этого он обвешался склянками с росой, под воздействием солнечных лучей поднялся в воздух и после непродолжительного полета очутился в Канаде. Оттуда вследствие нелепого случая привязанный к ракете Сирано попадает на Луну, откуда ведет дальнейшее повествование о нравах и обычаях обитателей небесного светила. Бержерак был не первым писателем, переносившим действие в иные, расположенные в космосе миры. Подобные произведения были уже довольно популярны в Европе в XVII веке. В их число входили «Somnium» И. Кеплера (1634), «Человек на луне» Ф. Годвина (1638), «Рассуждение, касающееся новых миров» Дж. Уилкинса (1638). Но Бержерак первым использовал принцип экстерриториальности в качестве сатирического приема, что впоследствии не помешало поклонникам его таланта абсолютно серьезно воспринять научно-техническую составляющую «Государств Луны». Так, в 1703 году в Лондоне вышел трактат «Путь на Луну» Давида Рассена, который анализировал описанные в художественной литературе способы достичь Луны, пытаясь определить оптимальный из них. Рассен сравнивал Бержерака с Мором, а «Иной свет» называл «самой рациональной из всех существующих историй о Луне» ¹³.

И Бержерак, и Кавендиш предельно схематично изображали политическое и социальное устройство общества, полностью игнорируя его экономическую составляющую. Их утопии роднит ярко выраженный интеллектуализм и нарочитая отвлеченность от земного бытия. Бержерак менее всего обеспокоен политическими и экономическими преобразованиями, как и героиня Кавендиш ограничивает свою реформаторскую деятельность созданием отдельной конгрегации для женщин, строительством школ и основанием научных обществ. Бержерака вообще не интересовали недостатки существующей реальности, критика же Кавендиш носила абстрактно-отвлеченный характер. «...Больше правителей, чем стран; больше религий, чем богов; больше мнений, чем истин, больше законов, чем прав; больше амбиций, чем добродетелей; больше противоречий, чем знаний», — писала она ¹⁴.

Для Бержерака и для Кавендиш на первый план выходили вопросы естественнонаучного и философского характера. Так, императрица расспрашивает ученых о составе воздуха, снега, ветра, о причинах возникновения грома и молнии, о движении небесных тел, о природе человеческого восприятия, о возможности излечения апоплексии и чумы, о материальности человеческой души. Получив ответы на интересующие ее вопросы, императрица решает создать собственное религиозное учение (так называемую Каббалу) и обращается к невидимым духам с просьбой выделить ей в качестве помощника душу одного из современных знаменитых мыслителей — Декарта, Галилея, Гассенди или Гоббса. Духи отвечают, что эти, «без сомнения, оригинальные авторы слишком тщеславны, чтобы помогать женщине», и предлагают ей герцогиню Ньюкасл, «чье писательское кредо — здравый смысл и простота» и которая «с удовольствием сделает все возможное, чтобы услужить ее императорскому величеству»¹⁵. Утолив свое любопытство, императрица отпускает душу герцогини, и та, оказавшись дома, запечатлевает необыкновенную историю на страницах книги.

Введение в повествование бесплотных субстанций, свободно меняющих телесные оболочки, — прием, также заимствованный у Бержерака, у которого эти таинственные существа носили имя демонов. Его героя на протяжении повествования сопровождал некий дух, рожденный на Солнце и посланный на Землю, где, постоянно меняя телесные оболочки, он прожил несколько тысячелетий. Когда же «народ, заселяющий землю, стал до того глупым и грубым, что у него и его товарищей пропала всякая охота просвещать его»¹⁴, демон переселился на Луну.

Кавендиш, по ее собственному признанию, затруднялась сказать, в какой форме предстали перед императрицей невидимые духи, которых с демонами Бержерака роднила низкая оценка интеллектуальных возможностей человечества. «Вы смертные пребываете в досадном неведении относительно божественной истины и естественного разума, потому ваши философы смешивают в кучу эти два различных понятия», — снисходительно заявляли они. По всей вероятности, и Кавендиш, и Бержерак испытали на себе влияние герметизма, религиозно-философского учения, возникшего в эпоху эллинизма и сочетавшего элементы греческой философии, халдейской астрологии, персидской магии и египетской алхимии. Герметики видели алхимию как ключ к теургии¹⁷, ведущей к собеседованию с высшим демоном (гением) человека, коими были душа герцогини Ньюкасл и демон Сократа. Последний рассказывал о том, что он являлся ко многим знаменитым ученым и философам — Гассенди, Кардано¹⁸, Кампанелле¹⁹, которых он научил множеству чудесных вещей и открыл некоторые тайны природы, благодаря чему они прослыли гениями. Только их он признавал достойными внимания, остальных же людей относил к «уровню, ниже человеческого до такой степени, что попадаются животные, возвышающиеся над ними»²⁰.

Любопытно, что заполярный и лунный миры Кавендиш и Бержерака, по мысли авторов, являлись не чем иным, как библейским Эде-

мом (столица Сияющего мира носила название Парадиз). Оттуда были изгнаны Адам и Ева, поддавшиеся змею-искусителю, который поселился в людях и, по торжественно-серьезному уверению Кавендиш, «и по сей день склоняет их к дурным поступкам, обрекая на вечное проклятие»²¹. Бержерак же более ироничен, помещая змея не в душу человека, а в его тело: «...всякое существо в наказание за прародительский грех таит и питает во чреве своем змия <...> Вы его называете кишками и воображаете, будто они нужны для жизненных отправлений, так знайте же, что это не что иное, как свернувшийся клубком змий, делающий беспрестанные попытки выйти из мужского тела и вводящий свой яд в женщин»²². За богохульство герой Бержерака разделил судьбу Адама и, будучи выдворенным из Эдема пророком Илией, оказался в стране четвероногих разумных существ, которые, приняв его за обезьяну, заставили «гримасничать, кувыркаться, паясничать», чтобы развлечь публику.

И Кавендиш, и Бержерак отличались богатой фантазией. Так, герцогиня с упоением описывает антропоморфных жителей сияющего мира, волшебные города из мрамора, кораллов и агатов, великолепные наряды своей героини. У Бержерака пафос, свойственный произведениям утопического жанра, уступает место издевательской сатире, переворачивающей привычные понятия буквально с ног на голову. Обитатели Луны передвигаются на четвереньках, утоляют голод запахами еды, расплачиваются стихами, не верят в Бога, а подстреленные ими жаворонки падают к ногам ошипанными и поджаренными. Отцы там подчиняются детям, так как «молодой человек более способен руководить семьей, чем выживший из ума старикашка, ум которого заморожен холодом шестидесяти зим»²³.

Для Бержерака идеальное общество — это, прежде всего, духовно и интеллектуально свободное общество, в котором «люди любят правду, где нет педантов, а авторитет ученого ценится не выше, чем мнение простого молотобойца, если он рассуждает здраво»²⁴. Кавендиш же занимает гораздо более жесткую позицию. Безусловно, ей близка идея об организации общественного устройства на рациональных началах, и она отстаивает эту идею, пытаясь воздействовать не столько на разум, сколько на эмоции и воображение читателей. Но эти рациональные начала, по мнению Кавендиш, присущи только абсолютной монархии. По сути, идеал Кавендиш, представительницы высших аристократических кругов, сводится к иерархически структурированному обществу, функционирование которого находится под тотальным контролем единоличного правителя. «...Как для человеческого тела естественно иметь одну голову, так для политического образования естественно иметь одного правителя; государство же, которым управляют многие, подобно многоголовому чудовищу. К тому же, монархия наиболее соответствует характеру нашей религии: с той же покорностью, с какой мы поклоняемся одному Богу, мы должны подчиняться одному императору»²⁵. Каждый член общества занимает раз и навсегда отведенное ему место на общественной лестнице и пользуется со-

ответствующими привилегиями: «...бриллианты разрешено носить императору, императрице и их старшему сыну; золотые украшения — только высшей знати, в жилах которых течет королевская кровь, а подавляющая масса — это простонародье самых разнообразных форм и расцветок»²⁶. В круг полномочий императрицы входит определение круга занятий ученых в зависимости от характера их способностей и физиологических особенностей: «...люди-медведи стали ее философами, люди-птицы — астрономами, люди-попугаи — ораторами, люди-рыбы — естествоиспытателями, люди-обезьяны — химиками»²⁷. Примечательно и то, что, согласно одному из требований императрицы, «научные диспуты не должны выходить за рамки научных обществ, дыбы не подорвать основы правительства и государства»²⁸, то есть свобода мысли в определенной степени находится под неусыпным государственным контролем. Когда, несмотря ни на что, конфликты приводят к угрозе восстания, душа герцогини советует императрице распустить все общества, так как «предпочтительнее обойтись без их знаний, чем расшатать основы правительства»²⁹.

Таким образом, если отбросить занимающие львиную долю «Сияющего мира» философско-научные рассуждения, идеальная модель государственного устройства предстанет в виде мощного унитарного государства: «...один правитель, одна религия, один закон, один язык... весь мир как одна большая семья, как Бог, его благословенные святые и ангелы». То есть, несмотря на то, что «Кавендиш прекрасно осознавала, что все формы государственного устройства являются тиранией мужчины над женщиной, она, представительница своего класса, яростно защищала монархию и социальную иерархию»³⁰. Исследователи биографии и творчества Кавендиш справедливо отмечали, что «безмерный эгоизм и самовлюбленность, присущие герцогине, невольно привели к зарождению примитивного феминистического чувства»³¹. Но в «Сияющем мире» она выступила как идеолог консервативно-патриархального торизма, пытавшегося доказать возможность создания жизнеспособного социума с монархической формой правления, основанного на принципах рационализма.

Как и у авторов других абсолютистских утопий, представления Кавендиш о происхождении и прерогативах института абсолютной монархии и приводимые в их пользу аргументы оставались на идейном уровне, заложенном Робертом Фильмером несколько десятилетий назад. Урожденная аристократка, понесшая как материальный, так и моральный ущерб от Английской революции, она словно пыталась взять идеологический реванш за личную трагедию 1649 года и свою абсолютистскую модель предлагала не для какого-нибудь абстрактного государства, а именно для Англии, вводя в повествование действующие исторические персонажи и упоминая конкретные исторические события. В этом плане показателен эпизод, в котором души императрицы и герцогини совершают путешествие в Англию, помогают королю одержать победу в войне с Голландией и превращают Англию в «абсолютную монархию всего мира»³².

Наряду с определенным сходством между «Сияющим миром» и «Государствами Луны», эти два произведения содержали и глубокие различия. Кавендиш, создавая свое произведение, могла опираться на труды и опыт своих многочисленных предшественников, так как во второй половине XVII века английская утопия уже насчитывала долгую историю и могла похвастаться устоявшимися традициями. Франция же не знала такого богатства утопических воззрений, утопия обрела популярность только в XVIII—XIX веках в творчестве Г. Мабли³³, Морелли³⁴, Ш. Фурье³⁵. Первая же классическая французская утопия, упоминаемая историками, «История королевства Антагиль», была написана анонимным автором в 1616 году, так что, по сути, Бержерак пробовал себя в абсолютно новом, неисследованном жанре. В том числе и поэтому ориентированность на научно-философскую проблематику и абстрагирование от земного бытия у него представлены более выпукло, более утрированно, чем у Кавендиш, принимая порой форму пародии. «Элементы пародирования утопий в «Ином свете», конечно, налицо, но ошибется тот, кто за насмешкой, за желчью, не увидит весьма глубоких мыслей»³⁶. Виртуозный дуэлянт, владевший орудием сатиры не хуже, чем шпагой, а потому ничто не избежало его ядовитой насмешки, он не пощадил ни геоцентрическую систему Птолемея, ни религиозные догматы, ни Ветхий Завет, ни мистическую веру в чудеса, ни пантеистические представления об одухотворенности природы. Неслучайно по остроте сатиры Бержерака нередко ставят в один ряд с Франсуа Рабле и Джонатаном Свифтом. Но если Кавендиш довольно четко обозначала авторскую позицию относительно той или иной проблемы, то за изощренно-философскими построениями, за нагромождениями нарочито абсурдных утверждений и убийственных острот в «Ином свете» порой не видно фигуры самого Бержерака.

Еще меньше, чем герцогиню Ньюкасл, Бержерака интересовали проблемы государственного и общественного устройства: он мимоходом упоминает, что на Луне правит король, а население делится на знать и простолюдинов. «Сердце Сирано принадлежит другой утопии — утопии интеллектуальной неограниченности. Вечная весна, цветы, ручьи, соловьи, изобилие всяческих благ есть только декорации, на фоне которых выступает главное завоевание лунян, — *свобода мысли и торжество разума*»³⁷. Для Бержерака разум в лучших традициях Возрождения — это мера всех вещей, это то, что ставит человека над всеми остальными населяющими планету существами. Но, к сожалению, в большинстве случаев люди, опутанные фальшивыми истинами и «несносной человеческой гордыней», не внимают голосу разума и пребывают в достойном сожаления невежестве. Даже свободомыслящие обитатели Луны не смогли окончательно избавиться от этого недостатка. Так, наблюдая за мучениями главного героя, выставленного на потеху публике, демон Сократа глубокомысленно замечает, что «здесь, как и у вас, есть пошлая толпа, которой несносна мысль, что существует нечто на нее не похожее»³⁸. Мир Кавендиш безупречен, это социум рациональной гармонии Нового времени, а в утопию Бержерака закрады-

вается нотка сомнения относительно возможности создания идеального социума в любой произвольно взятой точке бесконечной Вселенной.

Творения Кавендиш и Бержерака нельзя назвать утопиями в классическом понимании: «Сияющий мир» был, скорее, философским эссе с элементами утопического, а «Государства Луны» — утопической сатирой. Но, тем не менее, оба произведения, продемонстрировав богатство потенциала, присущего социальной утопии, явились образцами направлений, в которых мог эволюционировать этот уникальный литературный жанр.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Барг, М.А. Социальная утопия в Англии середины XVII века // Европа в новое и новейшее время. — М., 1966. — С. 80.
- ² Лабутина, Т.Л. Воспитание и образование англичанки в XVII веке. — СПб., 2001. — С. 96.
- ³ Там же. — С. 98.
- ⁴ Цит. по: Lilley, K. Introduction // Cavendish M. The blazing world and other writings. — L., 2004. — P. XIII.
- ⁵ Осинковский, И.Н. Утопия Томаса Мора в Англии XVII века // История социалистических учений. — М., 1985. — С. 169.
- ⁶ Cavendish, M. The description of new world called the blazing world // The blazing world and other writings. — L., 2004. — P. 124.
- ⁷ Ibid. — P. 133.
- ⁸ О культуре Елизаветы см.: Yates, F. Astrae: the imperial theme in the 16th century. — L., 1975; Strong, R. The cult of Elizabeth: Elizabethan portraiture and pageantry. — L., 1977.
- ⁹ Франсуа Бернье (?-1668) — доктор, путешественник, пропагандист учения П. Гассенди.
- ¹⁰ Тристан Лермит или Тристан Отшельник (1601—1655) — французский придворный поэт, драматург, романист, с 1649 года — член Французской академии.
- ¹¹ Франсу Пайо (1628—1704) — французский поэт, автор эпиграмм.
- ¹² Гассенди Пьер (1592—1655) — французский математик, философ-материалист, астроном.
- ¹³ Russen, D. Iter Lunare. — L., 1703. — P. 4.
- ¹⁴ Cavendish, M. Op. cit. — P. 201.
- ¹⁵ Ibid. — P. 181.
- ¹⁶ Бержерак, С. Иной свет, или Государства и империи Луны // Утопический роман XVI—XVII веков. — М., 1971. — С. 249.
- ¹⁷ Теургия — одна из дисциплин герметизма, божественная магия, черпающая силу из союза с божественными демонами (ангелы, архангелы).
- ¹⁸ Кардано Джероламо (1501—1576) — итальянский математик, философ, врач, изобретатель подвеса — прообраза карданного механизма.
- ¹⁹ Кампанелла Томазо (1568—1639) — итальянский поэт, философ, политический деятель, автор утопии «Город Солнца».
- ²⁰ Бержерак, С. Указ. соч. — С. 251.
- ²¹ Cavendish, M. Op. cit. — P. 171.
- ²² Бержерак, С. Указ. соч. — С. 244.
- ²³ Там же. — С. 275.
- ²⁴ Там же. — С. 251.
- ²⁵ Там же. — С. 134.
- ²⁶ Там же. — С.135.
- ²⁷ Там же. — С. 134.
- ²⁸ Там же. — С. 142.

- ²⁹ Там же. — С. 202.
³⁰ Sarasohn, L. A science turned up down: feminism and the natural philosophy of Margaret Cavendish // Huntington library quarterly. — 1984. — № 47. — P. 293.
³¹ Todd, J. The sigh of Angelica: women, writing and fiction, 1660—1800. — N.Y., 1989. — P. 65.
³² Cavendish, M. Op. cit. — P. 214.
³³ Мабли Габриэль (1709—1785) — французский коммунист-утопист.
³⁴ Морелли — представитель французского утопического коммунизма XVIII века. Основное произведение «Кодекс природы, или Истинный дух ее законов» (1785).
³⁵ Фурье Шарль (1772—1837) — французский утопический социалист.
³⁶ Воробьев, Л. Утопия и действительность // Утопический роман XVI—XVII веков. — М., 1971. — С. 29.
³⁷ Там же. — С. 30.
³⁸ Бержерак, С. Указ. соч. — С. 249.

II. НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ДИССЕРТАНТЫ

И.В. Сизова

ПРОШЛОЕ В НАСТОЯЩЕМ: ГАЗЕТА НАЧАЛА XX ВЕКА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Из ряда других исторических источников газета выделяется своей относительной доступностью. Подшивки газет начала прошлого века хранятся как в фондах Государственного архива Рязанской области, так

и в областной библиотеке имени Горького, в библиотеке Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника. Школьники могут прийти в библиотеку и работать с ними, изучая по имеющимся публикациям не только

событийный ряд того времени, но и факты биографии различных известных в губернии людей, статистику, постановления властных структур, данные об уровне развития промышленности и сельского хозяйства.

Рассмотрим для примера единственную официальную газету Рязанской губернии того времени — «Рязанские губернские ведомости», которая выходила с 1838 по 1918 год и имела официальную и неофициальную части. Все решения и постановления губернатора, местной власти должны были обязательно публиковаться в официальной части «Рязанских губернских ведомостей», что позволяет не сомневаться в их идентичности. Внимательно изучив содержательную часть этих публикаций, можно составить представление об официальной точке зрения на происходившие в стране и губернии события будь то Русско-японская война или буржуазно-демократическая революция 1905—1907 годов, выборы в Государственную Думу или рост протестных настроений в городе и в деревне. Учащиеся школ смогут убедиться в том, как осуществлялись на практике указы императора и решения государственной власти, как трансформировались они на местах в постановления и распоряжения губернатора и местных чиновников. Как проходили на практике выборы в Государственную Думу, кто осуществлял представительство от фабрично-заводских рабочих, крестьянства и дворянства, других сословий тогдашнего российского общества. Все это можно выяснить из публикаций в газете. И не только это. Так, например, в № 8 за 1906 год опубликован общий список фабрично-заводских, горнопромышленных предприятий и железнодорожных мастерских Рязанской губернии, в которых проводились выборы уполномоченных от рабочих на основании статьи 5 Высочайшего указа от 11 декабря 1905 года о выборах в Государственную Думу¹. Из представленного списка с указанием наименований предприятий и общего количества рабочих на них видно, насколько мало развита была в те годы промышленность на территории губернии, на имевшихся предприятиях количество работающих часто не достигало и 100 человек. Наиболее многочисленными были горнопромышленные предприятия в Скопинском уезде, где количество рабочих составляло 1000 человек. В связи с этим интересным может оказаться тот факт, что через 100 лет, уже в наше время, добыча угля в этом бассейне практически свелась к нулю. Утрачены к сегодняшнему дню и такие промыслы на территории области, как переработка льна, металлургическое производство. Производство же стекла неожиданно нашло свое продолжение в новом качестве, на вновь открытой на территории региона сырьевой базе. В начале прошлого века на территории Рязанской губернии находилось несколько стекольных фабрик, принадлежавших Ю.С. Нечаеву.

Статистические данные, регулярно публикуемые в газете, несомненно, вызовут интерес пытливого исследователя. Так, в № 32 газеты от 7 мая 1908 года публикуется отчет Рязанского губернского статистического комитета за 1907 год². Из него следует, что всего на терри-

тории губернии проживало 3 461 204 человека, из них всего 137 855 — в городах и 2 266 308 — в деревнях. Наиболее плотно заселены были Скопинский, Михайловский, Раненбургский, Зарайский, Пронский и Рязанский уезды, менее заселенными Спасский и Касимовский уезды. Несомненный интерес представляют сведения, касающиеся демографической ситуации в губернии. Брачных союзов в 1907 году заключено 19 309 (на 3441 меньше, чем в предыдущем году). Число родившихся составило 111 011 (на 4488 больше, чем в 1906 году), 604 ребенка рождены вне брака. Мальчиков родилось 56 729, девочек — 54 282. Число умерших — 67 181. Таким образом, естественный прирост населения составил 43 830 человек, то есть на 5110 больше, чем в 1906 году. Подобные отчеты публиковались в газете ежегодно, что позволяет провести довольно репрезентативное исследование вопроса за протяженный период времени.

Если говорить об общественных настроениях в губернии того периода и отражении их в средствах массовой информации, то довольно пристального внимания заслуживает публикация в № 8 от 28 января 1906 года приказа командира 69 пехотного Рязанского имени фельдмаршала князя Голицына полка — полковника Дубровина³. Интересны мотивы появления этого приказа в неофициальной части газеты. В декабре 1905 года в газете «Русское слово», выходившей в столице, появилась информация о том, что нижние чины Рязанского полка устроили демонстрацию с красными флагами в городе Вильно, где квартировался полк. Информация была дана со ссылкой на газеты, выходившие в Польше. После этого командиру Рязанского пехотного полка было направлено письмо из Рязани, подписанное просто: «рязанцы». В нем от имени жителей Рязанской губернии выражалось «презрение тем нижним чинам, которые забыли присягу, Царскую волю и Отчество». Приказ полковника Дубровина был ответом на письмо рязанцев. В нем он опровергает информацию в газете «Русское слово» и предшествующую ей публикацию в газете «Варшавский курьер». Полковник сообщает, что Рязанский полк не участвовал в демонстрации, остался верен присяге: «Землякам рязанским пишу, чтобы они за честь полка не беспокоились». Приказ был прочитан во всех ротах и командах полка и направлен для опубликования в рязанскую газету.

Публикация хорошо отражает официальную точку зрения на проходившие в стране революционные события, господствовавшее общественное мнение, сложившееся в российской провинции по их поводу и роль прессы в его формировании.

Газета, несмотря на свой официальный характер, позволяет представить объективную картину жизни в губернии, если уметь между строк читать то, что, возможно, в тексте и не находит отражения. Если губернатор через газету обращается к крестьянам Рязанской губернии в связи с выделением ржи на обсеменение в 1905 году по случаю неурожая, из этого можно сделать вывод, по крайней мере, о том, что неурожай был такого характера, что потребовалась помощь крестьянам со стороны государства⁴. В феврале 1907 года крестьянам выделяется

хлеб на прокормление, о чем сообщает в газете губернатор Левашов. Но выделяется он тем семьям, «у которых не собрано никакого урожая и нет никаких заработков, чтобы добыть насущный кусок хлеба». При этом хлеб выдается взаимобразно и будет обязательно взыскан с них с будущего урожая, что долги не будут взыскиваться на принципах круговой поруки. «Круговая порука отменена совсем», — подчеркивает губернатор и далее дополняет: «Многие просят ссуду в расчете, что долги будут прощены. И это большое заблуждение. Надо помнить, что мука вся потрачена на войну, на презрение семей нижних чинов, призванных в армию».

Целый комплекс общественных проблем и настроений того времени обнаруживает публикация обращения к крестьянам вполне официального лица. Война и голод, связанный с неурожаем. Поощряемый властью распад сельской общины и общинных настроений крестьянства. Система социальной государственной помощи деревне, втягивающая крестьян в неоплатные долги перед государством. Если же наряду с анализом этой публикации проследить за другими, в которых население уведомляется о наказаниях за разорение помещичьих усадеб, за покушение на личное имущество граждан, за распространение ложных и антигосударственных сведений в печати, то складывается довольно мрачная картина депрессивных, с одной стороны, и протестных — с другой, настроений в обществе в период реформации российской жизни в первом десятилетии прошлого века.

Понятно, что дети не всегда умеют работать с газетным материалом, обобщать его, делать выводы на основании прочитанного. Но не плохо было бы учить их этому, оживляя тем самым их интерес к истории не только своей страны, но и своего региона, который является органичной частью России и вместе с нею переживал бурную историю XX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Рязанские губернские ведомости. — 1906. — 28 янв.

² См. там же — 1908. — 7 мая.

³ См. там же — 1908. — 28 янв.

⁴ См. там же — 1907. — 1 февр.

Л.М. Муравьева

**ТРУДОВАЯ ИММИГРАЦИЯ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СТРАНЫ
(1980-е — 2008 год)**

Понимание многих общественных явлений современности невозможно без изучения исторически сложившихся связей и отношений, без осознания исторических предпосылок тех или иных социальных реалий. В конце XX — начале XXI века мы, граждане России, стали свидетелями судьбоносных событий отечественной истории: гибели сильного и могущественного государства СССР, суверенизации и отделения его территорий, становления современной России. На этом этапе мы можем наблюдать стремительное развитие рыночных отношений в Российской

Федерации, вовлечение страны в процессы глобализации, интеграцию государства в мировое сообщество.

Одним из ярких проявлений процессов глобализации в современном обществе стала международная миграция рабочей силы. Россия в этих процессах является крупным принимающим центром. Согласно официальным источникам Федеральной миграционной службы России, привлечение иностранных работников в экономику России на законных основаниях возросло со 129 тысяч человек в 1994 году до 1500 тысяч в 2006 году¹.

Россия стала одной из наиболее миграционно-аттрактивных стран, заняв, согласно переписи 2002 года, третье место в мире по притяжению иммигрантов после Германии и США. С 1989 по 2002 год в Россию прибыло 11 миллионов человек².

Толчком миграционных процессов, стимулировавшим переезд людей в Россию, безусловно, стал распад СССР. Однако массовые миграционные процессы на его территории начались задолго до распада государства.

Необходимо отметить, что в период Советского государства страна была практически выключена из глобальных миграционных процессов. Численность иммигрантов в Советском Союзе ручных, тяжелых работах³. Масштабы привлечения иностранной рабочей силы обуславливались экстенсивным характером советской экономики, необходимостью привлечения дополнительных трудовых ресурсов, преимущественно неквалифицированных. Рабочая сила привлекалась также для реализации совместных программ Совета экономической взаимопомощи.

В СССР были широко распространены внутренние миграции, основными факторами которых являлись урбанизация и дифференциация регионального развития. В этот период стали формироваться исследовательские школы и направления по изучению подвижности населения.

На начальном этапе строительства Советского государства в миграционных процессах преобладали центробежные силы. Граждане РСФСР уезжали на великие стройки социализма в другие республики СССР. Приток мигрантов (в основном русских) из союзных республик в Россию с целью трудоустройства начался во второй половине XX столетия: из республик Закавказья в 1960-е годы, из центральноазиатских республик в конце 1960-х — 1970-е годы. В Казахстане впервые отрицательное сальдо миграции зафиксировано в 1968 году, в Киргизстане — в 1970 году, в Таджикистане — в 1975 году, а в Узбекистане — в 1976 году. Ежегодная миграционная убыль населения до 1989 года в среднем в Азербайджане доходила до 20 тысяч человек, в Армении — до 25 тысяч, в Грузии — до 10 тысяч, в Таджикистане — примерно 8 тысяч, в Киргизстане — 16 тысяч, в Узбекистане — 22 тысячи, а среднегодовые миграционные потери Казахстана колебались от 45 до 80 тысяч человек. Отрицательное сальдо миграции практически полно-

всегда была немногочисленной, не сопоставимой ни с одной промышленно развитой страной. Численность трудовых иммигрантов в Советском Союзе в 1986—1988 годах доходила до 200 тысяч человек, основную массу которых составляли вьетнамцы, китайцы и болгары. Вьетнамские рабочие работали на предприятиях легкой промышленности, болгары на строительстве газо- и нефтепроводов. Китайские рабочие были заняты в труднедостаточных районах России, Казахстана и Украины: 40 процентов из них работали в строительстве, 8 процентов — на лесозаготовках, 15 процентов — в сельском хозяйстве, то есть на-

стью обеспечивалось за счет оттока некоренных этнических групп. Это возвращение не носило вынужденного характера. Более благоприятная ситуация на рынках труда России являлась привлекающим фактором миграции, обеспечивала позитивную мотивацию переезда. Перепись населения зафиксировала, что в 1979 году в РСФСР прибыло 5,5 миллиона переселенцев⁴.

Всплеск вынужденной миграции приходится на конец 1980-х годов, когда советские республики стали одна за другой провозглашать суверенитет. Большинство нетитульного населения устремилось в Россию, воспринимая ее в качестве «общего дома». В этот период РСФСР больше других советских республик приняла иммигрантов. Данные переписи населения, проведенной в 1989 году, свидетельствуют, что число прибывших в Россию в этом году составило 4,5 миллиона человек, причем большинство иммигрантов составило русское население⁵.

На этом этапе численность вынужденных переселенцев, зарегистрированных Государственным комитетом по труду и Министерством внутренних дел России достигла 117 тысяч человек в первой половине 1990 года, 220 тысяч — на 1 января 1991 года и более 300 тысяч на конец 1991 года. Наибольшие показатели вынужденной миграции в Россию отмечены из районов, охваченных вооруженными межнациональными конфликтами или находящимися в предконфликтном состоянии. В частности, на первом месте по количеству вынужденных мигрантов стоял Кавказский регион, где их количество в 1992 году составляло 79 571 человек. Такие высокие показатели обусловлены конфликтами в Азербайджане, Грузии, Чечне. На втором месте — Центральная Азия (69 929 беженцев и вынужденных переселенцев) как результат межнациональных конфликтов в Узбекистане, Таджикистане, Киргизии. Молдавия занимала третье место, где из-за ситуации в Приднестровье вынуждены были уехать 10 341 человек⁶.

После распада СССР миграционные потоки приняли еще более массовый характер; природа и направление миграций в России и странах СНГ претерпели значительные трансформации. Страны бывшего советского пространства включились в систему общемировых миграционных процессов. Распад СССР, экономический кризис при переходе к рыночной экономике, построение новых независимых стран на национальной основе, падение железного занавеса привели к новым миграционным потокам. В этот период миграции на постсоветском пространстве приобрели вынужденный характер и этническую составляющую.

С прекращением существования Советского государства политика новых независимых государств радикально изменилась, ее стержнем стала суверенизация всех сторон жизни, дезинтеграция и размежевание с Россией. Происходил разрыв складывавшихся в течение десятилетий производственных связей предприятий, отраслей, регионов. Утверждение этнократии в высших властных органах новых государств, стремление их руководителей создать моноэтнические государства привело к крупномасштабным миграционным потокам.

Официальная политика в этих странах одобряла изгнание других наций (в первую очередь русских) и этнических групп. Люди уезжали из стран с относительно стабильной внутренней ситуацией (Латвия, Эстония, Казахстан, Киргизия, Узбекистан), причем уезжало не только русскоязычное население, составлявшее большинство иммигрантов в Россию, но и коренное местное население стран нового зарубежья. Так, Президент РФ В.В. Путин в своем обращении к Федеральному Собранию 16 мая 2003 года констатировал, что за последние 10 лет в Россию переехало около 7 миллионов человек, в основном из стран СНГ. Большинство из них — добровольные мигранты, которые убыли в Россию в предупредительном порядке, не дожидаясь пока к ним будут применены насильственные действия и преследования по признакам национальности, религии, языка. В результате оказались разорваны миллионы человеческих связей. У многих россиян и граждан стран СНГ сформировался комплекс «разделенной нации».

На протяжении 1990-х годов количество прибывавших в Россию было неодинаковым. Пик приходится на 1993 год. Поставщиками вынужденных мигрантов по-прежнему оставались Кавказ и Центральная Азия, где выталкивающим фактором стали вооруженные конфликты в Грузии, Азербайджане, Таджикистане, а также предвоенная обстановка в Чечне. Следующий пик иммиграции в Россию зафиксирован в 1995 году. Он пришелся не на воюющие регионы, а на относительно спокойный Казахстан. Затем миграция в Россию приобрела тенденцию затухающей волны: с 810 тысяч человек в 1994 году она сократилась до 154,6 тысячи в 1999 году, что было обусловлено несколькими причинами:

1. Финансовый кризис 1998 года сузил предложение вакансий на российском рынке труда и уменьшил размеры заработков.

2. Отсутствие соответствующей миграционной политики в Российской Федерации, направленной на поощрение трудовой иммиграции в условиях катастрофического ухудшения демографической ситуации в стране.

3. Уменьшение потока русскоязычного населения из стран СНГ, где ситуация стабилизировалась и стала проводиться более взвешенная политика в отношении русскоязычных граждан. Русская эмиграция серьезно затруднила функционирование многих производств, особенно в республиках Средней Азии и Казахстана. Она коснулась и стран Балтии, где русскоязычные специалисты составляли основу как инженерного, так и управленческого персонала в таких производствах, как атомная энергетика, электроника, машиностроение, портовое хозяйство, строительство и др. В Киргизии, Таджикистане и Казахстане из-за отъезда русскоязычных специалистов прекратили работу многие промышленные производства, особенно в горном деле и машиностроении. В условиях закрытия предприятий в Узбекистане стали проводить особую миграционную политику, затрудняющую отъезд русских инженерных кадров из республики⁷.

Потоки вынужденной миграции в Россию и репатриация ослабли в 90-х годах XX века, их сменила в это время трудовая миграция. Тенденция современных миграционных процессов характеризуется желанием людей выехать из своего государства в поисках лучшего трудоустройства и в целом лучшего экономического и социального состояния. Надо отметить, что процесс миграции в странах практически всегда идет по одной схеме: вначале в принимающую страну прибывают беженцы и вынужденные переселенцы, а затем трудовые мигранты. Характерно, что если потоки вынужденных мигрантов всегда относительно кратковременны, то потоки трудовых мигрантов могут быть стабильны и даже расти десятилетиями. Этому способствует открытый характер экономики и более высокий уровень жизни в принимающей стране.

В последнее время российская экономика развивается динамично, что объясняется социально-экономической стабильностью в стране, емким рынком труда и высоким уровнем заработной платы на фоне снижения уровня жизни, свертывания производства, роста безработицы во многих странах СНГ. В России появляются новые рабочие места, создаются условия для работы и проживания иностранных рабочих. Страна заинтересована в трудовых мигрантах не меньше, чем они в ней. В 1990-е годы Российская Федерация вошла в период масштабного сокращения населения, причем депопуляция затронула людей трудоспособного возраста. Темпы естественной убыли населения приобрели настолько стремительный характер, что труд может стать одним из самых дефицитных ресурсов в стране. Учитывая неблагоприятную демографическую ситуацию, руководство Российской Федерации переориентировало свою миграционную политику. Если в первой половине — конце 1990-х годов миграционная политика акцентировалась на вынужденной миграции, в конце 1990-х — начале 2000-х — на миграционном контроле и ограничении въезда в страну, то в настоящее время ее приоритетом стала иммиграция. В Программе социально-экономического развития Российской Федерации на 2002—2004 годы подчеркивается необходимость привлечения иммигрантов в страну для обеспечения трудовыми ресурсами экономики страны и ее регионов. Был разработан ряд мер, которые, с одной стороны, содействовали возвращению в Россию бывших граждан СССР (Указ Президента РФ № 637 от 22 июня 2006 года «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом»), с другой стороны — привлечению в страну временных трудовых мигрантов. На международном уровне в целях экономической интеграции и развития рынка трудовых ресурсов в 1990-х годах между Россией и рядом стран СНГ были заключены соглашения, регулирующие трудовую деятельность граждан. В частности, в 1993 году Россия подписала такие соглашения с Республикой Беларусь, Украиной, Молдовой, в 1994 году — с Арменией, в 1996 году — с Киргизией, в 1999 году — с Литвой, в 2004 году — с Таджикистаном.

Принятые меры повлияли на увеличение миграционного прироста в России. Поток трудовых мигрантов в стране растет с каждым годом: в 2003 году Федеральной миграционной службой было зарегистрировано около 380 тысяч человек, в 2004 году — 460 тысяч, в 2005 году — более 700 тысяч, в 2006 году — более 1150 тысяч человек. (В 2007 году в Рязанской области количество зарегистрированных иностранных работников возросло на 370 процентов по сравнению с 2006 годом и составило 5916 человек.) В целях регулирования иммиграционного потока были разработаны меры селективной миграционной политики (по отдельным странам, профессиям, квалификационным признакам) с учетом необходимых пропорций привлечения. Приоритет отдается гражданам стран СНГ, так как они в своем большинстве знают русский язык и им проще интегрироваться в российский социум. Однако при трудоустройстве приоритетное право остается за местным населением, некоторыми видами трудовой деятельности иностранцам вообще запрещено заниматься. Так, с 2007 года иностранные рабочие не имеют права осуществлять деятельность в сфере розничной торговли.

Потребность в привлечении иностранных работников ежегодно определяет Правительство России вместе с исполнительными органами субъектов. Они утверждают квоты на выдачу разрешений на работу иностранным гражданам. В 2007 году квота была определена в размере 6 миллионов таких разрешений, а в 2008 году — в три раза меньше. Это обусловлено тем, что большинство приезжих стремятся в столицы, где заработки выше, однако Москва и Петербург не готовы принять всех желающих, поэтому квота для столицы сокращена в шесть раз. В Рязанской области квота на привлечение иностранной рабочей силы в 2008 году утверждена в количестве 32 тысяч человек. К концу мая уже 8 тысяч человек подали заявление об оформлении на работу⁸.

В целом в ближайшее десятилетие аналитики предвидят сохранение тенденции увеличения трудовых мигрантов в Россию при постепенном ее снижении в последующие годы, так как потенциал трудовых резервов в странах СНГ будет исчерпан. Будем надеяться, что в таких условиях Россия сама сможет решить свои демографические и экономические проблемы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Методология и методы изучения миграционных потоков. Междисциплинарное учебное пособие / под ред. Ж. Зайончковской; Центр миграционных исследований. — М., 2007. — С. 107.

² См. там же. — С. 117.

³ См.: Пузакова, Е.П. Мировая экономика. — Ростов н/Д: Феникс, 2001. — С. 433.

⁴ См.: Демографический ежегодник. 1990 / Госкомстат СССР. — М.: Финансы и статистика, 1990. — С. 509.

⁵ См. там же. — С. 580.

⁶ См.: Бажанов, Г.В. Динамика развития вынужденных миграций накануне и после распада СССР // Вестник СевКавГТУ. Сер. Гуманитарные науки. — 2004. — № 1/11.

⁷ См.: Тощенко, Ж.Т. Этнократия: История и современность. Социологические очерки. — М.: Российская энциклопедия, 2003. — С. 260.

⁸ См.: Панорама города. — 2008. — № 24/628. — С.3.

• РЯЗАНСКИЙ ИСТОРИК • 2008 • № 7 •

Н.В. Мохноногова

**ЗНАЧЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ АСПЕКТОВ
В ИЗУЧЕНИИ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ
В НЭПОВСКИЙ ПЕРИОД
(по материалам развития металлургии
Нижегородско-Владимирского региона)**

Изучение индустриального наследия на сегодняшний день является одной из наиболее актуальных задач исторической науки. Становление в начале 1920-х годов рыночной системы, череда кризисных явлений, оживление товарно-денежных отношений в их различных проявлениях во многом перекликаются с функционированием современной рыночной экономики, ее проблемами,

сбоями и потрясениями. Переход к капиталистическим формам хозяйствования существенно повышает значение опыта хозяйственного расчета и многообразия форм собственности металлоиндустрии 1920-х годов, что само по себе уже определяет научное значение экономического опыта, нарабатанного в период нэпа. Россия, осуществив переход на рыноч-

ные рельсы, пытается органично влиться в мировое хозяйство. Анализ экономических процессов периода нэпа, выявление противоречий и особенностей развития тяжелой индустрии позволяют акцентировать внимание на позитивные и негативные факторы, влияющие на результативность этой политики, то есть извлечь необходимый опыт. Неоднократные сравнения перестройки с периодом перехода от военного коммунизма к новой экономической политике вполне закономерны, так как общее содержание современного периода истории с 90-х годов прошлого века заключается в переходе от командно-бюрократической системы к рынку. При всех глубоких различиях между нынешней ситуацией и той, которая существовала более 80 лет назад, сохранились некоторые общие проблемы развития металлами и учеными 1920-х годов. Страна первой в мире оказалась в ситуации, которая открывала дорогу смешанной государственно-рыночной системе. Очевидно, что без тщательного рассмотрения отдельных сторон и составных частей такого разнопланового явления, как нэп, в частности углубленного анализа этой политики в конкретных областях народного хозяйства на примерах развития отдельных регионов, невозможно до конца понять его сущность. Следовательно, развитие металлургии и продвижение ее продуктов на рынки сбыта в 1920-е годы в истории Российской Федерации и отдельных ее регионов до настоящего времени представляют научный интерес.

Необходимо отметить, что все еще недостаточно изучены вопросы восстановления и развития металлургической промышленности и продвижения ее продукции на рынки сбыта. Для современного состояния исторической науки характерно углубление уже накопленных знаний о нэпе и недостаточная ясность рыночной проблематики, которая отличается исключительной дробностью. Нет анализа разносторонних статистических данных деятельности различных предприятий металлургической промышленности. Поэтому крайне важно для дальнейшего изучения индустриальной истории нэповской России комплексное изучение индустриальной истории регионов. Попытки создания всесторонне обоснованных трудов по новой экономической политике бесперспективны без привлечения нового материала из мест-

лургии: высокая себестоимость, изношенность производственно-технической базы, высокая конкуренция на мировых рынках сбыта.

Обострение экономического кризиса летом 1998 года заставило общество задуматься о дальнейшем пути развития рыночных реформ в стране. Экономические трудности всегда служили поводом для государственной власти шире использовать административные методы воздействия на хозяйственную жизнь страны. Подобная ситуация имела место и в 1920-е годы и в СССР — первой стране с планово-рыночной системой, нигде ранее не существовало такого большого и своеобразного государственного хозяйства, как в Советском Союзе. Эта российская уникальность на мировом фоне отмечалась многими отечественными полити-

ных архивов. Именно в регионах все то, что планировалось в Москве, принимало окончательные формы.

Все это способствует актуализации истории развития и сбыта продукции металлургической промышленности в 1920-е годы в таком ключевом с экономической точки зрения регионе, как Нижегородско-Влади-мирский. Среди богатейшего индустриального наследия Поволжья металлопромышленность данного региона, ее промышленно-производственный потенциал, обеспечение кадровым составом, обучение и получение квалификации, формы усовершенствования труда металлургов являются актуальным объектом всестороннего изучения и обобщения, так как до сих пор эта отрасль остается важной составной частью промышленного потенциала Приволжского федерального округа.

Изучение производственно-сбытовой деятельности черной металлургии региона в годы нэпа выявило стремление советской власти восстановить предвоенный уровень металлопроизводства. Обеспечив возрождение хозяйства, правительство, однако, не создало металлопромышленности условий, при которых она смогла бы наиболее эффективно функционировать. В государственной политике того времени противоборствовали две тенденции: экономическая и командно-административная. В перипетиях борьбы решались такие промышленные задачи, как перетрестирование отрасли, определялись варианты перспективного планирования и меры по увеличению объемов производства, наконец, происходило овладение внеэкономическими способами повышения производительности труда. План являлся основным фактором финансово-технической организации производственных процессов черной металлургии. Но при его реализации отрицательным⁸⁵ разом сказывались бюрократические административно-командные способы проведения плановых начал в жизнь.

Анализ положения производства и сбыта металла в регионе на протяжении рассматриваемого периода дает основание сделать ряд выводов и предложений. Финансово-техническое обеспечение металлургии осуществлялось по линии постоянного восхождения и не было столь благоприятным, как принято считать. Восстановительный процесс его затянулся, а по некоторым производственно-техническим показателям довоенный уровень так и не был достигнут. В русле проводимого реформирования организация металлопроизводства в первые годы нэпа заменила бесплатный труд на благо общества личным интересом рабочего, его материальной заинтересованностью результатами труда. При этом зарплата не имела в то время своего основного назначения — регулятора труда. В 1922 году зарплата металлистов в Нижегородской губернии составляла примерно 30 процентов довоенной оплаты труда в данной отрасли¹. Переход на хозрасчет не решил, а, наоборот, обострил эту проблему. Нехватка оборотных средств, работа в большей части на государственных заказчиков привели к возникновению задолженности по зарплате². С 1922 по 1924 год она имела систематический характер. К концу восстановительного периода ставки оплаты

труда металлистов имели тенденцию роста: в 1927—1928 годах общий их уровень по отношению к довоенным показателям составил 91 процент. С одной стороны, происходил рост безработицы как результат правительственного курса концентрации производства, с другой — остро встала проблема подготовки квалифицированной рабочей силы³.

Крупные металлургические предприятия, управляемые Всесоюзным советом народного хозяйства, с началом новой экономической политики составили группу, почти полностью в первые годы нэпа обособленную от экономики региона. Такая ситуация, с одной стороны, тормозила восстановление и развитие заводов треста «Государственные объединенные машиностроительные заводы» (ГОМЗ), находящихся на территории региона, с другой — создавала серьезные трудности в функционировании хозяйства губерний, и лишь во второй половине 1920-х годов металлообъединения начали вливаться в экономику региона⁴.

Законодательно-нормативное обеспечение регулирования производственно-сбытовой деятельности черной металлургии в годы нэпа чаще всего диктовалось не определенной экономической доктриной, а являлось следствием политического курса и его колебаний. При неопределенности прав и ответственности участники принятия решений, регулирующих хозяйственное положение металлоиндустрии, нередко вели себя крайне безответственно. К примеру, в 1922 году с согласия высших хозяйственных органов и профсоюза металлистов были заключены контракты с иностранными импортерами на поставки металлопродукции на сумму около 300 миллионов рублей золотом, причем большинство наименований металлопродукции могло быть произведено заводами ГОМЗ при более низких продажных ценах. Непродуманная политика Народного комиссариата промышленного строительства в 1924 году привела к тому, что ряд заводов этой отрасли оказались на грани закрытия⁵.

Хозрасчет, обусловивший поиск ресурсов для удешевления производства, поставил вопрос об убыточности использования некоторых местных видов сырья. Из-за нерентабельного способа добычи железной руды и частичной выработанности рудных месторождений Нижегородской и Владимирской губерний стоимость ее превышала стоимость привозной железной руды⁶. В 1923 году заводы Приокского горного округа стали одними из первых, где разработали и произвели замену древесного угля на сырой торф в доменном производстве. В качестве сырья стали использовать не только местное, но и привозное рудное сырье, сварочный шлак, железную стружку. Подобные мероприятия позволили удешевить процесс выплавки чугуна и сохранить лесные богатства региона. Наибольшего успеха по снижению расходов топлива на единицу продукции металлопредприятия добиваются в 1923—1925 годах. Кроме того, появилась возможность варьировать вид топлива в зависимости от его выгоды для производства.

Современная перестройка хозяйственно-экономической жизни настоятельно требует совместной выработки государственным аппаратом и промышленной элитой Нижегородской губернии единой взве-

шенной взаимодополняющей концепции развития металлургии региона, оптимально вписывающейся как в микроэкономику страны, так и мировую макроэкономическую систему. Здесь как нельзя кстати придется нэповский опыт попытки создания сбалансированного хозяйства Нижегородско-Владимирского региона, его законодательное несовершенство, бюрократическая волокита, тормозившая производственный процесс. На данный момент целями крупных металлургических объединений являются не только цифры производственных показателей. Важна прозрачность целей компаний, доступность ее стратегии как государству, так и рядовым металлургам, взаимодействие всех ее структур с целью улучшения производственной деятельности и повышения производительности труда. В современной ситуации для создания металлургического объединения, способного стать конкурентноспособным на мировом рынке, необходимо ставить общие цели как концерну, так и государству.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ГОПАНО. — Ф. 546. — Оп. 1. — Д. 69 а. — Л. 6, 8.
- ² РГАСПИ. — Ф. 99. — Оп. 1. — Д. 10. — Л. 17.
- ³ ГОПАНО. — Ф. 546. — Оп. 1. — Д. 889. — Л. 56, 57.
- ⁴ Мохноногова, Н.В. Производство и сбыт металла в годы нэпа (на материалах Нижегородской и Владимирской губерний) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Новгород, 2005. — С. 23.
- ⁵ РГАСПИ. — Ф. 99. — Оп. 1. — Д. 10. — Л. 17.
- ⁶ ЦАНО. — Ф. 5428. — Оп. 1. — Д. 19. — Л. 186; Д. 24. — Л. 52; Д. 590. — Л. 39.

III. СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ НАШЕГО КРАЯ В ТВОРЧЕСТВЕ РЯЗАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В. Пронский

ОБОЗЫ РАННЕЙ ЗИМЫ
(глава из романа «Провинция слез»)

С двадцатого октября 1941 года в Москве и прилегающих районах ввели осадное положение. В Пронске появились военные патрули, а на выездах из города поставили контрольно-пропускные пункты. Появление в районе военных напоминало о приближающемся фронте, и все чаще появлялись вражеские самолеты-разведчики. С контрольных пунктов по ним стреляли из винтовок, но когда пара самолетов расстреляла дощатый домишко и при этом погиб красноармеец, то стрелять по ним перестали, и они, как коршуны, безнаказанно кружили в небе, высматривая что-то для себя важное, а иногда, видно потехи ради, пускали очередь-другую вдоль сельских порядков. Не обошли и Князево.

Пастух Григорий в эти дни ходил по дворам — собирал заработанное за сезон. Давали не сполна, а кое-кто и половины положенного не наскребал. С мужиком подходил к дому, когда от размышлений отвлек незнакомый, быстро приближавшийся металлический гул. Не успел старик что-либо сообразить, как увидел два летящих со стороны Пронска самолета. Один из них был так низко, что, казалось, вот-вот посрубают верхушки ветел. Григорий хотел помахать ему, но вдруг увидел на крыльях черные кресты, и в тот же миг самолет клюнул острым носом, словно хотел впитаться в землю, немного занес хвост и полетел на него. Григорий от неожиданности упал на снег, инстинктивно накрыл голову руками и услышал, как совсем рядом пудовым горохом простучала пулеметная очередь, и сразу же оглох от моторного рева, накрывшего его и так придавившего к снегу, что он животом почувствовал острый ком мерзлой земли. Но почти сразу гул отдалился, и старик, приподняв голову, увидел, что самолет накренился, стал поперек неба, так, что был виден шлем летчика... Догадавшись, что летчик разворачивает свою машину, чтобы добить, Григорий вскочил на ноги, пригнувшись, метнулся в заросли татарника, камышом желтевшие вдоль ручья, и забился в них, косясь на самолет. А он — то ли потерял Григория из вида, то ли и не думал больше гнаться — над селом развернулся и пустился догонять своего напарника.

ков бы Григорий все содрал, а с баб... Иная так расслонявится, что в пору не с нее брать, а ей отдать последнее, только бы замолчала. А то как начнет причитать — всех святых соберет, хоть сам на порог с ней садись и вой по-волчьи. Дошло до того, что Григорий однажды с утра отправился в правление, чтобы при народно отругать собравшихся на наряд баб, может, тогда им станет друг перед дружкой стыдно... Ругаться-то ругался, да только пользы от того не вышло: заклевали они, еле-еле отбилась — хотели снега в штаны насыпать.

«Ну, ничего — весной вы еще попросите, — мстительно думал Григорий, возвращаясь домой, — вы еще поклонитесь... Только и не подумаю за кнут братья. Хватит, давно отстерег свое. Пускай теперь подпасок Мать-Грунька будет у вас за старшого, он вам стадо-то быстро уполовинит!» Старик уже

Когда гул моторов затих, Григорий, как зверь с лежки, осторожно выбрался из татарника и, пугливо вскидывая задом, затрусил домой. Молчком ввалившись в избу, он прошел в кухню и долго выбирал из щеки и лба впившиеся колючки татарника, морщась от боли и раздраженно сплевывая на пол. С необычной тревогой следившая за ним Акуля не знала, что сказать и что делать в эти минуты. Она слышала из избы стрельбу и, глядя на необычное поведение мужа, не могла это все объяснить... Пока тот вертелся перед вмазанным в печку зеркалом, она боялась произнести лишнее слово, а когда он коротко сказал: «Собирайся, старая!» — непонимающе посмотрела:

— Что надумал-то, отец?

— А ты глупая, что ли? Или не слышала, как германец сейчас хотел село разбомбить?! Коль уж он такой наглый стал, то дальше хуже будет — в живых нам здесь не остаться. Надо в лес уходить. Пойдем к леснику Максиму Дрону, упадем ему в ноги, может, пустит, должен пустить, он ведь теперь один в сторожке живет. Баба-то его, если помнишь, еще весной померла, так что, думаю, потеснится — троюродный брат все-таки!

— Да ты что говоришь-то, думаешь хоть?! — изумилась Акуля. — На кого же ребят оставим, сноху... Ты прежде думай, чем говорить-то такое!..

— Все уйдем, может, не сразу, а уйдем... Так что собирайся, а я лыжи пока в сарае посмотрю...

Поддавшись воинственному настроению, Григорий вышел из избы, прошел в сарай и, пока высматривал под слегами лыжи, опять услышал металлический гул моторов. Он выплянул из сарая, чтобы оглядеться, но, даже не увидев самолетов, по звуку догадался, что они сейчас опять полоснут по селу из пулеметов... Григорию сделалось страшно, он метнулся к погребу, но разбухший притвор не ^{хотел} открываться, пока он возился с ним, гул моторов отдалился, а ско⁸⁹во все пропал...

Возвращение самолетов только усилило в Григории решимость уйти в лес. Вернувшись в избу, он спросил у Акули:

— Надумала или нет?.. Я вот и санки приготовил — ребят на них повезем!

Акуля замялась, ушла в кухню и оттуда сказала:

— Ты, как хочешь, а я никуда не пойду — будь что будет.

— Тогда собери сумку! Погибать я тут не собираюсь.

Молча наложив в пастушью сумку пирогов с капустой, Акуля молча же подала ее мужу и тяжело вздохнула, а Григорий, даже не прощавшись, вышел из избы, только на пороге моргнул притихшему Сашке. У крыльца Григорий надел лыжи, кое-как перешел дорогу, но, выйдя в лошину, снял их, привязал бечевкой к поясу; по малому снегу идти пешком оказалось спорей. Болтавшиеся сзади лыжи скоро надоели, и, дойдя до леса, Григорий спрятал их, поставив в густой куст орешника. Эта непродуманность ожгла самолюбие Григория, он уж ругал себя: «Чего же я, охотник-воин, раньше-то не подумал о том, что

снег-то лишь землю прикрыл?!» Но собственный упрек скоро забылся, Григорий шагал ходко, он уже представлял, как будет жить на тихом лесном кордоне, вдали от этих выстрелов, самолетов, вдали от всего, а там, глядишь, и войне конец будет... «Вот схожу на разведку, а потом и Акулю привезу, и ребяташек, да и Надежку надо будет забрать: хватить ей в колхозе хрип гнуть! Лоб-то весь конопушками усеян... Опять, должно быть, ребенка дожидается... Надо будет и картошку сразу свезти, пока морозы не жгут, и муку. Ничего — проживем!» — мечтал и успокаивал себя Григорий. До сторожки он добрался часа за полтора, но на двери висел замок. Это, правда, Григория не смутило, и он решил подождать братца. Пока дожидался, умял пироги и захотелось пить. Спустился в низинку к колодцу, выпил две пригоршни ломящей воды и вернулся к сторожке, зашел в сенной сарай и, закопавшись в сено, задремал. Сколько проспал, Григорий не знал, только догадался, что недолго, потому что не успел замерзнуть, но, выйдя из сарая, почувствовал, как от холода по телу пошла крупная дрожь, и, чтобы унять ее, начал прыгать. В животе сразу захлюпало, и он затих и присел на «дровосеке» перед крыльцом, прислушиваясь к себе. Подумалось: «Надо было под вечер приходиться, когда он домой возвращается, а сейчас попробуй найди его...»

Как ни хотелось Григорию уходить ни с чем, но пришлось, когда не стало сил терпеть озноб. Он пошел по своим же следам, стараясь идти как можно быстрее, чтобы согреться и унять неприятную дрожь. Согрелся, только добравшись до Афанасовой лощины. Выбрался из лощины и, устроившись на низком суку корявой осины, закурил. Когда сигарка стала обжигать пальцы, увидел вдалеке запряженную лошадь, вихлявшую санями вдоль извилистой опушки. Чтобы не быть замеченным, Григорий сполз с сука, пригнулся и на коленях забрался в заросли припорошенного снегом терновника. А когда выглянул из него и узнал в санях соседа-лесника Тимофея Фокина, с которым враждовал с лета, присел еще ниже. Когда же сани поравнялись с терновником, на Григория вдруг накатило необузданное озорство и он решил припугнуть соседа...

— Попался!.. Хватай его, ребята, окружай! — изменив голос, закричал Григорий и, чтобы наделать побольше шума, завизжал, заулюлюкал, словно загонщик, поднимая дикого зверя, по-воровски пронзительно свистнул вдогонку понесшей лошади, взбрыкивавшей под ударами кнута...

Встреча развеселила Григория. Он вышел из терновника и, посмеиваясь, пристально посмотрел вслед удалявшимся саням. «Подожди, я тебе еще не такое устрою!» — мстительно подумал он, и будто в ответ на его угрозу из саней хрустнул раскатистый выстрел; пуля стреканула рядом, осыпав с терновника молодой снег... Боясь, что Фокин стрельнет еще раз, Григорий повалился на бок. «Вот он, оказывается, с чем в лес ездит, — мелькнуло в голове, — обрезом себя охраняет! Как он меня? Чуть пулю не всадил! Ну, гаденыш, пущу тебе красного петуха среди зимы, дорого заплатишь за эту пальбу!..»

Возвращался Григорий невеселым: уж жалел, что связался с Фокиным, вздумав его пугать, — ехал бы он и ехал своей дорогой, а теперь от него чего хочешь жди — пакости строить он умеет. Еще больше испортилось настроение, когда Григорий вошел в избу и Сашка, обрадованно повиснув у него на шее, доложил:

— Деда, а тебя дядя Фокин спрашивал!

— Топорище принес, — добавила Акуля, — говорит, что ты заказывал.

— Ладно, ладно — разберусь, — отмахнулся Григорий.

Больше никто ни о чем расспрашивать не стал и, похлебав пшеничного кулеша, он залез на печь, боясь расспросов. Григорий сразу догадался, что Фокин приходил с проверкой... Должно быть, все-таки узнал в лесу, а стрельнул от собственного испуга. «Ладно, сосед, я пока тебе ничего не скажу. Потерплю до поры до времени!..» Разморившись после проведенного на холоде дня, Григорий вздремнул, а проснулся вместе с внуками только утром: те затеяли возню, а он не спешил слезать с печи до тех пор, пока в избу не вернулась Акуля и запричитала.

— Сходи, посмотри, что творится-то на белом свете, — говорила она, утираясь кончиком платка, — за что же наказание такое Господь людям послал?..

— Чего ты все гудишь-то, — проворчал Григорий.

— Раненых везут... — Акуля прислонилась к спинке кровати, словно плохо держалась на ногах. — Целый обоз... Сходил бы, может, сынка нашего увидишь...

Эта весть ошарашила Григория. Все мысли, переживания сразу забылись, показались ничтожными по сравнению со словами Акули. Григорий торопливо надел валенки, накинул кожух, снял шапку с гвоздя над дверью... Еще в сенях услышал скрип полозьев, фырканье лошадей и окрики возниц, а на крыльце и дух захватило: вдоль всего порядка двигалась вереница саней, а в них раненые бойцы рядами... Лица у всех серые, едва видимые из-под распущенных ушанок и поднятых воротников шинелей. Иные были в кургузых армейских телогрейках — спасаясь от холода, накрыли голову руками. У кого шея забинтована, у кого нога, у кого вместо руки — культя в окровавленных бинтах. От дальней дороги, от стужи у них не было сил смотреть по сторонам; казалось, что все они много раз ездили этой дорогой и привыкли к ней. Они и на людей, молча провожавших взглядами, не обращали внимания, словно чувствовали перед ними вину... Дорога мимо дома шла под уклон, и Григорий не успевал рассматривать мелькавшие лица. Он сошел с крыльца, пошел вдоль порядка, решив, что за мостом, на подъеме, лучше разглядит их. Вдруг и Павел действительно здесь! Ведь некоторые из раненых и глаз не открывают, без памяти должно быть. Григорий приглядывался к чернявым, но разве что разберешь в такой каше!

— Откуда, милоч, обоз-то гоните? — спросил Григорий у красноармейца, сидевшего в передке саней за вожжами.

— Издалека... Из-под Тулы, отец... — пробормотал тот задревелыми губами.

— Слышь, — почти крикнул Григорий вслед удалявшимся саням, — у меня сын под Брянском воюет... Нет ли кого с тех краев?

Возница то ли не расслышал Григория, то ли ему надоело отвечать на похожие вопросы, только молча стеганул кнутом запаренную лошадь, бившую струями пара из ноздрей в накатанную дорогу. Когда с Григорием поравнялись следующие сани, он еще спросил о Павле, а потом и еще, и увидел, как кто-то из отрубовских ребятишек выбежал к самой дороге и, семена рядом с очередными санями, совал красноармейцам кому в карман, а кому в протянутую руку вареную картошку и вновь бежал к ведерку, пенечком черневшему в снегу неподалеку. «Вот выдумщик, — удивился Григорий. — Чей же это?.. Сразу и не узнаешь — шапку-то будто нарочно на глаза натянул!» И вдруг как кто-то толкнул Григория: «А я-то что же стою, мать меня в кривую ногу!» Он торопливо вернулся домой, решив тоже чем-нибудь угостить раненых. «Ведь Акуля сегодня хлебы пекла, — вспомнил Григорий, — это по-лучше пустой картошки-то будет!» Но едва он дошел до моста, как мимо проскрипели последние сани, и Григорию сделалось обидно, будто кто пошутил над ним, не разрешив исполнить задуманное... Вернувшись в избу, он, не раздеваясь, сел на лавку, не зная, что делать, хотя и делать-то ничего не хотелось.

— Павла-то, случаем, не заметил? — спросила Акуля, а стоявший рядом с ней Сашка, услышав об отце, насторожился.

— Нету... Не из тех краев везут. Говорят, из-под Тулы, а наш-то дальше воюет...

Акуля чуток помолчала, молчал и Григорий, не зная о чем говорить. Поневоле задумаешься, может, и Москву давно сдали, а молчат-помалкивают... И словно в подтверждение его дум, под вечер через Князево еще прошел обоз с ранеными, а утром еще один. У Григория не было сил смотреть на полуобмороженных, беспомощных людей в солдатских шинелях. Он уже не надеялся встретить сына, потому что утром узнал от них, что Брянск давно под немцем. Он это и раньше слышал по радио, но в нем жило сомнение: а вдруг что напутали там! Сказать-то сказали, а как проверишь! От бойцов верней. Так думал Григорий и гадал, где теперь Павел, живой ли, может, ранен и вот так же где-нибудь в санях замерзает? Поди угадай!

На следующее утро, вернувшись с улицы, Григорий достал из печи чугунок с кипятком, зачерпнул кружку и, грея о латунь руки, обжигаясь, понемногу отхлебывал, притулившись, как чужой, на краешке лавки. Сашка и Бориска играли в спальне, Акуля терла картошку на крахмал, и от этой гнетущей тишины, в которой даже ребятишки переговаривались вполголоса, Григорию сделалось не по себе.

— Санек, залезь-ка на лавку, включи радио! — попросил он внука. — Может, чего скажут — праздник ведь сегодня... Октябрьская!..

Хмуро косясь на деда, Сашка неохотно вышел из-за перегородки, забрался на лавку и крутанул винтик... Григорий не сразу отгадал в тя-

гучем говоре голос Сталина, а когда узнал, то подсел поближе к громкоговорителю, черным лопухом прилепившемуся к стене.

— Тихо! — крикнул Григорий на всю избу и замер на лавке.

«...Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки! На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят поработанные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!

За полный разгром немецких захватчиков!

Смерть немецким оккупантам!

Да здравствует наша славная родина, ее свобода, ее независимость!

Под знаменем Ленина — вперед к победе!»

Григорий задохнулся от услышанных слов. Он напряженно ждал, что Сталин скажет еще, но после небольшой паузы прозвучал голос диктора: «Мы передавали речь товарища Сталина во время парада на Красной площади...» Последние слова не сразу дошли до сознания Григория, а когда он сообразил, что в Москве прошел парад войск, то не смог усидеть на месте.

— Сашка, Акуля, Бориска, слышали, чего по радио-то сказали? Парад был на Красной, парад! А то брехали, будто Москва под немцем! Куда ему, он только ловкий за стариками на самолетах гоняться, а Москва-то — она века стоит! Попробуй тронь ее!.. — Григорий радостно закружился по избе, подхватил Бориску и, не опуская на пол, заглянул в кухню:

— Мать, по такому случаю сто пятьдесят полагается! Праздник сегодня... Доставай!

— У тебя, окаянного, была бы причина... И не проси!..

Но где там: уговорил Григорий жену. Налила Акуля стакан и прослезилась:

— Ты уж за Павла пей-то, помоги ему Господь. Где-то наш сынок сейчас бедствует?!

— Вот с этого и надо было начинать, — повеселел Григорий, усаживаясь за стол.

Правда, усидел за ним недолго: за окном заскрипел очередной обоз с ранеными, и Григорий, кинув в рот щепотку квашеной капусты, собрался на улицу. Но прежде заглянул в кухню, взял с лавки непочатый хлеб и спросил у Акули:

— Картофель-то еще не вынимала из печи?

— Попозже кур покормлю — все равно не несутся, — откликнулась та, не понимая, что затеял муж.

— Сейчас достань, а то обоз пройдет!

Когда Акуля выкатила из печи чугунок, Григорий вылил из него воду, отсыпал в ведро горячей, дымящейся картошки и, подхватив хлеб, вышел на улицу. Он боялся не успеть, и поэтому не пошел за мост, на взгорок, а стал ломать хлеб около дома... Опускал в протянутые руки хлеб, совал за шинель картошку и не уставал приговаривать:

— Братки, дорогие, в Москве парад сегодня был! Войска шли... Видимо-невидимо, говорят, никогда столько войска на Руси не было...

Близ одного раненого Григорий задержался, не зная как дать еду: пустые рукава шинели у раненого были заправлены под ремень, а сам он стыдливо сдерживал слипшимися веками выбегавшие слезы. И Григорий догадался: отколупывая кусочки хлеба, словно птенцу, опускал в синегубый рот, чтобы не отстать, бежал за санями, запыхался и сел рядом с безруким, уместившись у него в ногах... Григорий поделил оставшийся хлеб и картошку меж бойцов, а «своего» кормил сам. Тот жевал молча, по-прежнему не открывая глаз, и, только когда еда кончилась, чуть-чуть открыл веки, долгим взглядом посмотрел на Григория, будто запоминал его, а Григорий, заметив, что он смотрит, слегка потрепал бойца по голове, подбадривая:

— Крепись, сынок, в Москве на Красной войска шли — вместо вас встанут, крепись!..

Боец ничего не ответил, зажмурился, по-бабьи скукожился, и новые слезы тихо потекли по его небритым щекам... Григорий сказал еще что-то и больше не мог смотреть на него: почувствовал, как самого душат слезы, и, чтобы не показать их ни этому бойцу, ни другим, стал прощаться:

— Вот на этом бугре и сойду, чтоб лошадь не рвать, а вам, сынки, дальше дорога ровная, скоро на станции будете...

В ответ кто обещал после войны найти своего «спасителя», кто приглашал в гости, а Григорий, не находя слов, махал вслед удалявшимся саням и смотрел, смотрел на безрукого. Тому махать было нечем, и он стыдливо уткнулся в чью-то спину, через малое время приподнялся, удивленно посмотрел на Григория и, не зная как выразить благодарность, кивал и кивал ему, будто молился Спасителю...

Когда обоз слился с чередой придорожных столбов, Григорий повернул домой, но идти почему-то не хватило сил, и он сел обочь дороги на перевернутое ведро и сидел, поддавшись непонятному оцепенению, до тех пор, пока его не потревожил откуда-то взявшийся вестовой. Он осадил распаренного коня, крутнулся, сдерживая его.

— Ты что, дед, замерз? — крикнул вестовой, свесившись с седла и сверкнув молодыми глазами.

— А ты не перегрелся? Езжай своей дорогой — тебя никто не просил останавливаться. Желанный какой! — И осмотрев его, и коня под ним, добавил: — Лучше бы о лошади заботился! Куда подкову-то дел? Тебя бы без обувки по тырчкам погонять!

Вестовой плюнул, поправил заиндевелую шапку с маленькой красной звездочкой и дал коню шпоры. Не успел Григорий подняться — ни коня, ни вестового. «Лихой парень, — подумал Григорий, — а вот лошадь-то не бережет... Хотя по такой дороге и голову потерять не мудрено, не только подкову».

Владимир Сёмин

ПАМЯТНЫЙ КУРГАН ГОРОДА ЗАРАЙСКА

В Смутные времена XVII века Зарайск, как и Рязань, был одним из форпостов национально-освободительного движения против польско-литовских интервентов. Весной 1608 года город Зарайск захватил отряд польского авантюриста полковника А. Лисовского. Когда в Ря-

зани узнали об этом событии, то немедленно послали арзамасские и рязанские дружины отбивать город у врага¹. Арзамасским ополчением командовал воевода, князь Иван Андреевич Хованский, рязанским — Захарий Петрович Ляпунов, брат знаменитого рязанского воево-

ды, вождя Первого народного ополчения Прокопия Ляпунова.

30 марта 1608 года в пригороде Зарайска, на Михайловской улице, развернулось скоротечное, ожесточенное сражение. Вот как описывает битву под Зарайском историк Василий Берг: «Приидеже под Зарайский город полковник Лисовский с литовскими людьми и русскими ворами и град Зарайск взяли. В Переславле же Рязанском слыша воеводы, что Зарайский город литовские люди взяли и послаша под Зарайский город ратных людей, воевода с ними был Захарий Ляпунов и приидоша под Зарайский город. Лисовский же, вышед из Зарайска, московских людей побил на голову и многих живых пойма; единых бо арзамасцев убиша на том бою триста человек. Трупы же их Лисовский велел похоронити в одноместно — в яму, и сдела ту над ними для своей славы курган великий и тот курган стоит до днесь»². В первые минуты боя управление войском было потеряно: рязанский воевода Богородицы, которую принесли с собой арзамасские ополченцы. С течением времени курган стал осыпаться, а память о защитниках Отечества забываться. Деревянный крест с кургана продали в Николо-Кобылинскую церковь, которая впоследствии сгорела. От бывшего подвига славных воинов ничего не осталось в переменчивой людской памяти.

В 1879 году будущий член Рязанской ученой архивной комиссии, начальник Зарайского гарнизона полковник Александр Марин стал инициатором возрождения памяти павших героев⁴. Планировалось поставить на кургане часовню, а около кургана устроить приют для бедных семейств отставных нижних чинов⁵. Вскоре деньги по подписке были собраны, но их оказалось недостаточно, поэтому пришлось отказаться от возведения часовни и устройства приюта. Часть денег выделили на благоустройство кургана и на памятник, а другую часть положили на вечное хранение в городской банк под проценты. Банковские

вода Захарий Ляпунов получил тяжелое ранение — его даже посчитали убитым. Многократное превосходство в живой силе позволило Лисовскому нанести жестокое поражение русским ополченцам. Арзамасцев в этой битве погибло триста человек, а рязанцев неведомо сколько. Трагическая попытка освобождения города в этот раз не увенчалась успехом, но в следующем, 1609 году, Прокопий Ляпунов выбил противника из Зарайска и поставил деревянный крест на кургане. С этого времени, вероятно, и началось почитание памяти павших героев. Долгое время родные и близкие храбрых воинов приезжали на памятный курган отдать дань памяти и уважения подвигу своих земляков.

В 1614 году рядом с курганом «по челобитью чернослободских тяглых людей Сеники Казанца с товарищи»³ воздвигли деревянную церковь во имя иконы Благовещения Пресвятой

проценты постановили отсылать в уездное училище для выдачи пособия детям из бедных семейств ⁶.

21 марта 1880 года начались подготовительные работы. Курган окружили деревянной оградой и обсадили быстрорастущими деревьями. В ходе расчистки места под фундамент нашли медные кресты и иконки-складни ⁷. 25 марта на кургане на каменном фундаменте поставили памятник. Высота памятника вместе с чугунным крестом составила 4 аршина 16 вершков. Предположительно в 20-х годах XX века памятник исчез, а вместе с ним бесследно исчезли и пояснительные надписи на поклонном кресте. После продолжительных поисков письменных и других материальных свидетельств, связанных с этим памятным событием, удалось, наконец, обнаружить в архиве уникальный документ — фотографический снимок 1880 года, на котором неизвестный очевидец торжеств запечатлел момент освящения поклонного креста ⁸.

На лицевой стороне фотографии, слева имеется надпись: «благовещенским попечительством и Городом поднесен был адрес и икона Благовещения пр[есвятой] девы А.А. Марину. Икона — изобр[ажение] Копия с древней Иконы и Которую Арзамасским ополчение[м] принесена из города Арзама[за] и хранится в Благовещ[енской] церкви». На лицевой стороне, под фотографией внизу сделана надпись: «Курган на могиле защитников города Зарайска павших в 1608 году находящийся близь церкви Благовещения. В битве с польским воеводой полковником Лисовским убито 300 человек из дружины Арзамазцев тут был убит Захарий Ляпунов и ранен Воевода Зарайский Д.М. Пожарский» ⁹. Продолжением этой же надписи служит сообщение о торжественной церковной службе в память павших защитников города Зарайска, которую возглавлял архиепископ Рязанский и Зарайский Палладий: «[В] 1881 году 12 июля отслужена была лития и провозглашена вечная память павшим воинам Выс[око] Преосвящ[енным] Палладием Архиепи[скопом] Рязан[ским] и Зарайским».

На оборотной стороне фотографии имеются четыре надписи, вписанные в прямоугольники в виде отдельных столбцов. Выполни⁹⁷тые с многочисленными сокращениями и с индивидуальными особенностями авторского почерка, они воспроизводят содержание утерянных, как мы называем, «крестовых надписей». В первой надписи объясняется причина появления памятного кургана; во второй говорится о павших воинах, обретших вечную жизнь; в третьей указывается календарная дата установки памятника, фамилия и звание того, чьим попечением он установлен; четвертая надпись призывает к смирению человека перед Богом. Отметим такую деталь: в правом верхнем углу надписи обозначен четырехконечный крест. Приводим эти памятные надписи с сохранением орфографии и пунктуации первоисточника в научный оборот и предлагаем их реконструкцию:

1. Тут покоится прах 300 арзама[з]цев защитников города Зарай[ска] павших в битве с пол[ь]ским во[еводой] Лисо[вским] во вр[емя] междуца[рствия].

2. Живут у Господа в вечно радостном безсмертии яко весть Господь путь праведных.

3. Поставлен в 1880 году 25 марта усердием полковн[ика] Алек[сандра] Ап[оллоновича] Марина членом попечител[ьства].

4. Твоими путями бы чтоб смири[ть] без мер мое [стремленье?] безсме[ртным] быти — чтоб дух[ом] восславить и чтоб чтить смирясь о том во благ[о] твое.

Ниже под этими надписями следует текст, повествующий о торжественном мероприятии на Зарайском кургане, — освящении памятного креста в апреле 1880 года. Подробно перечисляются главные действующие лица этого торжества, дается сводка погоды на 29 апреля 1880 года: «Освящен этот крест 29 апреля 1880 [года] во вторник на Фоминой неделе. Отслужена была панихида по усопшим. Совершали богослужение протоиерей Степан Антонович Яхонтов, благочинный Павел Михайлович Спасский и настоятель Благовещенского храма Василий Петрович Денисов.

Присутствовали городской голова Михаил Николаевич Потоловский, Михаил Кузьмич Сафонов, староста церковный Костриков, мировой судья Василий Димитриевич Сидоров, член Попечительства Соловнев, полковник А[лександр] А[поллонович] Марин и много народа. День был ясный солнечный».

Надписи имеют важное историческое значение, они позволяют определить точную дату установки памятника, количество павших русских ратников в битве под Зарайском и чьими трудами стало возможным возрождение памятной традиции Зарайского кургана. Надписи воскрешают трагические и героические страницы нашего народа, бессмертный подвиг арзамасских и рязанских воинов, доблестных защитников города Зарайска в Смутное время первого десятилетия XVII века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Карамзин, Н.М. История государства Российского. — Калуга, 1993. — Т. 12. — С. 487.

² Русская старина. — 1879. — Дек. — С. 707—708.

³ Добролюбов, И. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии. — Зарайск, 1884. — Т. 1. — С. 179.

⁴ См.: Русская старина. — 1880. — Нояб. — С. 751.

⁵ См. там же. — 1879. — Дек. — С. 708.

⁶ См. там же. — 1880. — С. 752.

⁷ См.: Труды Рязанской ученой архивной комиссии. — Рязань, 1894. — Т. 9. — Вып. 1. — С. 67.

⁸ См.: Государственный архив Рязанской области. — Ф. Р-5039. — Оп. 1. — Д. 575.

⁹ По известным к настоящему времени письменным источникам Д.М. Пожарский в этой битве не принимал участия, а Захарий Ляпунов остался жив, получив тяжелое ранение.

IV. В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ

М.В. Неретина, Т.И. Сафронова

ОТМЕНА КРЕПОСТНОГО ПРАВА В РОССИИ

И В РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ (урок истории в 8 классе)

Внедрение региональных исторических материалов в практику преподавания школьного курса истории России является значимой и актуальной задачей. Учащиеся намного лучше смогут понять сущность того или иного события и высказать по его поводу свое собственное мнение исходя из сопоставления его места и роли в истории страны и истории нашей Рязанской губернии. Уроки с использованием материалов исторического краеведения несут в себе большую познавательную и эмоциональную нагрузку и, как показывает опыт, лучше запоминаются учащимися.

Примером подобного интегрированного подхода может служить урок по истории России XIX века, проведенный в 8 классе Чучковской общеобразовательной школы по теме «Отмена крепостного права в России и в Рязанской губернии». В ходе данного урока у учащихся развиваются навыки работы с документами, статистическими данными;

— развить умение обобщать материал, выделять главное.

План урока:

1. Проверка домашнего задания.
2. Крестьянская реформа.
3. Выкупные операции.
4. Значение и итоги реформы.
5. Закрепление материала.

Новые термины и даты:

19 февраля 1861 года — «Манифест об освобождении помещичьих крестьян»; «Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости»; временнообязанные; отрезки; прирезки; даровой надел; мировой посредник; уставная грамота; переход на выкуп.

Оборудование:

компьютер с записями определений и материалом для закрепления; портрет Александра II; картины.

го занятия, помимо стендов с историческими документами и текстом царского манифеста, применялись современные мультимедийные средства, на компьютере в качестве наглядного пособия демонстрировался портрет императора Александра II, воспроизводились картины бедственной жизни крестьян и нищенского состояния Рязанской губернии. Все задания, новые термины и понятия также выводились на экран компьютера.

Цели урока:

— познакомить учащихся с реформой отмены крепостного права,

— выяснить ее основные положения, значение для развития страны и губернии, дать оценку реформе;

— провести исторический анализ литературных произведений;

— способствовать форми-

Ход урока

1. Организационный момент.
2. Вступительное слово учителя.

Итак, на прошлом уроке мы начали рассматривать решение одного из важнейших вопросов российской истории, одну из важнейших реформ — реформу отмены крепостного права. Мы также исследовали причины отмены крепостничества. Но, прежде чем мы повторим эти причины, давайте вспомним, что же такое «крепостное право». (Ответы учащихся.)

Сегодня на уроке нам предстоит рассмотреть более подробно, как проходила реформа отмены крепостного права не только в России, но и в нашей Рязанской губернии. Напомню, что частновладельческий крестьянин в дореформенной России являлся собственностью помещика. Попробуем побывать в положении крепостного крестьянина и представить себе его жизнь. (Сообщение учащегося; 3 минуты.)

Ребята, а кто из императоров российских получил прозвище Освободитель? Почему?

Прослушаем рассказ о некоторых подробностях жизни императора-освободителя Александра II. (Сообщение учащегося; 5 минут.)

Почему вопрос об отмене крепостного права именно в этот период стал особенно актуальным, ведь общество и сама власть неоднократно обращались к этой проблеме? Какие причины назрели в российском обществе; определим их. (Фронтальный опрос.)

Вспомним, какие учреждения занимались решением этого вопроса? (3 минуты.)

Большая роль в подготовке реформы, анализе материалов, представленных губернскими комитетами, и составлении на их основе общего проекта закона об освобождении крестьян принадлежала редакционным комиссиям и их председателю Якову Ивановичу Ростовцеву. (Сообщение учащегося о деятельности Я.И. Ростовцева; 5 минут)

В чем была главная трудность при составлении проекта (Подсказка: как предлагали отменить крепостное право помещикам черноземных и нечерноземных губерний?)

Подписание законодательных актов об отмене крепостного права было приурочено к 19 февраля — шестой годовщине восшествия Александра II на престол. (Запись в тетради: 19 февраля 1861 года — «Манифест об освобождении помещичьих крестьян из крепостной зависимости», «Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости».)

Положения 19 февраля включали в себя 17 законодательных актов, в которых подробно описывалась процедура освобождения.

1. Согласно Манифесту, крепостные крестьяне сразу, без выкупа получали личную свободу, то есть переставали быть собственностью помещика. Какую власть над крестьянами потерял помещик?

Важным результатом реформы явилось то, что десятки миллионов крестьян получили гражданские права. О каких именно правах идет речь?

2. Крепостные крестьяне освобождались с землей. Но в Манифесте говорилось, что помещики сохраняют право собственности на всю принадлежащую им землю. Следовательно, крестьянин должен был выкупить свой общинный надел. Обладал ли он для этого достаточными средствами?

3. До перевода на выкуп, то есть до начала выкупной операции, крестьяне должны были исполнять все свои прежние обязанности перед помещиками. Они становились временнообязанными. Временнообязанное состояние крестьян продолжалось 9 лет. Что обозначает понятие «временнообязанный крестьянин»?

4. Начинать процедуру выкупа можно было только через два года, то есть с 19 февраля 1863 года. Отпущенные два года были необходимы для подготовки окончательного введения «Положения» в действие. Но известно, что в 1881 году (то есть через 20 лет) 15 процентов бывших крепостных крестьян по-прежнему оставались временнообязанными. В 1881 году последовал Указ об обязательном переводе этих крестьян на выкуп.

5. Размер земельного надела, который помещик предоставлял крестьянам, не мог быть выше установленной законом нормы, колебавшейся в различных частях страны от 3 до 12 десятин. В черноземной полосе, куда входила Рязанская губерния, вводились «высший» и «низший» размеры земельного надела (последний составлял $\frac{1}{3}$ первого). В Рязанской губернии имелись 4 нормы высшего надела — от 2 десятин 1800 саженой до 4 десятин. Если у крестьянина в пользовании было больше земли, тогда ее у него отрезали, при этом отбирали лучшие земли. Если земли недоставало до установленной законом нормы, то крестьянину землю добавляли, то есть прирезали.

Попробуем дать определение понятиям «отрезки» и «прирезки».

Историки располагают данными, что «отрезки» были произведены у 40—65 процентов крестьян, а прирезки — у 3—15 процентов. В Рязанской губернии отрезки составляли от 20 до 40 процентов. Таким образом, после реформы малоземельных крестьян стало больше.

6. Крестьянин не мог отказаться от надела, а помещик обязан был предоставить крестьянину надел для выкупа. С согласия помещика крестьянин мог безвозмездно, «в дар», получить $\frac{1}{4}$ от «высшей» нормы надела. Это были нищенские, сиротские наделы, они составляли по 1 десятине на человека. Прокормиться с такого надела было невозможно.

Что такое «дарственный надел»?

7. Размер выкупаемого надела и условия выкупа фиксировались в «уставной грамоте».

8. За соблюдением условий уставных грамот, урегулированием споров между крестьянами и помещиками следили мировые посредники.

ки. Их назначал Сенат из потомственных дворян. Среди мировых посредников был Л.Н. Толстой, некоторые декабристы.

9. Размер выкупа определялся таким образом, чтобы помещик не лишился тех денег, которые он получал от крестьян в форме оброка. Сумма выкупа исчислялась путем капитализации оброка, то есть крестьянин должен был заплатить за землю столько денег, чтобы положенные в банк под 6 процентов годовых они приносили бы помещику ежегодную прибыль, равную размеру дореформенного оброка. Примерная сумма, которую выплачивал крестьянин, составляла около 167 рублей за 8 десятин. Однако в реальности такой надел стоил приблизительно 116 рублей. Получается, что крестьянин вынужден был переплачивать более 50 рублей.

10. Для осуществления выкупной операции у бывших помещичьих крестьян не было денег. Учитывая это, правительство приняло решение, что 20 процентов необходимой суммы крестьянин обязан выплатить сам, а 80 процентов предоставит государство в виде ссуды на 49 лет под 6 процентов годовых. Но ссуда давалась не отдельному крестьянину, а общине. Поэтому земля становилась не личной собственностью, а собственностью крестьянской общины.

Несмотря на все трудности в осуществлении реформы, она имела большое историческое значение. Это был переломный момент в истории России:

- а) были созданы необходимые условия для развития капитализма;
- б) реформа способствовала росту темпов экономического развития.

Но налицо были и недостатки. Реформа оказалась непоследовательной и противоречивой. С одной стороны, она ущемила интересы помещиков, с другой — носила грабительский характер по отношению к крестьянам.

О результатах реформы 1861 года в Рязанской губернии говорят следующие цифры: всего было освобождено 346 тысяч ревизских душ, из которых 129 тысяч должны были за свой надел отбывать барщину, 78 тысяч выполнять смешанные повинности, 131 тысяча быть на оброке. Накануне реформы 60 процентов населения губернии находилось в крепостной зависимости. Помещикам принадлежало 70 процентов всей земли. Во время реформы у крестьян было отрезано в пользу помещиков не менее 200 тысяч десятин лучшей земли. Таким образом, крестьянские наделы, и без того нищенские, еще уменьшились.

Насколько грабительский характер носила реформа в нашей губернии, видно из положения крестьян Мураевинской волости Данковского уезда. Всего пахотной земли в этой волости имелось 12 тысяч десятин. У 832 крестьянских хозяйств было лишь 5356 десятин, а остальной землей площадью 6644 десятины владели 14 помещиков, 2 купца-кулака и один священник. Таким образом, крестьянам достались ничтожные наделы, а помещики удержали за собой огромные владения. Кроме того, до реформы значительная часть леса находилась в пользовании крестьян, после же реформы помещики захватили 400 десятин леса, а крестьянам оставили только 24 десятины.

Полученные в ходе реформы крестьянские наделы были столь малы, что не могли обеспечить существование семьи. Поэтому многим крестьянам приходилось брать землю в аренду у помещиков, несмотря на ее высокую стоимость, или идти в город на заработки.

Так, крестьяне деревни Константиново Сапожковского уезда вынуждены были арендовать у помещика 256 десятин земли. За каждую десятину они платили 2 рубля, обрабатывали один день в хозяйстве помещика, засеивали его поля. За аренду пастбища дополнительно убирали 25 десятин помещичьего луга, а за выгон для телят в размере 2 десятин платили 26 рублей.

Таким было положение во многих селах. К концу XIX века в Рязанской губернии значительно увеличилось количество крестьян безземельных, безлошадных, бескоровных и не имевших инвентаря для обработки земли. Только в одном Касимовском уезде в 1888 году было 6569 безлошадных дворов, 4727 хозяйств обрабатывали землю чужим инвентарем, 1862 хозяйства сдавали свои наделы кулакам.

В первые же месяцы после объявления реформы начались крестьянские волнения. Наиболее бурный характер в Рязанской губернии они имели в апреле — мае 1861 года. В это время произошло 48 крестьянских выступлений. Так, например, крестьяне села Голдино Михайловского уезда отказались исполнять барщинные работы, требовали хлеба, корма для скота. В село была вызвана воинская часть. В результате зачинщики были жестоко наказаны.

У большинства крестьян хватало своего хлеба лишь до середины зимы, они часто голодали. Особенно тяжелым для крестьян был 1891 год. Тысячи деревенских семей оказались без куска хлеба, ели мякину, древесную кору. В ряде уездов не было такой деревни, где бы сохранились дворы, сараи, сени в избах и крыши. Все было сожжено, опустошено. Царское правительство не оказывало никакой помощи голодающим. Началось массовое нищенство. Тысячи крестьянских детей, чтобы не умереть с голоду, вынуждены были идти побираться.

Большую помощь в борьбе с голодом в Рязанской губернии оказал великий русский писатель Л.Н. Толстой. В ноябре 1891 года он поселился в деревне Бегичевке Данковского уезда и стал на свои средства устраивать столовые для голодающих. В Скопинском, Данковском и в двух соседних уездах Тульской губернии им было открыто 187 столовых, кормивших свыше 10 тысяч крестьян.

Массовое разорение крестьян — таков один из мрачных итогов реформы 1861 года.

11. Закрепление изученного материала. Исторический диктант.

12. Подведение итогов. Домашнее задание.

Е.Ю. Моисеева, Н.И. Ерёмина, А.А. Солдатова

**УРОК-ИССЛЕДОВАНИЕ
ДЛЯ УЧАЩИХСЯ 6—7 КЛАССОВ**

Тему урока учащиеся должны вывести сами в конце урока.

Цели урока:

— заинтересовать школьников в изучении истории родного края;

— пробудить чувство патриотизма;

— развить познавательную активность;

— показать на примере конкретных личностей героизм русского человека.

Вступление. Дорогие друзья! Сегодня мы с вами откроем еще одну страничку истории нашего родного края, познакомимся с историческими личностями, которые сыграли немаловажную роль в тот период истории Рязани, о котором сейчас пойдет речь. Давайте прочтем цитату на доске, она будет нам первой подсказкой.

(Цитата: «Град и земля Рязанская изсенися... и отыде слава ея, и не бе что ж ней было видели, токмо дым и земля и пепел».)

Вопрос к классу: Как вы думаете, к какому событию может относиться эта цитата?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, мы заглянем в далекое прошлое. А помогут нам это сделать исторические источники: былины, сказания, летописи.

Читаем: «В год 1237 пришел на Русскую землю безбожный царь Батый со множеством воинов татарских...»

Вопросы: Вспомните, что мы знаем с вами об этом народе? Откуда он пришел? Совершал ли завоевательные походы

прося у него помощи против безбожного царя Батыея или чтобы сам на него пошел. Князь великий Георгий Всеволодович Владимирский и сам не пошел, и помощи не послал, задумав один сразиться с Батыем. И услышал великий князь Юрий Ингваревич Рязанский, что нет ему помощи от великого князя Георгия Всеволодовича Владимирского...»

Вопросы: Почему Владимирский князь отказал в помощи Рязанскому князю? Какие отношения складывались в это время между князьями? Почему? Как вы думаете, ослабляло ли это Русь?

Читаем: «...и тотчас послал за братьями своими: за князем Давидом Ингваревичем Муромским, и за князем Глебом Ингваревичем Коломенским, и за князем Олегом Красным, и за Всеволодом Пронским, и за другими князьями. И стали совет держать, как утолить нечестивца дарами. И послал сына своего князя Федора Юрьевича Рязанского к

в другие страны до 1237 года? Попробуйте показать это на карте.

Вывод: Следовательно, мы можем сделать вывод, что русские люди были наслышаны о жестоких завоеваниях татаро-монголов.

Читаем: «...и стал на реке на Воронеже близ земли Рязанской».

Задание: Найдите на карте это место. Для этого мы двинемся вместе с татарами на запад. Какие земли надо пройти, чтобы подойти к границам Руси?

Читаем: «И прислал послов непутевых на Рязань к великому князю Юрию Ингваревичу Рязанскому, требуя у него десятой доли во всем: во князьях, и во всяких людях, и в остальном».

Вопросы: Как вы думаете, почему татары могли потребовать у русских дань? Какое событие случилось в 1223 году? Что оно показало монголо-татарам?

Читаем: «И услышал великий князь Юрий Ингваревич Рязанский о нашествии безбожного царя Батыея, и тотчас послал в город Владимир к благоверному великому князю Георгию Всеволодовичу Владимирскому,

безбожному царю Батыю с дарами и мольбами великими, чтобы не ходил войной на Рязанскую землю».

Задание: Проверьте свое внимание: какое слово, характеризующее Батыя, упоминается в летописи несколько раз? Почему?

Читаем: «И пришел князь Федор Юрьевич на реку на Воронеж к царю Батыю, и принес ему дары, и молил царя, чтоб не воевал Рязанской земли. Безбожный же, лживый и немилосердный царь Батый дары принял и во лжи своей притворно обещал не ходить войной на Рязанскую землю. Но хвалился-грозился повоевать всю Русскую землю. И стал просить у князей рязанских дочерей и сестер к себе на ложе. И некто из вельмож рязанских по зависти донес безбожному царю Батыю, что есть у князя Федора Юрьевича Рязанского княгиня из царского рода и что всех прекраснее она красотой телесною. Царь Батый лукав был и немилостив в неверии своем, распалился в похоти своей и сказал князю Федору Юрьевичу: «Дай мне, княже, изведать красоту жены твоей». Благоверный же князь Федор Юрьевич Рязанский посмеялся и ответил царю: «Не годится нам, христианам, водить к тебе, нечестивому царю, жен своих на блуд. Когда нас одолеешь, тогда и женами нашими владеть будешь». Безбожный царь Батый разъярился и оскорбился и тотчас повелел убить благоверного князя Федора Юрьевича, а тело его велел бросить на растерзание зверям и птицам, и других князей и воинов лучших поубивал».

Вопросы: Можно ли назвать поведение Рязанского князя героическим поступком? Как вы думаете, что защитил Рязанский князь? Когда рязанцы узнают о его поступке, что они о нем скажут? Можем ли мы назвать его героем? Как вы думаете, что сделает русская княгиня Евпраксия, узнав о гибели мужа.

Читаем: «Благоверная же княгиня Евпраксия стояла в то время в превысоком тереме своем и держала любимое чадо свое — князя Ивана Федоровича, и, как услышала она эти смертоносные слова, исполненные горести, бросилась она из превысокого терема своего с сыном своим князем Иваном прямо на землю и разбилась до смерти. И услышал великий князь Юрий Ингваревич об убиении безбожным царем возлюбленного сына своего, блаженного князя Федора, и других князей, и что перебито много лучших людей, и стал плакать о них с великой княгиней и с другими княгинями и с братией своей. И плакал горю весь много времени».

С тех пор город Красный получил имя новое — Зарайск от Заразск (заразилась — разбилась до смерти). 107

Вопрос: Как вы думаете, почему княгиня так поступила?

Читаем: «И стал воевать царь Батый окаянный Рязанскую землю и пошел ко граду Рязани».

Задание: Давайте вспомним, как был укреплен город? А теперь закройте глаза и попробуйте представить, что творилось в Рязани в то страшное время.

Читаем: «И осадил град, и бились пять дней неотступно... А в шестой день спозаранку пошли поганые на город — одни с огнями, другие с пороками, а третьи с бесчисленными лестницами — и взяли град Рязань месяца декабря в двадцать первый день. И пришли в церковь соборную

пресвятой Богородицы, и великую княгиню Агриппину, мать великого князя, со снохами и прочими княгинями посекали мечами, а епископа и священников огню предали — во святой церкви пожгли, и иные многие от оружия пали. И в городе многих людей, и жен, и детей мечами посекали. А других в реке потопили, а священников и иноков без остатка посекали, и весь град пожгли, и всю красоту прославленную, и богатство рязанское, и сродников их — князей киевских и черниговских — захватили. А храмы божии разорили и во святых алтарях много крови пролили. И не осталось в городе ни одного живого: все равно умерли и единую чашу смертную испили. Не было тут ни стонущего, ни плачущего — ни отца и матери о детях, ни детей об отце и матери, ни брата о брате, ни сродников о сродниках, но все вместе лежали мертвые. И было все то за грехи наши...»

Задание: В этом тексте мы встречаем слова «поганые», «полон», «град». Как вы понимаете значение этих слов? А теперь давайте поразмышляем, почему Рязань пала? Открываем глаза. Какие чувства вы испытывали?

Читаем: «И некий из вельмож рязанских по имени Евпатий Коловрат был в то время в Чернигове с князем Ингварем Ингваревичем, и услышал о нашествии зловерного царя Батыя, и выступил из Чернигова с малою дружиною, и помчался быстро. И приехал в землю Рязанскую, и увидел ее опустевшую, города разорены, церкви пожжены, люди убиты. И помчался в город Рязань, и увидел город разоренный, государей убитых и множество народа полегшего: одни убиты и посечены, другие пожжены, а иные в реке потоплены. И воскричал Евпатий в горести души своей, распаяся в сердце своем. И собрал небольшую дружину — тысячу семьсот человек, которых Бог сохранил вне города. И погнались вослед безбожного царя, и едва нагнали его в земле Суздальской, и внезапно напали на станы Батыевы. И начали сечь без милости, и смешались все полки татарские. И стали татары, точно пьяные или безумные. И бил их Евпатий так нещадно, что и мечи притуплялись, и брал он мечи татарские и сек ими. Почудилось татарам, что мертвые восстали. Евпатий же, насквозь проезжая сильные полки татарские, бил их нещадно. И ездил среди полков татарских так храбро и мужественно, что и сам царь устрасился. И едва поймали татары из полка Евпатья пять человек воинских, изнемогших от великих ран. И привели их к царю Батыю. Царь Батый стал их спрашивать; «Какой вы веры, и какой земли, и зачем мне много зла творите?» Они же ответили: «Веры мы христианской, рабы великого князя Юрия Ингваревича Рязанского, а от полка мы Евпатия Коловрата. Посланы мы от князя Ингваря Ингваревича Рязанского тебя, сильного царя, почествовать, и с честью проводить, и честь тебе воздать. Да не дивись, царь, что не успеваем наливать чаш на великую силу — рать татарскую». Царь же подивился ответу их мудрому. И послал шурина своего Хостоврула на Евпатия, а с ним сильные полки татарские. Хостоврул же похвалился перед царем, обещал привести к царю Евпатия живого. И обступили Евпатия сильные полки татарские, стремясь его взять живым. И съехался Хостоврул с Евпатием. Евпатий же был исполин силою и рассек Хостоврула на-попы до седла. И стал сечь силу татарскую,

и многих тут знаменитых богатырей Батыевых побил, одних пополам рассекал, а других до седла разрубал. И возбоялись татары, видя, какой Евпатий крепкий исполин. И навели на него множество пороков, и стали бить по нему из бесчисленных пороков, и едва убили его. И принесли тело его к царю Батыю. Царь же Батый послал за мурзами, и князьями, и санчакбеями, и стали все дивиться храбрости, и крепости, и мужеству воинства рязанского. И сказали они царю: «Мы со многими царями, во многих землях, на многих битвах бывали, а таких удалцов и рязанцев не видали, и отцы наши не рассказывали нам. Это люди крылатые, не знают они смерти и так крепко и мужественно, на конях разъезжая, бьются — один с тысячею, а два — с десятию тысячами. Ни один из них не съедет живым с побоища». И сказал царь Батый, глядя на тело Евпатыево: «О Коловрат Евпатий! Хорошо ты меня попотчевал с малою своей дружиною, многих богатырей сильной орды моей побил и много полков разбил. Если бы такой вот служил у меня, — держал бы его у самого сердца своего». И отдал тело Евпатия оставшимся людям из его дружины, которых похватили на побоище. И велел царь Батый отпустить их и ничем не вредить им».

Вопросы: Как вы думаете, за что ценил Евпатия Коловрата хан Батый? О чем пожалел хан Батый? Можно ли сказать, что он сам назвал этого рязанца героем? Читали ли вы о других героях Рязани или изучали на уроках литературы? Что вам известно об Авдотье Рязаночке? Чем она поразила Батыя?

А теперь, подводя итог, давайте ответим, кто же встал на защиту земли Рязанской? А как вы думаете, есть ли такие герои в наши дни? Сможем ли мы сейчас защитить нашу землю от врагов? О чем же мы узнали сегодня на уроке? Как бы вы назвали тему нашего сегодняшнего урока?

Домашнее задание: Нарисуйте героическую оборону Рязани и ее героев? Как вы себе это представляете?

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Памятники лит.
С. 184—200.

за. — М., 1981. —

V. РЕЦЕНЗИИ

Моисеева Елена Юрьевна — учитель истории средней общеобразовательной школы № 38 г. Рязани.

Мохноногова Наталья Владимировна — кандидат исторических наук, доцент Выксунского филиала НГТУ.

Муравьёва Любовь Михайловна — соискатель кафедры истории России РГУ имени С.А. Есенина.

Неретина Марина Вячеславовна — учитель истории Чучковской средней общеобразовательной школы.

Пронский Владимир — автор нескольких книг повестей и рассказов, в том числе книги избранных рассказов «Легкая дорога», романа-трилогии «Провинция слез», романов «Племя сирот», «Казачья Засека», «Три круга любви», лауреат премии имени А.С. Пушкина, Международной литературной премии имени Андрея Платонова, член Союза писателей России.

Репин Николай Ниолаевич — доктор исторических наук, профессор кафедры древней и средневековой истории Отечества РГУ имени С.А. Есенина.

Сафронова Татьяна Ивановна — студентка 3 курса факультета истории и международных отношений РГУ имени С.А. Есенина.

Сёмин Владимир — историк-краевед, член Союза писателей России.

Сизова Ирина Владимировна — соискатель кафедры истории России РГУ имени С.А. Есенина.

Солдатова Анна Александровна — студентка 3 курса факультета истории и международных отношений РГУ имени С.А. Есенина.

Степанова Екатерина Степановна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России РГУ имени С.А. Есенина.

Шмелёва Ольга Ивановна — кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории России РГУ имени С.А. Есенина.

Экарева Ирина Леонидовна — кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Российской экономической академии имени Г.В. Плеханова.

Эрлихсон Ирина Мариковна — кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории России РГУ имени С.А. Есенина.

ПОЛОЖЕНИЕ О ЖУРНАЛЕ «РЯЗАНСКИЙ ИСТОРИК»

Журнал «Рязанский историк» Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина адресуется преподавателям и студентам, аспирантам и дипломникам, учителям школ и работникам научно-исследовательских учреждений. Объем каждого выпуска составляет от 8 до 10 авторских листов, периодичность — до двух выпусков в год.

Проблематика исследований

В журнале «Рязанский историк» публикуются статьи по следующим направлениям: история, история культуры, методика преподавания истории. Каждый выпуск включает до 7 рубрик: статьи, доклады и сообщения преподавателей, учителей, студентов и аспирантов, портреты историков (роль личности в истории), над чем работают диссертанты (тематика исследований молодых ученых), научные контакты с вузами и школами по вопросам совместных исследований, а также обзоры, рецензии, архивные материалы. Безусловно, под эти направления вполне подпадают исследования по археологии, нумизматике, филателии, этнографии, топонимии, музыкальной, художественной, спортивной истории и т. д. Более того, нам представляется, что совершенно оправданным является сотрудничество по пограничным проблемам с философами, социологами, статистиками, политологами, юристами, архитекторами, исследователями театра, политиками, администраторами и правленцами. Все это в совокупности составляет наше историческое наследие.

Авторами «Рязанского историка» являются ученые, вузовские преподаватели, аспиранты, студенты, учителя школ.

Редакционная коллегия готова сотрудничать с библиотеками, желающими иметь в фонде журнал «Рязанский историк». Можно приобретать и отдельные выпуски журнала, в том числе получать их наложенным платежом по заявкам, направляемым в адрес редакции. Заявки на включение в список рассылки принимаются как от организаций, так и от физических лиц.

Информация авторам

Редакционная коллегия журнала «Рязанский историк» готова сотрудничать с авторами, чьи исследования находятся в спектре нашего издания.

Используемая литература, на которую в тексте даются ссылки, помещается в конце статьи. Для книг должны быть указаны: автор, название работы, место издания, издательство, год издания, страницы, а в тексте — порядковый номер данной книги, соответствующий ее номеру в списке литературы; для статьи: автор, название статьи, название журнала, год издания, том, номер (или выпуск), страницы начала и окончания статьи.

Ссылки на цитаты обязательны.

Ссылки на неопубликованные работы (за исключением диссертаций) не допускаются.

В конце статьи авторы должны сообщить о себе следующие сведения: фамилию, имя, отчество, почтовый адрес, телефон (служебный и домашний),

факс, адрес электронной почты (E-mail), место работы, занимаемую должность, ученое звание или статус (аспирант, ассистент и т.п.).

Статья должна быть подписана всеми авторами.

Рукописи представляются в редакцию в одном экземпляре объемом не более 1,5 авторского листа (формат А4, 36 страниц машинописного текста через два интервала).

Вместе со статьей на бумажном носителе предоставляется электронная копия статьи.

К сведению потенциальных авторов

Редакционная коллегия научного журнала «Рязанский историк» сообщает Вам, что в октябре 2008 года в Рязанском государственном университете имени С.А. Есенина состоится Всероссийская научно-практическая конференция «Новые технологии внедрения региональных исторических материалов в практику преподавания школьного курса истории России».

В ходе конференции предполагается обсудить проблемы внедрения научных знаний, результатов научного поиска отечественных историков, новых изданий, публикаций по российской истории в школьный курс отечественной истории и тем самым модернизировать, обеспечить технологически и методологически инновацию преподавания истории России (прежде всего курсов новой и новейшей истории) в средней школе. К участию в конференции будут привлечены ученые, аспиранты и студенты университета, других высших учебных заведений Рязанской области и ряда российских регионов, учителя средних школ, краеведы, журналисты, издатели и работники библиотек. Председателем оргкомитета конференции является профессор А.Ф. Агарёв, который возглавляет редакционную коллегия научного журнала «Рязанский историк», издающегося Рязанским государственным университетом имени С.А. Есенина на протяжении пяти лет.

В связи с этим решено использовать журнал для публикации материалов, подготовленных авторским активом журнала по обозначенной выше тематике. Редакционная коллегия журнала готова принять для публикации работы, связанные с различными периодами российской истории, в том числе и результаты исследований краеведческого характера. Приглашаем к сотрудничеству с журналом ученых-историков, профессорско-преподавательский состав высших учебных заведений, учителей, аспирантов, соискателей и студентов, исследователей-краеведов, писателей и журналистов, занимающихся проблемами истории России как в общем, так и в региональном ее аспектах.

Предложенные Вами материалы (публикации бесплатные) просим направлять по адресу: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46, редакция журнала «Рязанский историк», А.Ф. Агарёву, e-mail: a.platonova @ rsu.edu.ru

Редакция журнала

Научное издание

Рязанский
историк

Научный журнал
2008
№ 7

Главный редактор
Агарёв Александр Фёдорович

Редактор *Т.Н. Свитнева*
Технический редактор *В.В. Дмитриева*

Подписано в печать 10.09.08. Позиция № 086. Бумага офсетная. Формат 70x108/16.
Гарнитура Times New Roman. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 9,98. Уч.-изд. л. 10,0. Тираж 500 экз. Заказ № 232

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»
390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46
Тел. (4912) 77-99-29. E-mail: newhist@tfc.ryazan.ru

Редакционно-издательский центр РГУ
390023, г. Рязань, ул. Урицкого, 22